

Полное Собраніе
СОЧИНЕНІЙ

Михайла Васильевича

ЛОМОНОСОВА,

Съ приобщеніемъ жизни сочинителя и съ прибавленіемъ
многихъ его нигдѣ еще не напечатанныхъ твореній.

Часть вторая

Третьимъ тисненіемъ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
издѣвеніемъ Императорской Академіи Наукъ
1803 года.

**ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ,
ГЕРОИЧЕСКАЯ ПОЕМА.**

ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ
ИВАНУ ИВАНОВИЧУ ШУВАЛОВУ.

Начало моего великаго труда
Прими, Предстатель Музъ, какъ принималъ всегда
Сложенія мой любя Россійско слово,
И шѣмъ стремленіе къ стихамъ давалъ мнѣ ново-
Тобою поощренъ въ сей пушъ пустился я :
Ты будешь онаго споспѣшникъ и судья.
И многи, и сѣя дана Тебѣ доброша,
Къ словеснымъ знаніямъ прехвальная охота.
Природный видишь Твой и просвѣщенный умъ,
Гдѣ мысли важныя, и гдѣ пустыхъ словъ шумъ.
Мнѣ нуженъ швоего разсудокъ тонкой слуха,
Чтобъ слабость своего возмогъ признать я духа.
Когда подъ бременемъ поникну упоменъ,
Вниманіемъ Твоимъ возстану ободренъ.
Хотя во слѣдъ иду Виргилію, Гомеру,
Не нахожу и въ нихъ довольнаго примѣру.
Ие вымышленныхъ пѣтъ намѣренъ я боговъ,
Но истинны дѣла, великій трудъ Петровъ.
Достойную хвалу воздашь сему Герою
Труднѣе, нежели какъ въ десять лѣтъ взять Трою!
О естлибъ было то въ возможности моей!
Бѣглець Виргиліевъ изъ опчества Еней
Едвабъ съ Мазепою въ стихахъ моихъ сравнился,
И басней бы своихъ Виргилій услышлся.
Уликовыхъ Сиренъ и Ахиллесовъ гнѣвъ
Во вѣкъ бы заглушилъ понранный ревомъ Левъ.

ПЕТРЪ В ЕЛИКІИ

За кѣмъ же я пойду? — Въ слѣдъ подвигамъ *Петровымъ*,
И возвышеніемъ стиховъ Геройскихъ новымъ
Увѣрю цѣлыя вселенныя концы,
Что тѣмъ я заслужу Парнасскіе вѣнцы:
Что первый пѣлъ дѣла такого Человѣка,
Каковъ во всѣхъ странахъ не слыханъ былъ отъ вѣка.
Хотя за знаніе служилъ мнѣ въ шомъ шаланѣ;
Однако скажущъ всѣ я былъ судьбой избранъ.
Желая въ умъ вперить дѣла *Петровы* громки,
Описаны въ моихъ стихахъ прочтущъ пошомки.
Обильные луга, прекрасны брега рѣкъ,
И только гдѣ живетъ Россійскій человѣкъ,
И почиающі Россію всѣ языки,
У коихъ по трудамъ прославленъ *Петръ Великій*,
Достойну для него дадутъ симъ честь стихамъ,
И спанутъ ихъ гласишь по рощамъ и лѣсамъ.
О какъ я возношусь своимъ успѣхомъ мнимымъ,
Трудомъ желаемымъ, но непреодолимымъ!
Однакожъ я отнюдъ надежды не лишенъ:
Начатой будетъ трудъ прилѣжно совершенъ.
Твоими, Меценатъ, бодрясь въ трудъ словами,
Стремлюся на Парнасъ какъ легкими крилами.
Въ разборъ убѣжденъ о правотѣ Твоей.
Пренебрегаю злыхъ роптаніе людей.
И естли въ полѣ семъ прекрасномъ и широкомъ
Преторжешся мой вѣкъ недоброхошнымъ рокомъ;
Цвѣтущимъ младостью останется умамъ,
Что мной проложеннымъ послѣдуютъ стопамъ.
Довольно таковыхъ родишь сыновъ Россія,
Лишь былибъ завсегда защитники такіа,
Каковъ Ты промысломъ въ сей день произведенъ,
Для щасія наукъ въ отечествѣ рожденъ.

Благо-

П О Е М А

Благополучная сѣяла къ нимъ планета,
Предвозвѣщая плодъ въ Твои прекрасны лѣта.
Въ благодѣяніяхъ Твои проходяшь дни,
О коль красно цвѣшешь Парнассъ въ Твоей шѣни !
Для Музы моея Твой вѣкъ всего дороже:
Для многихъ щасствія продли, продли, о Боже!

Ноября 1 дня, 1760 года.

СОКРА-

СОКРАЩЕНІЕ ПЕРВОЙ ПѢСНИ.

ПЕТРЪ Великій увѣдавъ, что Шведскіе корабли идуть къ городу Ерхангельскому, дабы тамъ учинить раззореніе и отвратить Государевъ походъ къ Шлиссельбургу, отпустилъ войско приступать къ оному. Самъ съ гвардіею предпріимлетъ путь въ Сѣверъ и слухомъ своего приходу на Двинскія устья обращаетъ въ бѣгство флотъ Шведской. Оттуда простирая походъ къ осадѣ помянутой крѣпости, по Бѣлому морю, претерпѣваетъ оласную бурю, и отъ ней для отдохновенія уклоняется въ Унскую губу. По томъ приставъ къ Соловецкому острову для молитвы, при слухахъ разговора о расколѣ, сказываетъ Государь Настоятелю тамошніа обители о стрѣльцкихъ бунтахъ, изъ которыхъ второй былъ раскольничей.

ПЕТРЪ

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

ПОЕМА.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

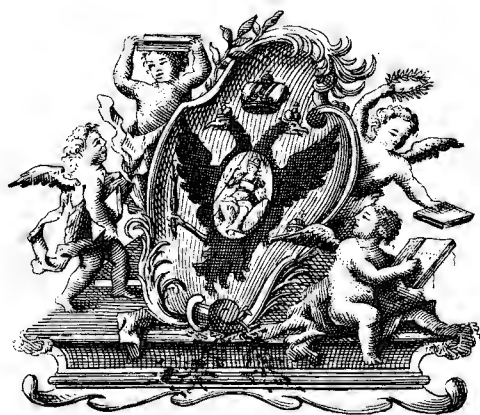
Пою премудраго Россійскаго Героя,
Что грады новые, полки и флоты строя,
Отъ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ со злобой велъ войну,
Сквозь страхи проходя, вознесъ свою страну;
Смирилъ злодѣевъ внутрь, и внѣ поправъ противныхъ, 5
Рукой и разумомъ свергъ дерзостныхъ и льстивныхъ;
Среди военныхъ бурь науки намъ открылъ,
И мѣръ дѣлами весь и зависть удивилъ.

Къ тебѣ я вопію, Премудрость безконечна,
Пролей свой лучъ ко мнѣ, гдѣ искренность сердечна, 10
И полонъ ревности спѣшитъ въ восторгъ духъ,
Петра Великаго гласишь вселенной въ слухъ,
И показать, какъ Онъ превыше человека
Понесъ труды для насъ неслыханны ошъ вѣка;

Часть II.

2

СЪ

15 СѢ какимъ усердіемъ отечество любя,
 Ужаснымъ подвергалъ опасностямъ себя.
 Да на Его примѣръ и на дѣла велики.
 Смошря весь смертныхъ родъ, смотря земны Владыки,
 Познающъ; что Монархъ, и что ошецъ прямой,
 20 Строишель, плавашель, въ поляхъ, въ моряхъ Герой.
 Дабы Россійскій родъ во вѣки поумилъ швердо,
 Коль, небо! шы ему явилось милосердо.
 Ты мысль мнѣ просвѣши; дѣлами *Петръ* снабдишъ,
 Велика Дщерь Его щедрой оживишъ.

25 Богиня, коей власшь владычествъ всѣхъ превыше,
 Державство крошкое весны прек. асной тише,
 И къ подданнымъ любовь всѣхъ вышній есть законъ,
 Ты внемлешь сѢ крошостью мой слабый лирный звонъ:
 Склони, склони свой слухъ, когда я предъ Тобою
 30 Дерзаю возгласишъ военною трубою
 Тебя родившее велико божество!
 О море! о земля! о шварей естество!
 Монархини моей вы нраву подражайше,
 И гласу моему со крошостью внимайше.

35 Уже освобожденъ отъ варваръ былъ Азовъ;
 До Меошискихъ Донъ свободно текъ валовъ,
 Нося ужасной флотъ въ струяхъ къ пучинѣ черной,
 Чтѣ созданъ въ скорости *Петролъ* неимовѣрной.
 Уже великая покоилась Москва,
 40 Избывъ отъ люшаго злодѣевъ суровства:
 Буншующихъ стрѣльцовъ достойной послѣ казни,
 Просшерла въ свой мечъ безъ внутренней боязни.
 Отъ дерзкой наглости разгнѣваннымъ *Петролъ*,
 Воздвигся въ западѣ войны ужасной громъ.

Ошъ

Отъ Нарвской обуявъ сомнительной побѣды , 45
 Шашались мыслями и войскъ походомъ Шведы.
 Монархъ нашъ отъ Москвы простеръ свой быстрой ходъ ,
 Къ любезнымъ берегамъ полночныхъ бѣлыхъ водъ,
 Гдѣ прежде межъ валовъ душа въ немъ веселилась ,
 И больше къ плаванью въ немъ жажда воспалилась. 50
 О коль ты щастлива, великая Двина,
 Что славнымъ шествіемъ его освящена !
 Ты тѣмъ всѣхъ выше рѣкъ, что устьями своими
 Сливаясь въ сомъ единъ со безднами морскими,
 Открыла посредѣ играющихъ валовъ 55
 Другихъ всѣхъ прежде струй пучинъ зракъ *Петровъ*.
 О холмы красные и оспровы зелены,
 Какъ радовались вы симъ щастьемъ возхищены !
 Что поздно я на васъ, что поздно я рожденъ,
 И тѣмъ толикаго веселія лишенъ ; 60
 Не зрѣлъ, какъ онъ сіялъ величествомъ надъ вами ,
 И шествовалъ по вамъ предъ новыми полками ;
 Какъ новы крѣпости, и новы корабли,
 Ужасные врагамъ въ волнахъ и на земли,
 Смотрѣлъ и утверждалъ, противу ихъ набѣгу, 65
 Грозящему бѣлой Архангельскому берегу :
 Дабы Россійскую тѣмъ силу раздѣлитьъ,
 Онъ Ингерскихъ градовъ осады отвратишь.
 Но вдругъ пришествія *Петрова* въ сѣверѣ слухомъ ,
 Смушаясь пушились вспяшь унылы, шомны духомъ. 70

Уже бѣлая Понть передъ *Петромъ* кипишь,
 И влага усхупишь, шумя, ему спѣшишь.
 Тамъ вмѣсто чаянныхъ бореи флаговъ Шведскихъ,
 Россійскіе въ зыбяхъ взвѣвали Соловецкихъ.
 Закрылись крайніе пучиною лѣса ; 75
 Лишь съ моремъ видны вкругъ сліяны небеса.

- Тутъ вѣтры сильныя имѣя флотъ во власи,
 Со всѣхъ сторонъ сложась къ погубельной напасти,
 На Западъ и на Югъ, на Сѣверъ и Восходъ
 80 Стремятся, и вертятъ иглу, влагу и несохъ
 Перуны мракъ густой сверкая раздѣляютъ.
 И громы съ шумомъ водъ свой трескъ соединяютъ:
 Межъ моремъ рушился и воздухомъ предѣлъ;
 Дождю на встрѣчу дождь съ кипящихъ волнъ лешѣлъ;
 85 Въ сердцахъ великой страхъ сугубяшъ скрипомъ снасти.
 Герой нашъ посреда, великія напасти,,
 И взоромъ и рѣчами смутившихся крѣпитъ,
 Сквозь грозный стонъ стихій къ блѣднѣющимъ гласитъ;
 „Мужайтесь; Промыслъ насъ небесный искушаетъ;
 90 „Къ трудамъ и къ крѣпости: на предки: ободряетъ;
 „Всякъ дѣлу своему со тщаніемъ внимай:
 „Опасности сея Богъ скоро пошлетъ край.,,
 Ошъ гласа: въ грудь пловцамъ кровь теплая: вліялась,
 И буря въ ярости крошае: показалаась..
- 95 Я мыслю, что тогда: сокрыта: въ морѣ мочь,
 Желая: отвратить: набѣгъ: противныхъ: прочь,
 Толь: страшну: бурю: имъ: на: пагубу: воздвигъ
 Что: въ: плаваньи: *Петра*: нечаянно постигла

- О вы: рачители: и: слушатели: словъ,
 100 Въ которыхъ подвигъ: вамъ: пріятенъ: есть *Петровъ*,
 Едина: истинна: возлюбленна: и: сродна:,
 Отъ вымысловъ: краса Парнаскихъ: негодна:!
 Позвольте: между: тѣмъ, чтобъ: слаба: мысль: моя:
 И: голосъ: опочидъ, труды: Его: поя;
 105 Въ Кастальски: роуди: я: не съ тѣмъ: себя: склоняю: ,
 Что: онымъ: таятъ: сыскать: красу: и: силу: чаю: .

Ключи

Ключи, источники, долины и цвѣшны
 Не могутъ дѣлать Его умножить красоты;
 Собой они красны, собой они велики.
 Ошважась въ долгій путь гдѣ трудности шолки, 110
 Иду, чѣмъ иногда имѣть себѣ покой,
 Въ убѣжища сіи склонись вы со мной:
 Дабы яснѣе зрѣть съ высокихъ мѣстъ и красныхъ
 Петра въ волнахъ, во льдахъ, въ огнѣ, въ бѣдахъ ужасныхъ
 И славы истинной въ блистающихъ лучахъ. 115
 Какое зрѣніе мечшается въ очахъ?
 Я на землѣ спою, но страхомъ колеблюсь,
 И чаю, что въ водахъ свирѣпыхъ погружаюсь!
 Мнѣ всякая волна бытъ кажется гора,
 Что съ ревомъ подаешь обрушась на Петра. 120

Но промыслъ въ глубину десницу простираешь;
 Оковы тяжкія вдругъ буря ощущаетъ.
 Какъ въ разныхъ разбѣжась свирѣпый конь поляхъ,
 Ржетъ, пышетъ, ошъ копытъ восходитъ вихремъ прахъ;
 Однако доскакавъ до высоты крушья, 125
 Вздохнувъ кончается бѣгъ, льетъ токи потовыя:
 Такъ Сѣверъ укротясь впослѣдніи возсеналъ.
 По усталымъ валамъ Понть пѣну разшилалъ;
 Изчезли облака; сквозь воздухъ въ Югъ чистый,
 Открылись два холма и береги лѣсисты. 130
 Межъ ними кораблямъ въ заливъ ошверзся входъ,
 Убѣжище пловцамъ ошъ безпокойныхъ водъ;
 Гдѣ въ мокрыхъ берегахъ крушья печальна Уна,
 Медлительно шечетъ въ объятія Непшуна.
 Въ числѣ Россійскихъ рѣкъ безвѣстна и мала; 135
 Но Предковъ рокомъ злымъ Петровыхъ, прослыла:
 Когда коварнаго свирѣпствомъ Годунова
 Кипѣла пролила невинныхъ кровь багрова;

Какъ

- Какъ Праотцевъ Его онъ въ сѣверѣ заточилъ,
 140 Во влажномъ мѣстѣ семъ, о злоба ! уморилъ.
 Сошелъ на берегъ *Петръ*, и ободрилъ стопами.
 Мѣста обмоченны Романовыхъ слезами.
 Подвиглись берега, зря въ славѣ оныхъ родъ.
 Межъ шѣмъ способной вѣтръ въ свой путь сзываетъ флотъ.
 145 Онъ легкимъ къ западу дыханьемъ поспѣшаетъ
 И мѣлкихъ волнъ вокругъ себя не ощущаетъ.
 Тогда плывущимъ *Петръ* на полночь указалъ,
 Въ спокойномъ плаванѣ сѣи слова вѣщалъ
 „Какая похвала Россійскому народу
 150 „Судьбой дана, пройти покрыту льдами воду.
 „Хотя шамъ кажется пославленъ плыть предѣлъ;
 „Но бодрость подають примѣры славныхъ дѣлъ.
 „Полденный свѣта край обшелъ отважный Гама,
 „И солнцева достигъ, что мнила древность, храма.
 155 „Герои на моряхъ Колумбъ и Магелланъ
 „Коль много обрѣли безвѣстныхъ прежде странъ;
 „Подвигнушы хвалою, исполнены надежды,
 „Копорой лишены пугливыя негѣды,
 „Презрѣли робость ихъ, роптанье и упоръ,
 160 „Что въ нихъ произвели болѣзни, голодъ, моръ.
 „Иное небо шамъ и новыя съѣтила,
 „Тамъ полдень въ сѣверѣ, ина въ магнитѣ сила.
 „Бездонный Океанъ шравой какъ лугъ покрытъ;
 „Погибель въ ночь и въ день со всѣхъ сторонъ грозишь.
 165 „Опасенъ вихрей бѣгъ, но пишина страшнѣе,
 „Что портишь въ жилахъ кровь свирѣпыхъ ядовъ злѣе.
 „Лишаешь долгой зной здоровья и ума.
 „А стужа въ сѣверѣ ничтожитъ вредъ сама.
 „Самъ ледъ, что кажется шоль грозенъ и ужасенъ,
 170 „Ошъ оныхъ лютыхъ бѣдъ дастъ ходъ намъ безопасенъ.

„Колум-

„Колумбы Россіе презрѣвъ угрюмый рокъ,
„Межъ льдами новый путь створятъ на возшокъ,
„И наша досягнетъ въ Америку держава;
„Но нынѣ настойтъ въ войнахъ иная слава.,,
Надежды полный взглядъ слова его скончалъ, 175
И добрый духъ къ трудамъ на всѣмъ лицѣ сіялъ.

Достигло дневное до полночи свѣшило,
Но въ глубинѣ лица горящаго не скрыло,
Какъ пламенна гора казалось межъ валовъ,
И просширало блескъ багровой изъ за льдовъ. 180
Среди пречудныя при ясномъ солнцѣ ночи
Верьхи златыхъ зыбей пловцамъ сверкающъ въ очи.
Отъ сѣвера спада морскихъ приходятъ чуль
И воду вихрями крутятъ, и къ верьху бьютъ,
Предшествуя царю пространныя пучины, 185
Что двинулся къ *Петру*, ошибкою повинный,
Изъ глубины своей, гдѣ царствуетъ на днѣ.
Въ недосыгаемой отъ смерсныхъ споронъ,
Между высокими камнистыми горами,
Что мы по зрѣнію обыкли звать мѣлями, 190
Покрытый залошныи пескомъ простерлся долъ;
На томъ сего царя палаты и престолъ.
Столпы округъ его огромныя кристаллы,
По коиъ обвилися прекрасныя кораллы.
Главы ихъ сложены изъ раковинъ вишыхъ, 195
Превосходящихъ цвѣтъ дуги межъ тучъ густыхъ,
Что кажетъ укроясь намъ громовая буря;
Помостъ изъ аспида и чистаго лазуря.
Палаты изъ одной изсѣчены горы;
Верьхи подъ чешуей великихъ рыбъ бугры; 200
Уборы внутренни покровъ черепокожныхъ,
Безчисленныхъ звѣрей, во глубинѣ возможныхъ.

Тамъ

- Тамъ тронъ жемчугами усыпанный яншаръ ;
 На немъ сидишь волнамъ съдымъ подобенъ Царь-
 205 Въ заливы, въ Океанъ десницу простираешь ,
 Сафирнымъ скипетромъ водамъ повелѣваешь .
 Одежда царская порфира и виссонъ ,
 Чшо сильныя моря несутъ ему предъ тронъ .
 Ни мразы, ни Бореи шуда не досягаютъ ,
 210 Лишь солнечны лучи сквозь влагу проникаютъ .
 Отъ хлябей сихъ и безднъ владѣтель водъ возникъ :
 Вздвигли радостной морскія пщицы кликъ .
 Онъ въ слѣдъ къ плывущему Герою обратился ,
 И новости судовъ *Петровыхъ* удивился :
 215 „Твоя, сказалъ, моря, надъ нами царшвей въкъ ;
 „Тебѣ шеченіе пространныхъ шѣсно рѣкъ :
 „Построй великой флотъ ; поставъ въ пучинѣ спѣны .,
 Скончали пѣніемъ сей гласъ его, сирены .
 То было, либо шакъ бышь надобнобъ сему ,
 220 Чшо долженъ Океанъ Монарху своему .
 Уже на западъ восточными лучами
 Ошкрылся освѣщенъ съ высокими веръхами
 Пречудныхъ стѣнъ округъ, изъ дикихъ камней градъ ;
 Гдѣ вольны плѣнники спасаяся сидятъ .
 225 Ошъ мѣра ошдѣлаясь и моремъ и святыней ,
 Примѣръ ошеческихъ ошъ древнихъ лѣшъ пустыней ,
 Лишь шолько лишены прѣшнѣйшихъ плодовъ
 Ошъ древъ, чшо подаютъ и пищу и покровъ :
 Не можешъ произвестъ короткое ихъ лѣшо ;
 230 Снѣгами въ прошчи дни лице земли одѣшо .
 Сквозъ мракъ и сквозь шуманъ, сквозь буйныхъ вѣшровъ шумъ .
 Восходишь къ небесамъ поющихъ гласъ и уиъ .
 Къ симъ спрогимъ берегамъ великій *Петръ* приходишь ,
 Внимательный свой взоръ на зданія возводишь .

Изъ

Изъ каменныхъ бугровъ воздвигнута стѣна,
Водами ошо всѣхъ сторонъ окружена,
Его и воиновъ съ веселіемъ прѣмлешъ;
Стрѣльбѣ и пѣнію пустыня купно внеслешъ.
На встрѣчу съ ликомъ Фирсѣ усердствуя спѣшишъ,
И Гостя осѣнивъ, въ вѣзторгѣ говоришъ: 240
„Благословенъ Твой путь Всевышняго рукою:
„Могущество Его предходинъ предъ Тобою.
„Онъ къ сей съ высотъ своихъ обители смотря,
„О имени своемъ возвеселишъ Царя.
„Живящія Его въ семъ мѣстѣ благодати 245
„Причастны новыя Твои да будутъ раши.,
Монархъ отъ промысла избранный человекъ
Видѣниль, что передъ нимъ спокѣ Мельхиседекъ,
Побѣды прежнія Его благославляешъ,
И къ новымъ шоржествамъ духовно ободряешъ. 250

Монархъ почтивъ труды и знаки чудныхъ дѣлъ,
Строеніе вокругъ и мѣсто осмошрѣлъ:
Спросилъ Наславника: „Кшо сиии васъ горани
„Толь крѣпко оградилъ, поставя ихъ руками? 255
„Великій Іоаннъ, Твой сродникъ и примѣръ,
„Что Россѣвъ превознесъ и злыхъ Агарянъ стерѣ.
„Онъ жертву принося за помощь въ браняхъ Богу,
„Межъ прочими и здѣсь дааъ милосшину многу:
„Пятьсотъ измѣнниковъ пойманныхъ Ташаръ,
„Имъ въ казнь, обители прислааъ до смерши въ даръ. 260
„Работною ихъ рукъ сѣи воздвигались стѣны,
„И Праощевъ Твоихъ усердіемъ снабдины
„Въ холодной сей странѣ отъ бурь покровъ даюшъ,
„Безмолвно бдѣніе и безнавѣшенъ трудъ.,
Сіе въ отвѣтъ дааъ Фирсѣ; и указавъ на слѣды, 265
Гдѣ церковь надъ врагомъ семъ лѣшъ ждала побѣды.

Часть II.

3

Сказалъ:

Сказалъ: „здѣсь каменны передъ стѣной валы
 „Насыпаны противъ раскола и хулы.
 „Желая ереси изшоргнуть Твой Родитель,
 270 „Исправить церкви чинъ послалъ въ сію обитель,
 „Но грубыхъ тѣхъ невѣждъ въ надежныхъ толь стѣнахъ,
 „Не преклонилъ ни гладъ, ни должной казни страхъ.
 „Крѣпились мнимыми прельщенны чудесами,
 „Не двинулись своихъ кровавыми спруями;
 275 „Пока упрямство ихъ унижилъ Божій судъ,
 „Ужѣ въ церковной всѣ послушности живущъ.
 Монархъ воспомянулъ, коль много отъ раскола
 Простерлось наглостей и къ высотѣ престола,
 Вздохнувъ повѣствовалъ ужасную напасть,
 280 И властолюбную Софіи хитрой страсть.

Ахъ, Музы, какъ мнѣ пѣшь? Я тѣхъ лишу покою,
 Которыхъ сродники развращены мечтою
 Не щились за *Петромъ* въ благословенной пушѣ,
 Но щедро выслили противъ Его дерзнуть.
 285 Представивъ злобу ихъ гнушаюсь и жалю,
 Что родъ ихъ огорчу невинностью своею!
 Какой бодритъ меня и лучъ и жаръ и шумъ,
 И гонитъ въ скорости смущенныхъ тучу думъ?
 Съ прекрасной высоты, съ великаго Парнасса
 290 Наполнился мой слухъ пронзающаго гласа.
 Минерва, Аполлонъ и девять сестръ зовутъ,
 И нудящъ совершить священный спѣшно трудъ.
 „Ты хочешь въ землю скрыть врученно смысла злато?
 „Мы пѣшь тебѣ велимъ; и что велимъ, то свято.
 295 Уже съ горы гласу Богинь великихъ власть:
 Въ спокойствіи чтите вы предписанную часъ.
 Когда похвалѣныхъ дѣлъ вы ходите по слѣду.
 Не подражая въ злѣ ни сроднику, ни дѣду;

Когда

Когда прошивна вамъ неправда, злоба, лѣсть,
И въ сердцѣ царствуетъ правдивость, совѣсть, честь; 300
Премѣна зла въ добро явишя дѣло чудно.

И за попрекъ хвалу вамъ заслужить не шрудно.
А вы, что хвалитесь заслугами опцевъ,
Ошнюдѣ ошеческихъ достоинствъ не имѣвъ,
Не мните о себѣ, когда ихъ похваляю: 305
Не васъ, заслуги ихъ по правдѣ прославляю,
Ни злости не страшусь, ни требую добра;
Не ради васъ пою, для правды, для ПЕТРА.

Цяшь краѣ прошивъ меня, Онъ сказывалъ, възскала,
И царствовать сестра чрезъ кровь мою искала. 310
Измѣна съ злобою на жизнь мою сложась,
Въ завѣсу святосми притворной обвилась,
Противниковъ добру крѣпила злы совѣшы,
На сродниковъ моихъ и на меня навѣшы.
Передъ кончиною мой старшій братъ признавъ, 315
Что средній въ силахъ слабъ и внушрenne не здравъ,
Способность предпочелъ естественному праву,
И мнѣ препоручилъ Россійскую державу.
Сестра подъ образомъ, чшюбъ братъ былъ защищенъ,
И купно на престолъ со мною посаженъ, 320
Въ немъ слабость, а во мнѣ дни дѣшски презирала.
И руку хищную къ державѣ просширала.
Но прежде притворясь, составила совѣтъ,
Къ кошорому бояръ и всѣ чины зовешъ,
И церкви твердаго столпа Іоакима; 325
Душа его была ошъ ней непобѣдима.
Коварную начавъ съ притворной скорбью рѣчь,
Свой принудила и прошчихъ слѣзы течь.
„Когда любезнаго Теодора лишились;
„Въ какой печали мы, о небо, потрузились! 330

- „Но сверхъ той вопіешъ естественный законъ,
 „Что меньшій старшему отъемлешъ брата тронъ.
 „Стрѣльцы и весь народъ себя вооружающъ,
 „И общей паубой Россіи угрожающъ.
 335 „Всѣ ропщущъ: для чего обойденъ Іоаннъ:
 „Возложашъ на него убійствомъ Царской санъ!
 „Познавъ такую злосць, отвѣщствовалъ Священительъ:
 „Отъ жизни отходя и брашъ пивой и Родительъ.
 „Избраніе ПЕТРА препоручили намъ:
 340 „Мы слѣдовали ихъ Монаршескимъ словамъ.
 Несклоннаго сего отвѣща ради гнѣвна,
 „Съ народомъ выбирашъ, сказала имъ Царевна;
 „Съ народомъ выбирашъ, не запершись въ чертогъ
 „Поведѣваетъ вамъ и общество и Богъ.
 345 Толстой къ Софіину и Милославской слову,
 По особливому сошедшіеся зову,
 Согласно, дерзостно поборщивали ей;
 Что нѣтъ правдивѣе премудрыхъ сихъ рѣчей.
 Іоакимъ съ всѣмъ представилъ купно ликомъ:
 350 „Мы избрали ПЕТРА и сердцемъ и языкомъ.
 „Ему здѣсь вручена державы вышней часны
 „Съ престола низвести уже не наша властны.
 Софія видя ихъ прошивъ себя упорство,
 Склонила замысловъ къ иной снѣзѣ проворство.
 355 Въ надеждѣ достигнуть своихъ желаній злыхъ,
 Совѣтъ дала вѣнчать на царство обоихъ.
 Однако Патріархъ отнюдѣ не колебался;
 И сими отъ того словами отказался;
 „Опасно въ обществѣ многоначальству быти.
 360 „И Богъ мнѣ не велѣлъ того благословитъ.
 И такъ возставъ отъ Ней съ Священными отходитъ.
 Софію спрасъ владѣть въ безчувственность приводитъ.

Дѣляшъ

Дѣлятъ на скопищахъ Москау буншовщики,
 Готовясь шокъ яролить кровавыя рѣки,
 Предходишь бѣшенство и наглость и буянство, 365
 И ѣдка ненависть, и вождь раздоровъ пьянство:
 Обсѣли улицы, торги и ворота;
 На разхищеніе разписаны мѣста.
 Безъ сна бывъ злобной скопъ, не зашворяя ока,
 Лишь спишь незлобіе; не зная близко рока. 370

Открылся тайный ковъ, когда исчезла тѣнь;
 Багровая заря кровавый вводитъ день.
 Наружъ выходитъ, что умыслила Софія,
 И что Совѣшники ея вслѣли злая.
 Уже измѣнники стрѣльцы сбѣжались въ строй; 375
 И Милославскаго орудіе Толстой,
 Толстой въ буншующихъ шеренгахъ разбѣжася,
 И дерзскихъ ложными словами поощряетъ.
 Кричитъ что Гоаннъ младый Царь удушенъ,
 Нарышкиными, ахъ! толь горько умерщвленъ. 380
 Тогда свирѣстнуя жестокіе тираны,
 Ударили вездѣ въ набатъ и въ барабаны.
 Свѣшило вешнихъ дней осшая высоту,
 Девятаго часа скрывало красоту.
 Внезапно въ ужасъ Москва зритъ изумленна 385
 Оружіе на кремль спѣтася и знамена.
 Колеса тяжкія подъ пушками скрепятъ,
 Глаза ошчальныхъ кровавые горятъ.
 Лишь дому Царскаго, что должны чинить, достигли,
 Какъ звѣри дикіе рыканіе воззвигли. 390
 На мѣсть спѣшите намъ Нарышкиныхъ отдасть,
 Или мы станемъ всѣхъ бишь, грабить и шерзашъ.
 Бояре старшіе Матвѣевъ, Долгорукой,
 Предсавъ давали въ томъ стрѣльцамъ себя порукой,

Чте

- 395 Что всѣ волнуются напрасно обуяѣ ;
 Что Іоаннъ съ ПЕТРОМЪ безъ поврежденія здравѣ ,
 И только лишь о семъ смущеніи печаленѣ .
 Сииѣ словомъ дерзскій бунтъ былѣ нѣсколько умаленѣ :
 Всѣ ждали, чшобы имѣ младыхъ Царей узрѣшѣ .
- 400 И въ домы возвращаясь, спокойствіе имѣшѣ .
 Увидѣвъ изъ своихъ чертоговъ шо Софія,
 Что пресѣкаются ея коварства злыя ,
 Подгнѣсту буйности велѣла дашѣ вина ,
 Чшобѣ снова возпылавѣ горѣла внутрь война .
- 405 Тушѣ вскорѣ разбѣраясь стрѣльцы, какѣ звѣри дики ,
 Возобновили шумѣ убійственной музыки:
 Подобно какѣ бы всю Москву сѣѣдалѣ пожарѣ .
 Царица, Машѣ моя, прошеніемъ боярѣ
 Для утоленія всеобщія напасши
- 410 Презрѣвъ толь близкой рокѣ, презрѣвъ горящи страсти,
 Выводитѣ насѣ съ собой на красное крыльцо .
 Опасность, слезы, гнѣвъ покрывѣ ея лицо ;
 И брата и меня злодѣямѣ показала,
 И чшобѣ покоились, со властью увѣщала .
- 415 Толпами наглеы на верхѣ взбѣгали къ намѣ ,
 И мыѣ шо² кликали обѣхѣ по именамѣ .
 Обличены въ концѣ и правдой и присудствомѣ,
 Хотяшѣ оставитѣ злость неправедну съ безсудствомѣ ,
 И часть бунтующихъ въ обратной бѣютѣ походѣ .
- 420 Царевна усмотрѣвъ, что тихнетѣ злобный родѣ,
 Коварство новое въ погибель составляетѣ,
 И искры яркія въ сердца спѣльцамѣ всыпаетѣ .
 Сказавѣ имѣ собственну опасность и боязнѣ;
 Что завтрѣ люшая самихъ посчитнетѣ казнѣ ,
- 425 И шѣ имѣ отомшятѣ, что нынѣ въ оныхъ волѣ:
 Пропущенны часы не возвращаясь болѣ .

Какѣ

Какъ на поляхъ пожаръ въ началѣ утушенъ,
 Но вдругъ дыханіемъ изъ пепла оживленъ
 Сухой шросшникъ траву въ дни лѣшня поядаетъ,
 И пламень слабыя препяшсша превышаетъ; 430
 Подобно такъ стрѣльцы страхъ съ лютошью смѣшавъ,
 И поощреніемъ злодѣйскимъ возпылавъ,
 Въ чертоги Царскіе насильно устремились,
 Убійсшвоиъ, наглостью неистово вломились.
 Царица машъ моя среди такого зла, 435
 Среди опчаянья едва спасшися могла,
 Гдѣ праотцевъ престолъ въ палату грановиту,
 Ко святоспи его и къ Вышнему въ защишу.
 Въ чертогахъ жалкой стонъ, шерзанье и грабежъ
 И раздаешся крикъ: коли, руби и рѣжь. 440
 Одни Софїины покои лишь свободны
 И двери варварамъ буншующимъ неводны:
 Для убїенія не нуженъ былъ въ нихъ искъ:
 На сродниковъ моихъ направленъ былъ ихъ рыскъ,
 Внезапно большей шуиъ сердца въ насъ утѣсняетъ: 445
 Въ злодѣйшвенныхъ рукахъ Нарышкинъ възрыдаешъ,
 Не могъ его закрыть и жертвенникъ свяшый.
 Лешитъ на копїа поверженъ съ высошы.
 Текущу видя кровь рыкающъ: любо, любо!
 Пронзеннаго подиявъ сіе глясятъ сугубо. 450
 Сего невинный духъ предсеча къ небесамъ
 Оспавилъ плѣнну часть неистовымъ врагамъ.
 Немедленно мечи сверкающъ обнаженны,
 И раздробляющъ шрепещущіе члены!
 Царицей посланныхъ къ стрѣльцамъ увѣщевашъ, 455
 Чшобъ кровь сію проливъ пресстали буншовапъ,
 Подобной лютошью злодѣи похищаютъ,
 На копїа съ крыльца низвергнувъ прободающъ.

Старѣй-

Спарѣйшихъ столѣнниковъ и знашѣйшихъ боярѣ
 460 Подобный умертвилъ судьбины злой ударѣ.
 Тамъ Ромодановской, о горькая кончина!
 Въ послѣдней разѣ взглянулъ на стражающаго сына.
 Тамъ Долгорукаго почтенный санъ и видъ
 Межъ членами другихъ окровавленъ лежитъ.
 465 И краснорѣчѣемъ несчастливой Матвѣевъ,
 Котораго рѣчьми пронзалась грудь злодѣевъ,
 Убитъ; но въ смерти живъ: что блѣдная глава
 Движеньемъ кажетъ устѣ нескончаны слова.
 Коль много послѣ нихъ невинно пострадали:
 470 Съ Царицыныхъ очей злодѣи дерзко брали,
 На беззаконную влекли безчестно казнь!
 Скончался люшый день, осталася боязнь.

О скорбный люшый день и варварствомъ ужасный.
 День мнѣ и сродникамъ для пагубы опасный!
 475 Не помрачился онъ, какъ дерзостный Борисъ,
 Сей смертоносной змѣй Димитрія угрызъ,
 Когда убивецъ злой вертелъ въ горшани жало,
 И сердце матерне опчааясь обмирало.
 Мнѣ чувства изострилъ мой собственней примѣръ,
 480 Лишь вспомню, вижу я, какъ злился изувѣръ.
 Въ младенческомъ умѣ зорѣ люшый вкоренился.
 И нынѣ вспомянуъ я духомъ возмутился:
 Волнуется во мнѣ о томъ со гнѣвомъ страхъ,
 Какъ рождающая меня держа въ своихъ рукахъ
 485 Мой верхъ и грудь свою слезами обмывала.
 Послѣдняго часа, блѣднѣя, ожидала;
 Когда безчувственной въ продержости злодѣй
 Горшани копѣмъ касаяся моею
 Ревѣлъ: скажи, гдѣ братъ, или тебя и сына
 490 Постигнешъ въ мигъ одинъ послѣдняя година.

О промыслѣ въ оной часѣ ты чудо сотворилъ;
 Злодѣйску руку прочь злодѣйской отвратилъ,
 Изъ жаждущихъ Моей гибели сыскался,
 Кшобъ о Моемъ тогдажъ спасеніи старался.

Въ то время съ Ѳеодоромъ и Мартемьяномъ Левъ 495
 По селамъ странствуя скрывались межъ деревъ,
 Вообразивъ своихъ невинну спрасть рыдали,
 И собственную смерть всечасно представляли.
 Тогда почтенный мужъ при старости Кирилъ,
 Последний дѣдъ Мой дни въ затворахъ тѣсныхъ крылъ; 500
 Другихъ, не своего шерзанія боялся,
 Чшобъ крови шокъ сыновъ предъ нимъ не проливался.

Въ отчаянїи, въ шокѣ, въ сненанїи, безъ сна,
 Подобна смерти ночь тогда проведена.
 Стрегущихъ звѣрской взоръ и осажденныхъ блѣдность 505
 Изображали вдругъ насилѣ и бѣдность.
 Злодѣйской вольностью плѣненная Москва
 Казалась въ пропасти погребена жива.
 Какъ неусыпной червь шоска всѣмъ грызла груди,
 Но съ свѣтомъ больше скорбь почувствовали люди. 510
 Вездѣ тревогу бьютъ. Мяшежнической крикъ,
 Наполнивъ слезный градъ, до облаковъ достигъ.
 Рыканья звѣрскія неистово возносятъ,
 Нарышкина на смерть ярясь Ивана просятъ.
 Грозятъ, что скоро всѣхъ постигнетъ строгій рокъ, 515
 Прольется по Москвѣ и слезъ и крови шокъ.
 Но не дошла еще несчастнаго година,
 Еще на день шоску оставила судьбина.
 По граду изъ Кремля разсыпался мяшежъ:
 Въ рядахъ, въ домахъ, въ церквахъ насильство и грабежъ. 520

Тамъ жадность съ наглостью на зло соединилась;
 И къ расхищенію богатства устремилась.
 Презрѣніе святынь, позоръ почтенныхъ лицъ --
 Укоры знасныхъ женъ, ругательство дѣвицъ,
 525 Лишеніе всего богатства превышали:
 Въ сердцахъ правдивыхъ стыдъ превосходитъ всѣ печали.

Коль вечера сего благословенъ былъ иракъ,
 Что буйство прекратилъ и скрылъ злодѣевъ зракъ!
 Уже отягощаясь весь день пишемъ излишнимъ
 530 И изъ несчастливыхъ домовъ богатствомъ хищнымъ,
 Шатаются, спѣшатъ своихъ достигнуть норъ.
 Градски врата блюдетъ ихъ стража и запоръ.

Царевна усмотрѣвъ, что время прѣтекаетъ,
 А умыселъ ея конца не достигаетъ,
 535 Спрѣльцамъ назаврѣ велѣла приступать,
 И наглость съ ковомъ злымъ начавъ соединять,
 Къ Царицѣ шлетъ большихъ Бояръ для уговору,
 Чтобъ брата и отца спрѣльцамъ дала безъ спору:

„Уже чиняшъ приступъ ко красному крыльцу:
 540 „Безъ выдачи не быть смятенія концу.
 Для уваженія въ совѣтъ словъ Боярскихъ
 Предсѣвила особъ оиасность Государскихъ.
 Нарочно яко бы для ушоленья зла
 Сама въ родившія Меня чертогъ пришла.
 545 „Для собственной Твоей и для Дѣтей избавы
 Свирѣпы укроши спрѣльцовъ сказала, нравы,
 „Спаси Себя и ихъ опасность опложи,
 „И брата и отца для миру покажи.
 „Здѣсь домъ Спасителейъ, защита есть велика.
 550 „Кто смѣетъ ихъ оиияшъ отъ Божескаго лика?

Послѣ-

Послѣдую судьбѣ и льстивымъ шоль словамъ,
 Изъ потаенныхъ мѣстъ Нарышкинъ входитъ въ храмъ.
 Въ слезахъ свящый олшаръ цѣлуешъ и объемлешъ,
 И службѣ Божіей усерднымъ духомъ внимлешъ,
 Готовишься принять спрадалъческій конецъ. 555
 „Невинность, говоритъ, разсудитъ самъ Творецъ.
 Тутъ руки Мать Моя Царевнины лобзая,
 Для брaшней пагубы всечасно обмирая,
 Рыданіемъ Свою прерывала рѣчь:
 Изсякнувъ не могли ужъ слѣзы больше печь. 560
 „Для отческой къ тебѣ, супружной Миѣ любви
 „Не проливай еще Моей невинной крови.
 „Представъ, что сей по мнѣ и Алексѣю брaшъ,
 „И дядя и отецъ его оставшихъ чадъ.
 Софія слѣдовать велѣла за собою. 565
 Нарышкину къ стрѣльцамъ, поднявъ его рукою.
 Съ призорной жалостью. Царица отъ шѣски
 Держалася другой Ивановой руки.
 Какъ волки хищные на Агнца наскочили,
 Стрѣльцы невиннаго внезапно ухватили; 570
 Презрѣвъ Царицыныхъ и власъ и свящость рукъ,
 Безчестно за власы влекутъ на горестъ мукъ.
 Межъ тѣмъ сестра себя предъ чернью извиняла,
 Что брaшневъ кровью сей отъ смерти избавляла.
 Царица внѣ Себя не зная, что отецъ 575
 Въ отсутствіе ея неволей сталъ чернецъ,
 Полуумершимъ въ слѣдъ на брaша смотритъ взоромъ,
 Терпящаго шоль зло мученіе съ позоромъ.
 Нещастнаго на шортъ злодѣи привлекли:
 И ложны клеветы, оставя стыдъ, взвели, 580
 Что буди по своей онъ безразсудной страсти
 Монаршеской искалъ продержости власти.

- Безъ доказательей по шомъ его шерзавъ,
 На конья подняли, и кинули стремглавъ;
 585 Ошѣкли варварски и руки и главу.
 По злости слышашъ всѣ въ народъ ужъ молву,
 Тамъ вѣрные рабы преступникамъ грозили :
 „Вы горьку казнь себѣ измѣной заслужили.
 „Васъ мстительный пожретъ неукосненно мечъ,
 590 „И крови какъ водѣ достойно вашей течь.
 „Начала только ждемъ: велика вся Россія,
 „Исторгнешъ корень вашъ за возмущенія злыхъ.
 Стрѣльцы хотя рабамъ сулили дань свободу,
 И крѣпости подравъ, сказали то народу,
 595 Однако никакой не слѣдовалъ успѣхъ.
 Уже уразумѣвъ, что трудно встать на всѣхъ,
 Свирѣпость праздникомъ всеобщимъ окончали :
 На царство брѣша вдругъ со Мною увѣнчали.
 Софія воздала преступнымъ мзду и честьъ,
 600 И граматы Москвой на злыхъ главахъ пронесъ.
 Велѣла въ торжествѣ, чтобъ скрывъ свой зашъ,
 Безвинные звались по смерти ихъ злодѣи-
 Побитыхъ имена чишались на столпахъ
 И вѣрнымъ Ошчеству въ сердца вливали страхъ.
- 605 Едва сей бурный вихрь несчастствъ укрошился
 И Я въ спокойствіи къ наукамъ обратился.
 Искаль, гдѣ знанія сіяетъ ясно лучъ,
 Другая мнѣ гроза и мракъ стуженныхъ плучъ
 Ошъ суевѣрія и грубости возводитъ,
 610 И видомъ свящности сугубой страхъ наводитъ.
 Ты вѣдаешь расколъ, что началъ Аввакумъ
 И пустосвящъ злодѣй, его сообщникъ думъ.
 Незѣжесиво почетъ за свящность старой вѣры,
 Пришали ко стрѣльцамъ ханжи и лицемѣры :

Хованской

Хованской съ сыновии и Мей и церкви врагъ, 615
 Не устыдился бышь въ совѣстѣ побродягъ.
 Здѣсь камни сношены къ стѣнамъ на Капищовъ,
 Тамъ камни бросаны противъ святыхъ законовъ.
 О церковь! о святынь исполненный олтарь!
 О какъ дерзнула къ вамъ коснуться злобна тварь! 620
 Не можно ихъ почестъ въ сообществѣ словесныхъ,
 Что смыслъ и совѣстъ ихъ и чesть въ предѣлахъ шѣсныхъ.

Приноситъ службы долгъ мужъ святъ Іоакимъ,
 Мятежники вошли въ храмъ сонмищемъ своимъ
 Къ лицу Свяшителя для вреднаго раздора, 625
 Скрывая крамолу подъ именемъ собора.
 Когда отъ дерзости ихъ крошко отворачалъ
 И мирной разговоръ о вѣрѣ обѣщалъ,
 Ты волкъ, ты хищникъ злой, безстыдно съ шумомъ лаюшь,
 И камнемъ въ него и въ клиръ его бросаюшь. 630
 Ошъ наглыхъ Пашрїархъ тогда еретиковъ
 Къ Монархамъ принужденъ склониться былъ въ покровъ.

СОКРАЩЕНІЕ ВТОРОЙ ПѢСНИ.

Отъ Бѣлаго моря путешествуя ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ къ Шлиссельбургу черезъ Олонецъ, осматриваетъ горы, и примѣтивъ признаки рудъ и цѣлительныхъ водъ, намѣряется основать заводы, чтобы въ близости производить металлы для новыхъ войскъ и для флота. Нестройность Ладожскаго озера, пожирающаго волнами снаряды и припасы, нужные къ предпріимлемому строенію новаго великаго города и корабельной пристани на Балтійскомъ морѣ, подаетъ ему мысль соединить Волховъ съ Невого впредь великимъ каналомъ. Между тѣмъ Шлиссельбургская крѣпость уже въ осадѣ окружена новыми его войсками, и огнестрѣльными орудіями пригнана въ крайнее утѣсненіе. Женской полъ присылаютъ изъ города просить о вылукѣ; на это отказано: Россійское де войско не за тѣмъ городъ обступило, чтобы женъ разлучить съ мужьями. Между тѣмъ по цѣпенному приготовленію данъ знакъ къ приступу. Мужественному и сильному наладенію непріятель противится весьма упорно. Государи увидѣвъ, что у приступающихъ къ городу лѣстницы коротки, и Шведы обороняясь храбро, притягуютъ немалой вредъ Россіянамъ, послалъ съ указомъ отступить назадъ, чтобы послѣ съ новыми лѣстницами наступленіе цѣпить благополучнѣе. Посланному главной предводителю на приступѣ Князь Голицынъ отвѣтствовалъ: что уже большая трудность преодолѣна; а если снова приступъ начинать, то больше людей потерять должно. Послѣ того скорѣ тиневымъ разорваннымъ бревномъ сброшенъ, съ приступной лѣстницы упалъ за мертвое на землю. Между тѣмъ лопти безъ предводительства Россіане на городъ стали всходить, и Шведы спасенія оттаясь, подаютъ знакъ къ сдачѣ. По вступленіи оныхъ, вылучены изъ города по договору тремя цѣпенными во время приступа проломами.

ПЕТРЪ

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

ПОЕМА.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

О войско славное, пошомки шѣхъ Героевъ,
 Чшо слѣдуя *Петру* по жашвѣ многихъ боевъ,
 Торжественные въ вѣкѣ приобрѣли вѣнцы,
 Опечесство въ земны прославили концы!
 Я вашимъ мужествомъ въ трудѣ семъ ободряюсь, 5
 И сердцемъ и умомъ межъ вами обращаюсь.
 Воюйте щастливо, сравните честь свою
 Со предковъ похвалой, кошорую пою.
 Военны подвиги *Петровы* начинаю,
 Въ отцахъ и въ дѣдахъ вамъ примѣры представляю. 10
 Неустрашимость ихъ изобразитъ мой гласъ,
 Чшо чувствуете вы наслѣдственную въ васъ.
 Ступая мужески въ похвальныя ихъ слѣды,
 Монархинѣ своей приносите побѣды,
 Гдѣ вашъ оружный звукъ восходитъ до небесъ 15
 И по путямъ вездѣ растетъ лавровой лѣсъ.
 Тамъ Нѣмень съ Преглою, тамъ Висла, Одра, Шпрея,
 Живое вашихъ дѣлъ мечшаніе имѣя,
 Текутъ съ почтеніемъ, какъ при *Петрѣ* текли,
 Гдѣ съ шрепешомъ Его встрѣчали Короли. 20
 И рѣки и поля вамъ къ вѣчной славѣ двери
 Отверзли, чувствуя Его въ Великой Джери.
 Противныя страны геройствомъ и трудомъ
 Вы въ собственнѣй себѣ преобрашили домъ.
 И солнце къ намъ сѣѣша въ обратной колесницѣ 25
 Гошовишъ новой блескъ Россійской багряницѣ!

Чшобъ

- Чтобъ нашей радостью украсишь новый годъ,
Вшорично угѣзистъ успѣхами походъ.
Дыханья нѣжныя рожденныя весною
- 30 Повьюшь, бодрому споспѣшествова струю;
Прохладная роса отъ благовонныхъ травъ
Къ отрадѣ вамъ прольетъ обиліе забавъ.
Богатые плоды въ дни лѣшніе пожнише,
Монархинѣ своей спорицны принесите.
- 35 Завистникамъ своимъ не оставляйте зернъ;
Оставше плевы имъ, сухой шпостникъ и пернъ;
Чтобъ чувствуя въ груди явленіе ихъ злоба
Несноснѣ почла затворовъ мрачныхъ гроба;
Чтобъ гордостью своей наказанный Берлинъ
- 40 Для безпокойства царствъ не умышлялъ причинъ,
И помнилъ бы, что *Петръ* ему былъ оборона:
Его десницею удержана корона,
Чѣмъ нынѣ красишься среди земныхъ Владыкъ:
Великимъ онъ *Петромъ* на свѣшѣ сталъ великъ.
- 45 Всѣхъ нынѣ дѣлъ Его имѣешь Дщерь наслѣдство.
Пусть Карловыхъ онъ дней себѣ представишь бѣдство.
О коль бы въ жизни я благополученъ былъ,
Когда бы дѣйствіе усердныхъ вашихъ силъ
Изобразилъ въ водахъ прохладной Ипокрены,
- 50 Воспѣлъ съ подвижники *Петровыми* сравненны,
Елисаветинымъ пѣвцемъ бы сталъ побѣдъ:
Но нынѣ трудъ *Петровъ* къ себѣ мой духъ влечетъ.

- Гдѣ Ладога въ Неву вливаетъ быстры воды,
Стѣною огражденъ шумъ островъ въ древни годы.
- 55 Россійска сей оплошъ поставила рука.
Съ негодованіемъ шумѣла вокругъ рѣка:
Что проливалась въ чужую власъ насильно;
Спасенна нынѣ къ намъ несетъ дары обильно.

Во влагѣ начершалъ Петрова града видѣ,
 Чшо краситъ Дщерь Его, покойтъ и живитъ. 60
 Блаженный струи брегѣ шукомъ напаяющъ,
 Прохладной влагой всю окрестность ободряющъ,
 Защитникамъ своимъ похвальной внимающъ стихъ,
 Всю шягость позабывъ отверженныхъ веригъ.

Въ несчастъѣ нѣкогда Россія утомленна 65
 Вечернихъ сихъ береговъ крушилася лишенна,
 Какъ Готскіе полки для помощи пришедъ,
 Въ противность нанесли странамъ Россійскимъ вредъ;
 Какъ тягость силъ своихъ Москву повергла къ низу;
 Дряхлѣя, съшуя, одѣлась въ мрачну ризу. 70
 Лишенна красоты Монаршаго вѣнца,
 Злощасью своему не видѣла конца.
 Измѣна, зависть, злость, раздоръ, братоубивство,
 Преображали все въ погибель, въ кровопивство,
 Изчезло истинныхъ раченіе похвалъ, 75
 Вездѣ свирѣпый рокъ опечество перзалъ;
 Пока Пожарскаго и Трубецкаго ревность,
 Смогря на праощевъ на славну Россовъ древность,
 Пресѣкла наконецъ побѣдою напастъ,
 И обществомъ дана Петрову Дѣлу власть. 80
 Младый Монархъ во градъ поверженный приходитъ
 И на развалины плачевный взоръ возводитъ.
 Отрада Россовъ всѣхъ по скорби Михаилъ,
 О какъ крушился Ты рыдалъ, и слезы лилъ!
 Чшо мыслилъ Ты спунивъ на вышю престола 85
 Стоящаго среди плачевнаго всѣмъ дола?
 Тамъ храмовъ Божіихъ старинный трудъ верхи
 По стогнамъ и по рвамъ повергнули враги.
 Еще возходитъ дымъ отъ хищнаго пожара,
 И воздухъ огустѣлъ отъ побѣенныхъ пара. 90

Часть II.

На шоржищахъ пустыхъ поросъ колючей тернѣ,
 Печальной Кремль стоитъ окровавленъ и чернѣ.
 Черногои Царскіе, церковныя священи
 Подобно сѣшуютъ, какъ скучныя пустыни.

95 О горесты! но Твоя великая душа

Въ германской младости уиѣвши насъ спѣша,
 Пригудствомъ и шрудомъ печальнымъ ободряетъ,
 Ошечество изъ безнѣ глубокихъ воздвигаетъ.
 Къ пріумноженію благословенныхъ дней

100 Наслѣдовалъ Тебѣ подобный *Алексѣй*.

Онѣ Россамъ возвратилъ спаринное наслѣдство,
 Злодѣевъ изшребилъ и усмирилъ сосѣдство.
 Обратно пріобрѣстъ вечернѣ шраны,
Петру Великому судьбой поручены.

105 Уже Орѣховецъ стѣняется въ осадѣ,

И въ каменной крѣпясъ прошивится громадѣ,
 Россійскимъ воинствомъ ошвсюду окруженъ:
 Но Голшеской гордостью въ надеждѣ вознесенъ,
 На бреги, на валы на множество взираетъ

110 И видя н вые полки пренебрегаетъ.

Къ пособству приывать старается съ границъ
 Поставивъ знамена на вышѣ стрѣльницъ.
 Тогда Кексгольмская уразумѣвъ Корѣла
 Къ осаднымъ на судахъ припши не укоснѣла.

115 Прибывшимъ воинствомъ прошивникъ подкрѣilenъ,

И пицей и ружьемъ избыточно снабдѣнъ.
 Всѣ мысли ушремилъ къ жестокому отпору,
 Надѣясь получить отъ Карла помощь скору.

Монархъ нашъ преходя Онежскихъ крушость горѣ,

120 Свой проницательной кругомъ возводитъ взорѣ,

И видя, что изъ нихъ изшедшіе пошпки
 Несутъ изъ крушины мешаллически соки,

Богаиъ,

Богатства, здравія, являются ключи :
 Блещящъ изъ мрачныхъ мѣстъ сокровищей лучи:
 Сказалъ „ты можешь мнѣ произвести, Россія , 125
 „Цѣлебны влажнощи и жилы золошныя.
 „Но нынѣ для твоей безсмертной похвалы
 „Спѣшу прошивъ враговъ чрезъ горы и валы:
 „Желѣзо мнѣ пролей, разженной токи мѣди:
 „Пусть мочь твою и жаръ почувствуютъ сосѣди, 130
 „И вспомнятъ, сколько намъ произвели обидъ.,,
 Надежной ревностью блисталъ Геройской видъ.

Принесши паодъ земаля, лишилась дѣшней нѣги ;
 Разносящъ бѣдный листъ бурливыхъ вѣтровъ бѣги
 Лемишь съ крутыхъ верховъ на Ладогу Борей, 135
 Дожди и снѣгъ и градъ шрясетъ съ сѣдыхъ кудрей.
 Наводишь на воду глубокія мошщины :
 Съ воемъ мглу ужасенъ видъ нахмуренной пучины.
 Смутившись шпясью его замерзлыхъ крыль ,
 Крушится и кипишь съ водой на берегъ иль. 140
 Волнами свержены встрѣчаютъ гору волны
 И скачутъ кругъ нея печальныхъ знаковъ полны :
 Между запасами колеблется тамъ дубъ ,
 Между снарядами пловцевъ Россійскихъ шрупъ.
 Тамъ кормы, дни судовъ, разсыпаны, разбишы. 145
 Монархъ узрѣвъ въ пуши, коль злобенъ рокъ несышый
 Вздохнулъ изъ глубины и буръ запрещалъ,
 И въ сердца положилъ великій трудъ Каналъ;
 Дабы Россійскою могущею рукою
 Пошоки Волхова соединишь съ Невоею. 150

О рѣки близкія, но прежде раздѣленны,
 Ликуйте шданіемъ *Петровымъ* сопряженны!

Струями по помужь играючи песку,
 Забудьше древнюю другъ о другъ тоску ;
 155 Вливайше вы себѣ взаимную оспраду ,
 Благодаря, плоды къ Его носите граду.

На свой, ты Волховъ, рокъ негодовалъ въ пуши,
 Чшо не въ Неву тебѣ, но въ Ладогу ищи
 Судьбой послав ено, и бурями шерзашься ,
 160 И силы пошерявъ едва въ нее вливашься.
 Коль часшо ты вздыхалъ, чшобѣ вкупѣ завивашь
 Струи и въ морѣ вдругъ теченіе к нчашь.
 Ты выше береговъ смущаясь поднимался,
 То подъ землей сыскать ходъ тайной покушался,
 165 Везлъ прошивъ любви поставленъ былъ оплошъ :
 Не могъ ты одолѣшь ни хлябей, ни высотъ ,
 Пока Великій *Петръ* презрѣвъ упругость рока,
 Тебѣ далъ пушь, и намъ довольство отъ востока.

Онѣ окомъ и умомъ въ округъ мѣста обшедъ,
 170 Избранные полки къ Орѣховцу ведетъ.
 Живошворящему Его прихода слуху
 Отъ Ладоги въ Неву флотъ слѣдуетъ по суху.
 Могущихъ Росскихъ рукъ не воспящаетъ лѣсъ :
 Примѣръ изображенъ шутъ Ольговыхъ чудесъ.
 175 Предъ Цареградскими высокими спѣнами
 Онѣ по полю въ ладьяхъ спремился парусами.
 Здѣсь вмѣсто вѣпра былъ усердый нашихъ духъ ,
 И вмѣсто парусовъ спряженны силы вдругъ.
 Уже судя ходя по собшвенной стихіи,
 180 На Шведской брегъ везупъ защитниковъ Россіи:
 Тамъ тысяща мужей преправясь чрезъ Неву,
 Надежду подаюшъ къ побѣдамъ, къ шоржеству.

На

На ровъ, на валъ бѣгушъ врагами укрѣпленны:
 Даюся Шведы въ бѣгъ отъ Россовъ уstraшенны.
 И Шеремешевъ спавъ на ономъ берегу , 185
 Ошвсюду заперъ пушъ къ спасенію врагу
 Уже къ начальнику подъ крѣпость посылаетъ ,
 Свобольной выходъ всѣмъ безъ бою обѣщаетъ :
 Что имъ прошивъ Петра не можно бу.дешъ спашъ,
 Напрасно кровь хотяшъ ошвсюду проливашъ , 190
 И задача города не будешъ имъ заворна.
 Но Гопшны, помощи надѣяся отъ Горна,
 Сказали: отъ него приказу къ злачѣ ждущъ.
 На лживой ихъ ошвѣшъ громады вдругъ ревущъ,
 Пылающъ всѣхъ сердца присутствіемъ разженны , 195
 Отъ силъ ихъ потряслись упорства полны стѣны,
 Обширность воздуха куренію тѣсна ,
 И влажная огнемъ покрыта бышрина.
 Горшани мѣдныя рыгающъ жаръ свирѣпый,
 Пылая зелѣе желѣзны рвешъ заклепы 200
 Представъ себѣ въ примѣрѣ стихій ужасный споръ ,
 Какъ внушренностью кипишъ возпламененныхъ горъ,
 Дымъ, пенелъ и смола полдневному ясность кроющъ ,
 И выше облаковъ разженны холмы воющъ ,
 Трѣщашъ разсѣтавшись во облачной водѣ , 205
 Сугубашъ громъ и страхъ сражаясь въ высотѣ,
 Грознѣе какъ въ земномъ ярились прежде чревѣ.
 Въ такомъ трясеніи, во пламени и ревѣ
 Споришъ отчаявшись прошиву Росса Шведѣ,
 Въ ничто вышнѣшъ кровь и презираешъ вредъ ! 210
 Однако въ пагубѣ, въ смятеніи великомъ ,
 Подвигнушъ женскимъ былъ рыданіемъ и крикомъ :
 Разшрепанны власы и мертвостъ блѣдныхъ лицъ,
 И со младенцами повергшіяся ницъ

Мужей

215 Мужей къ смятченію Россіянъ преклоняютъ.

Уже изъ крѣпости съ молбю присылаютъ:

„Избавьте отъ страстей, отъ бѣдства слабыхъ женъ,

„И духъ вашъ на мужицъ пусть будетъ изощренъ.

„Изъ нужной цѣлноты дозвольте имъ свободу;

220 „Являйте мужество крѣпчайшему ихъ роду.

Отъ предводителя осады данъ ошвѣтъ,

Что шоль свирѣпато у Россовъ нраву нѣтъ;

Между супругами не учинятъ разлуки;

Вы вмѣстѣ выступивъ изъ стѣнъ избавтесъ муки.

225 Съ отказомъ зашумѣвъ изъ жаркихъ тучей градъ,

Перуны Россіе и блещутъ и разятъ.

Напрасно изъ дали прошивны подбѣжжаютъ

Осадныхъ выручать: ни въ чемъ не успѣваютъ.

Готовишся вездѣ кровопролитной бой

230 И островъ близъ враговъ подъ нѣшей спалъ дятлой.

Пріемлетъ лѣствицы охотная дружина;

Передъ очами ихъ побѣда и кончина.

Инымъ лешучей мостъ къ шеченію готовъ;

Иные знака ждуть межъ Ладожскихъ валовъ.

235 Дивяшся изъ дали въ стѣнахъ градскихъ пожару,

Призывнаго на брань не слышавши удару.

Какъ туча трозная виситъ надъ головой,

Надуша пламенемъ сокрывшимся водой,

Напрягшуюся внутрь едва содержишь силу,

240 Отбемлетъ почернѣвъ путь дневному свѣсилу,

Внезапно разродясь счисляетъ грономъ слухъ,

И воздухъ двигаясь въ груди счисляетъ духъ;

Сугубятъ доли звукъ и пропасти глубоки,

И дождь и градъ шумитъ, и съ горъ ревутъ пошки:

245 Земля, вода, лѣса поколебались такъ,

Когда изъ многихъ вдругъ жерлъ мѣдныхъ поданъ знакъ,

И

И Ладога на днѣ во глубинахъ завыва.
 Стоящая на ней самоизвольна сила
 Удара и часа урочнаго дождавъ,
 Спѣвши на подвигъ свой, на положенье главъ; 250
 Имъ къ разнымъ пушъ смертямъ шеченіе прекрасно.
 Представъ себѣ, мой дулъ, позорище ужасно!
 Ошъ весель шумъ и скрынъ, свисшъ ядръ, и махинъ ревъ
 Гласятъ прошивникамъ. *Петровъ* и Божій гнѣвъ.
 Они упрямствомъ злымъ еще ожесточенны 255
 Покрывъ смертельными орудіями спѣны,
 Судьбину снѣлася на время отвратишь
 И смертью Росскою св. ю. смершь. облегчишь.
 Какъ вихри сильныя спѣсненные грозю,
 Полки Россійскіе сперлитъ предъ спѣною. 260
 Къ приступу Карповъ вождь Преображенскихъ силъ
 Всѣхъ прежде началъ бой, всѣхъ прежде смершь вкусилъ.
 Свинцомъ лежитъ произенъ сквозь чрево и сквозь руку,
 Вьючись даль знашь съ душой и съ храбростью разлуку.

Сквозь дымъ, сквозь кровавыхъ сверканіе мечей 265
 Вперяетъ бодрыхъ *Петръ* вниманіе очей,
 И лѣствицъ кратк. смъ зришъ пославленныхъ къ возходу,
 Въ приступъ Своему губительну народу:
 Не могушъ храбрые спѣнъ верху досягнуть,
 И щедно вѣрную прошивнымъ ставяшъ грудь 270
 Стремяся отвратитъ раженіе ихъ встрѣчно.
 О коль велико въ Немъ движеніе сердечно!
 Геройско рвеніе, досада, гнѣвъ и жалъ
 И для гибели удаыхъ главъ печаль!
 Смотри на воинства упадокъ бесполезный, 275
 Къ стоящимъ близъ Себя возвелъ зѣнidy слезны:
 „Что всеу добрыхъ Мнѣ, сказалъ, сыновъ губишь?
 „Голыцыну спѣша, велише отступишь.

При-

- Примѣромъ показалъ Монархъ намъ, что Герои
 280 Не радостию чшущъ кровопролисны бои;
 И славныхъ надъ врагомъ прибыточныхъ побѣдъ
 Покрытый шрапами всегда прискорбенъ слѣдъ.
 Межъ тѣмъ подвижники другъ друга поощряютъ,
 И лѣствицъ мужествомъ корыстность дополняютъ.
 285 Голицынъ пламенемъ отовсюду круженъ,
 Сказалъ: „мы скоро трудъ увидимъ совершенъ;
 „Чрезъ отступленіе оныхъ крѣпости обратно
 „Въ другой еще приступъ погибнетъ войскъ двукратно.
 „И есмьли Государь желаетъ городъ взять;
 290 „Позволилъ бы намъ бой начашъ окончашъ.
 Съ отъѣздомъ на стѣну предъ всѣми поспѣшаетъ,
 Солдатамъ слѣдовать себѣ повелѣваетъ:
 „Безчестенъ въ свѣстѣ вамъ и смертенъ здѣсь возвратъ;
 „Преславно шоржество, конецъ вашъ будетъ свястъ:
 295 „Делайте мужествомъ отечество прославить,
 „Монарха своего побѣдою поздравить.
 На коня, на мечи, на яроснь сопоспашъ,
 На очевидну смерть Россіане летятъ.
 Противники стнемъ разяшъ и влажнымъ варомъ,
 300 Желѣзомъ, каменьями, всѣхъ тягостей ударомъ.
 На пре водителя поверженно бревно
 Свирѣпымъ зельемъ уцало разжено.
 Онъ сринувъ поблѣднѣлъ: межъ шрапами бездушныхъ,
 И шомнымъ окомъ зришъ оружниковъ послушныхъ;
 305 Еще стараешься дать къ тверлости приказъ,
 Еще пресѣченной болѣзнью нудишъ гласъ.
 Ревнишли его и слову и примѣру,
 Держа въ умѣ Царя, отечество и вѣру,
 Какъ волны на крутой шѣснятся дружно брегъ;
 310 Вспахенный крушиной возобновляющъ бѣгъ,

До

До прежней вышины ошѣ низу вставѣ яряшся,
И скачущихъ верьхи кудрявые крушатся,
Старинныхъ корни древѣ и шажки камни рвушѣ.
Сѣ обѣихъ сторонѣ спалѣ, сомнѣнный рока судѣ.

Межѣ тѣмѣ ревнительны сердца къ звѣздамъ возходяшѣ, 315
Святаго сѣ горнихъ мѣстѣ Героя иѣ мысль приводяшѣ.

Поборникѣ Александрѣ изрече сихъ береговѣ
Зришѣ грозно ополченѣ надѣ ними на враговѣ.
Ужѣ высокій всходѣ сѣ землей бытѣ мнишся равенѣ,
И Ярославовѣ сынѣ среди зарей преславенѣ, 320

Являя сродный зракѣ *Великаго Петра*,
Оружіемъ звучишѣ чистѣйшимъ серебра,
Святою силою противныхъ устрашаешѣ,
Россіянѣ важношю десницы укрѣпляетѣ.

Защиту древнюю ошѣ сильного плеча, 325
Броней, копья, щита и шлема и меча
Возпомянушѣ мѣста весѣлый плескѣ воздвигли,
Чшо избавленія желаннаго достигли,
Достигли наконецѣ желанныхъ тѣхъ временѣ,
Чшо паки Александрѣ для нихъ вооруженѣ. 330

Вѣ священной дерзости шо представляешѣ воинѣ,
По мыслямъ, по дѣламъ безсмертіа достоинѣ,
Высокъ усердіемъ, надеждою легокѣ,
Чрезѣ мертвыхъ шѣла на свой ступаетѣ рокѣ.
По крѣпкихъ подвигахъ къ успѣху неудобныхъ 335
И по волненіяхъ противныхъ и способныхъ
Взливается на сѣтѣ кровавыхъ вышюу,
Наводитѣ на враговѣ боязнь и шѣсношу.
Наполнился весь градѣ рыданія и плача.

Ужѣ не Нарвская, о Гошы, вамѣ удача: 340
Не мѣстничество здѣсь и не оплошной Крой,
Не старой брани видѣ, не безѣ порядка строй;

Часть II.

6

Великій

Великій правитѣ *Петръ* рожденное имѣ войско,
 И Шереметева раченіе Геройско
 345 Опищеньемъ дышущихъ болришѣ напорѣ сердецѣ.
 Увидѣвъ крѣпости въ сраженіи конецѣ,
 Вы неизбѣжну смершь покорствомъ предварили,
 И бѣлой къ сдачѣ знакѣ по вѣтру распустили.

Умолкнулъ грозный звукѣ со обѣихъ споронѣ;
 350 Лишь слышенѣ раненыхъ плачевный вой и стонѣ.
 Вандамы выпуску съ военной честию просяшѣ,
 И городскихъ воротѣ ключи *Петру* приносяшѣ,
 На Побѣдителя въ возшоргѣ вводяшѣ взорѣ,
 И укрѣпляютѣ свой о сдачѣ договорѣ.
 355 Коль радостная тамѣ, коль красная премѣна!
 Ужъ вѣюшѣ на стѣнахъ Россійскія знамена,
 Изображающія, Невы, въ твоихъ струяхъ,
 Тимпановѣ мирный шумѣ при радостныхъ трубахъ
 Забышѣ велитѣ сердцахъ минувшихъ тучей громы;
 360 И Шведы щадятѣ въ пушѣ въ свои достигнушѣ дома.

Обычай войны изъ древнихъ лѣтъ хранятѣ,
 Чтѣбѣ храбрыхъ почитаніе по сдачѣ сопослать;
 Признаки мужества въ рукахъ ихъ оставляютѣ,
 И славу тѣмѣ своей побѣды уважаютѣ.
 365 Побѣдоносцѣ нашѣ жарѣ сердца отложилѣ,
 И первый крошестью успѣхъ свой посвятилѣ:
 Снабдилѣ прошивниковѣ къ отшествію судами.
 Оставивѣ стѣну зряшѣ прискорбными очами.
 Распущены на вѣтрѣ знамена, трубный шумѣ
 370 Печальной радостью тѣсятѣ ихъ вольной умѣ.
 На волю имѣ пуши прискорбны, стѣнѣ проломы,
 Чтѣо ошворили имѣ изъ рукъ Россійскихъ громы.

По грезнымъ толь страстямъ и по такомъ шрудѣ
Начало чувствуешь предбудущей бѣдѣ.

Въ отечествѣ сказать сей случай поспѣшайше, 375
И побѣжденны бытъ опѣ Россовѣ привыкайше.
Скажише вашѣ домой почтительный возвращѣ,
Что выпущены вы пространствомъ новыхъ врашѣ.
И Карлу вашему побѣду возвѣстише ,
Что *Петръ* Отечеству и къ славѣ и къ защищѣ 380
Надѣ вами получивѣ, наслѣдство возвратилѣ,
И ближе къ Швеціи простерѣ шумѣ орлихъ крилѣ.
Пускай въ Германіи Герой вашѣ успѣваешѣ,
Ошверсты города свободно протекаешѣ ,
Въ рожденной щастіемъ кичливости своей 385
Низводитѣ съ высоты и взводитѣ Королей;
Пусть дерзосно спѣшитѣ какѣ буйный вѣтрѣ къ возшоку,
И приближаешѣ къ предписанному року.
Не найдешѣ Даріа, чтобѣ Александромѣ спашѣ :
Не споритѣ межѣ собой, развратна прежде рашѣ; 390
Петрову новому ученію послушны,
Россіяне стояшѣ въ полкахѣ единодушны.
Движеніемъ Своихъ величественныхъ силѣ
Народу новый духѣ и мужество вложилѣ.
Возшокѣ и Океанѣ его послушенѣ слову: 395
Карлѣ пышношью своей возвыситѣ честь *Петрову*.

Разливы Невскіе на устїяхъ шумяшѣ
И шечь Россіянамѣ во срѣшенъе хомяшѣ,
Тамѣ Нимфы по брегамѣ еѣ веселїи ликуютѣ,
И еѣ осень Зефиры между древами дуютѣ; 400
Виѣняя, что лице земное разцвѣло.

Тогда возвелѣ Монархѣ веселое чело ,
Кѣ начальникамѣ Своимѣ побѣдоносныхъ ратныхъ,
Что видивѣ въ цѣлоси друзей своихъ обратныхъ

405 Отрада всѣхъ живишъ, спократно выше бѣдствѣ.

Опвсюду слышенъ гласъ желаній и привѣстствѣ:

„Уже намъ, Государь, Твоими въ западѣ персты

„Враша для подвиговъ шоржественныхъ отверсты;

„И промыслъ далъ Тебѣ землй и моря ключъ:

410 „По ихъ обширности разпростирай Свой лучъ.

„Намъ сносны всѣ шруды и не ужасны смерши,

„Лишь шолько бы Твоихъ враговъ гордыню смерти,

„Ошечеству подашь довольство, Chesъ, покой.

„И просвѣишишъ народъ, какъ духъ желаетъ Твой.

415 Усерднымъ шоль рѣчамъ *Петръ* радостно вничаешъ;

Но къ городскимъ стѣнамъ приближась въздыхаешъ:

Смошря на разныя поверженія шѣлъ,

Кому какъ умереть предписанъ былъ предѣлъ;

Прощаешся у нихъ печальными ушами:

420 „О други вѣрные, я вашими кровями

„И общихъ и Своихъ преодолѣвъ враговъ:

„Небесныхъ радуешесь сподобившихъ вѣнцовъ.

„Примѣромъ съ высоты другимъ по васъ сѣяйше,

„И мужество въ сердца полкамъ Моимъ вливайше.

425 Рыданіе конецъ былъ жалкой рѣчи сей,

И маніемъ далъ знакъ къ сокрытію коспей.

91

Чрезъ стѣны проходя отъ древности наслѣдны,

Что были долго намъ отъ межъусобства вредны,

Онъ окомъ облешѣлъ преодолѣнный градъ;

430 Разсматриваетъ Самъ все множество громадъ.

Между различными едина изваянна

Великимъ именемъ являетъ Іоанна,

Сей бодрый Государь въ Россію первый ввелъ

На браняхъ новый страхъ земныхъ громовыхъ стрѣлъ.

435 Нелыханны предъ шѣмъ и сильныя удары

Почувствовавъ отъ насъ шрошивъ себя Ташары,

Во вѣкъ ошчаялись надѣ Россами побѣдѣ :
 Скончался съ гордостью Ордынскою Ахметѣ.
 Сѣ старинное орудіе военно
 Въ смущенны времена ошалося плѣненно. 440
 На выгоды свой, на знаки нашихъ бѣдѣ
 Смошря съ веселіемѣ тогда гордился Шведѣ.
 Теперь прошивѣ него обранно пусшѣ пылающѣ,
 И амѣсто радости во брани ушрашающѣ.
 Кошь многи шягосши оружій роковыхъ, 345
 Чшо въ приступленіи вредили насѣ и ихѣ,
 Лежашѣ по улицаиъ и бомбѣ и ядерѣ кучи,
 Намешанные тамѣ изѣ грозной Россовѣ шучи.
 Межѣ цѣлыми число разсѣдшихся громадѣ,
 Чшо выше силѣ своихъ на насѣ пускали градѣ. 450
 Тамѣ потрясенный домѣ на домѣ другой склонился,
 Иной на улицу поверженѣ разрушился.
 По всходамѣ, по сшѣнамѣ, по кровлямѣ угли, прѣхѣ.
 Показываютѣ видѣ, каковѣ былѣ самой спрахѣ.

О смершныи, на чшо вы смершю спѣшишѣ ? 455
 Чшо прежде времени вы другѣ друга губишѣ ?
 Или ко гробу нѣшѣ кромѣ войны пушей ?
 Вездѣ насѣ шянешѣ рокѣ насильствомѣ злыхъ кошпей !
 Кошь многи вышедши изѣ матерней шемницы,
 Ошходяшѣ въ шомѣ же часѣ въ мракѣ черныя гробницы ! 460
 Иной усмѣшкою отца повеселилѣ,
 И очи вдругѣ предѣ нимѣ во вѣки зашворилѣ.
 Готовому вступишѣ во брачныи чершогѣ
 Пронзаетѣ сердце смершѣ и подсѣкаетѣ ноги.
 Въ срединѣ лушчихъ лѣшѣ иной устроивѣ домѣ, 465
 Спокойныиъ говоришѣ, лѣшясь здравѣ пребышѣ, умомѣ:
 Ошныиъ поживу, и наслаждусѣ шрудами;
 Но часѣ послѣдней былѣ, скончался со словами.

Кошь

- Коль многи обстоятъ болѣзни и бѣды,
 470 Которымъ, человекъ, всегда подверженъ ты!
 Кромѣ что немощи, печали внутрь терзаютъ,
 Извнѣ коль многія напасти окружаютъ.
 Пошопы, бури, морь, оправы, вредный гадъ,
 Трясеніе земли, свирѣпы звѣри, гладъ,
 475 Паденіе домовъ, и крущіе пожары,
 И градъ и молніи гремящіе удары.
 Болоша, ледъ, пески, земля, вода и лѣсъ
 Войну съ тобой ведутъ, и высота небесъ.
 Еще ли ты войной, ещель не ушомился,
 480 И самъ прошивъ себя во вѣкъ вооружился?
 Но оправдалъ тебя военнымъ дѣломъ *Петръ*.
 Усердъ къ наукамъ былъ, миролюбивъ и щедръ,
 При томъ и мечъ просеръ и на моръ и въ полъ.
 Сомнительно, чѣмъ Онъ, войной иль миромъ болъ.
 485 Другіе въ чести храмъ рвались чрезъ ту вступишь.
 Но ею онъ желалъ Россію просвѣщить.
 Когда безъ оныя не ввелъ къ намъ просвѣщеній;
 Не можеть свѣтъ спозать безъ сильныхъ оруженій.
 На устьяхъ Невы его военный звукъ.
 490 Сооружилъ сей градъ, воздвигнулъ храмъ наукъ;
 И зданій красота, что нынѣ возрасшаетъ,
 Въ оружіи свое начало признаваетъ.

- Посмотримъ мысленно на прежни времена;
 Народамъ первенство даешь вездѣ война.
 495 Науки съ вольностью отъ звѣрства защищаешь
 И храбрыхъ мышцею росшишь и украшаешь.
 Оружіе дано природою звѣрямъ;
 Готовишь хитростью судьба велѣла намъ.
 Народы дикіе не знаючи науки
 500 Воюютъ пращами и натягаютъ луки.

Открой

Открой мнѣ бытія, о древность, времена;
 Ты разностью вещей и чудныхъ дѣлъ полна.
 Тебѣ ихъ бытіе извѣстно все единой.
 Что приращенію оружія причиной?
 Съ натурой сродна ты, а мнѣ натура мать:
 Въ тебѣ я знанія и въ оной ищу искать.

505

Ужѣ далече зрю въ куреніи и мракѣ
 Нагова тѣла видѣ неясственный въ призракъ.
 Простерлась въ облака великая глава
 И ударяющъ въ слухъ прерывныя слова:
 Такъ должно древности простой быть и неясной
 Съ народомъ нагой, съ нещаніемъ согласной!

510

Велишь „ты зрѣніе по свѣшу обведи,
 „По мѣстѣ различности и вѣки разсуди,
 „И мыслями обратишь на новые народы :
 „(Простерла руку въ даль изъ облаковъ чрезъ воды)
 „Тамъ вмѣсто знанія военныхъ вѣхъ наукъ,
 „Довольна мнишь бытъ едина твердость рукъ;
 „Тамъ знаютъ напрячься колѣномъ и бедрою,
 „Нагая грудь и лобъ, броня и шлемъ есть къ бою,
 „Иные камни взявъ съ земли другъ друга бьютъ;
 „Сломивъ уразину нѣге члены рвутъ.
 „Дреколѣя концы огнемъ шамъ прижигаютъ,
 „И заостривши ихъ противниковъ пронзаютъ.
 „Тамъ тучи спрашныя на воздуха предѣлъ
 „Терновыхъ, косяныхъ, желѣзныхъ воютъ стрѣлъ.
 „При накрахъ движущъ духъ свирѣли, барабаны,
 „И новость стѣнь шрясущъ пороки и шараны,
 „Но индѣ съ ужасомъ трудолюбивой умъ
 „Услышалъ для войны огня приличной шумъ;

515

520

525

530

Европа

Европа тѣмъ грешивъ сама въ себѣ пылая,
 Коль часо фуриа свирѣпствуетъ въ ней злая!
 Кровавая война отъ вѣка такъ течетъ,
 Такъ хитрость бранная отъ первыхъ дней растетъ.
 535 Рокъ кровью присудилъ лице земли багровить;
 Монархамъ надлежитъ оружіе готовить.
 Вашъ *Петръ* за широту предѣловъ мечъ простеръ;
 Блаженству Росскому завиствующихъ стеръ.
 И нынѣ Дщерь шоржествъ безсмертность утверждаетъ,
 540 Огней раженіе искусствомъ умножаетъ.
Елисаветины военныя дѣла
 Какъ мирныя во вѣкъ вѣнчаютъ похвала.

Уже Россіане мѣстъ дряхлость очищаютъ,
 И рухлость стѣнъ, стрѣльницъ, прилѣжно укрѣпляютъ,
 545 Дабы лежащій градъ возспалъ и былъ готовъ,
 Оружіе поднятъ и отвратишь враговъ.
 Преславный въ путь вступилъ Вандаловъ Побѣдитель
 Во градъ, гдѣ Праотцы, и храбрый гдѣ Родитель
 Оставили своихъ заслугъ великихъ знакъ.
 550 Коль радостенъ тамъ былъ Москвы священный зракъ.

Но муза помолчи, помедли дѣ' профеевъ,
 Что взяты отъ враговъ и внутреннихъ злодѣевъ:
 Безмѣрно больше трудъ на предки насшoitъ;
 Тогда представъ сея Богини свѣшлый видъ.

ТАМИРА И СЕЛИМЪ ТРАГЕДІЯ

Въ пяти дѣйствіяхъ.

4

Часть II.

7

КРАТКОЕ ИЗЪЯСНЕНІЕ.

Въ сей Трагедіи изображается стихотворческимъ образомъ позорная гибель гордаго Мамаа Царя Татарскаго, о которомъ изъ Россійской Исторіи извѣстно что онъ будучи побѣжденъ храбростію Московскаго Государя, Великаго Князя Димитрія Іоанновича на Дону, убѣжалъ съ четырьмя Князьями своими въ Крымъ, въ городъ Кафу, и тамъ убитъ отъ своихъ. Въ дополненіе сего представляется здѣсь, что въ нашествіе Мамаева на Россію, Муметь Царь Крымскій обѣщавъ дочь свою Тамиру въ супружество Мамаю, послалъ сына своего Нарсима съ нѣкоторыми числомъ войска на вспоможеніе оному. Въ его отсутствіе Селимъ Царевичъ Багдадскій по повелѣнію отца своего перешедъ черезъ Наполію посадилъ войско на суда, чтобы очистить Черное море отъ Крымскихъ морскихъ разбойниковъ, грабившихъ Багдадское купечество. Сіе учинивъ, приступилъ подъ Кафу, въ которой Муметь будучи осаженъ, и не имѣя довольныя силы къ сопротивленію, выпросилъ у Селима на нѣкоторое время перемирія, въ томъ намѣреніи, чтобы между тѣмъ дожидаться обратно съ войскомъ сына своего Нарсима. Послѣ сего перемирія въ первый день слѣдующее происходитъ въ Кафѣ, званнѣйшемъ приморскомъ городѣ Крымскомъ, въ Царскомъ домѣ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

МУМЕТЪ *Царь Крымскій.*

МАМАЙ *Царь Татарскій.*

ТАМИРА *Царевна Крымская дочь Муметова.*

СЕЛИМЪ *Царевичъ Багдатскій.*

НАРСИМЪ *Царевичъ Крымскій, братъ Тамиринъ.*

НАДИРЪ *Братъ Муметовъ.*

ЗАИСАНЪ *Визиръ Муметовъ.*

КЛЕОНА *Малка Тамиринна.*

ДВА ВѢСТНИКА.

ВОИНЫ.

ДѢЙ-

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ

ТАМИРА и КЛЕОНА.

ТАМИРА.

Наспалъ ужасной день, и солнце на восходѣ
Кровавы пропусшивъ сквозь паръ густой лучи,
Даетъ печальной знакъ къ военной непогодѣ;
Любезна шишина минула въ сей ночи.
Ощецъ мой воинству готовишся къ odporу,
И на стѣнахъ стояшь уже вчера велѣлъ.
Селимъ полкъ св и возвѣлъ на ближню гору,
Чтобъ прямо усстремишь на городъ тучу стрѣлъ.
На гору, какъ орелъ, всходя онъ возносился,
Которой съ высоты на агнца хочешь пасъ;
И быстрой конь полъ нимъ какъ бурной вихрь крушился;
Селимово казалъ проворство шѣмъ и власть.
Онъ ѣдилъ по полкамъ, пока шѣмъ мрачной ночи
Закрѣла ошъ меня полъ, его и строй.
Номомъ и томныя хоща сомкнулись очи,
Однако видѣла его передъ собой;
Во снѣ ли было то, или то было въ явѣ:
Смушался мыслями сонъ, смущались мысли сномъ;
Селимъ казался мнѣ великолѣпенъ въ славѣ,
Таковъ осанкою, Клеона, и лицомъ.

Какъ

Какъ въ перемирны дни скакалъ передъ стѣнами,
Искусствомъ всѣхъ другихъ и взоромъ превышалъ,
И стрѣлы пущены уже подъ облаками,
Направленными въ слѣдъ стрѣлами разсѣкалъ.

КЛЕОНА.

Багдашско воинство умножилось безъ счота!
При всходѣ свѣтлая я видѣла луны,
Что мосты и пути и городски вороша
Противныхъ силою вездѣ осажены.
Ночно молчаніе боязнь усубляло,
И слѣзы по лицу блѣднѣющихъ лились.

ТАМИРА.

Теперь сраженіе конечно ужъ настало;
Клеона! посмотри и скоро возвратись.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ТАМИРА *одна.*

О какъ смущенъ мой духъ! я знаю и заочно,
Селимъ противу стѣнъ стоишь напереди.
Боюсь, чтобъ кто его не ранилъ ненарочно,
И не вонзилъ стрѣлы ошъ насъ въ его груди!
Я ей не чаю бышь такого кровопивца,
Ктобъ съ умыслу хотѣлъ направить лукъ въ него!
О небо, отвращи свирѣпаго убивца,
И сокрушить не дай тѣмъ сердца моего!
Ахъ! Что я дѣлаю? что въ мысли я имѣю?
Я тѣмъ родителя и Бога прогнѣваю,
Что общаго врага опечесству жалѣю!
Никакъ Селимомъ я плѣнилась и люблю?

Однакъ

Однакъ и безъ любви емуль желашъ миѣ року?
Тотѣ злою львицею въ пущихъ горахъ роженъ,
Кто видя съ младосшью природу въ немъ высоку,
Къ жалѣнію по немъ не будетъ побужденъ.
Что онъ противу насъ вооружился въ полѣ,
Сыновняя любовь и должнoshi велятъ.
И какъ родительской не согласиться волѣ?
Отецъ его! отецъ, не онъ намъ сопостатъ.
Онъ щастливъ, что ему есть въ старости заѣна.
Благополучна мать, что въ свѣтъ произвела!
И ежели есть сестра, то коль она блаженна,
Что съ лѣтъ младенческихъ съ нимъ купно возрасла!
Но коль родилась та на свѣтъ благополучно,
Которой щедрая устроила судьба,
Чтобы съ Селимомъ жить до смерти неразлучно!
О какъ волнуясь я! какая внутри борьба!
Теперь я признаю, что нѣкогда сила
Неосторожной духъ уже взяла во власть,
И сердце нѣжное къ Селиму преклонила:
Къ нему я чувствую въ себѣ любовну страсть!
Любовь меня влечетъ его смотрѣть на спѣны.
Куда? и какъ? Или на стрѣлы устремлюсь,
Что нынѣ противъ насъ шумятъ какъ градъ сгущенный?
Но я уязвлена; и стрѣлъ ужъ не бѣюсь.
Ахъ что терзаюсь, я безчастная, не зная!
Селиму можетъ быть въ опечесствѣ своемъ
Любима и любви залогъ взяла иная;
О чемъ крушуся я не разсудя, о чемъ?
Суровая война, шобою учинилось,
Что тотъ противникъ нашъ, кошораго люблю.
Однако гдѣ бы миѣ видать его случилось?
Я время суешнымъ мечшаніемъ гублю.

Не

Не лучше ли просишь отъ вѣрныхъ совѣту,
 И способовъ скорая къ оспрадѣ мнѣ искашь?
 Однако ждешь могучь утѣшнаго отвѣту?
 И какъ осмѣлюсь я Клеонѣ все сказать?

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ТАМИРА и КЛЕОНА.

КЛЕОНА.

Престань себя смущать, дражайшая Царевна!
 Какія вижу я премѣны на лицѣ!
 Ославъ боязнъ: въ сей часѣ минешъ судьбина гнѣвна;
 Весь страхъ мнѣ кажешся при самомъ бышъ концѣ.

ТАМИРА.

Никакъ ужъ ворвались къ намъ въ городъ сопосташы,
 И преврашили страхъ въ ошчаянну печаль?

КЛЕОНА.

Теперь всходила я въ высокія палашы,
 И на Багдашскіе полки смотрѣла въ даль.

ТАМИРА.

Ты видѣла полки: шы видѣла Селима?

КЛЕОНА.

Я видѣла, что онъ отшолъ уже отъ стѣнъ,
 И кажешся, что прочь совсѣмъ идетъ отъ Крыма,
 Невѣдомо какой причинной побужденъ;
 Я чаю, ушомясь, не хочешъ больше бою.

ТАМИРА.

Никакъ ему какой предатель измѣнилъ;
 Или онецъ обьятъ нечаянно войною,
 И шребуешь себѣ его на помочь силъ.

Я

Я чаяла конца и по паденьѣ мнимомѣ,
 Оплакавъ кровь гражданъ и стѣнѣ оставшій прахѣ,
 Мнѣ будетъ слѣдовать во узахъ за Селиномѣ,
 И при Евфрашскихъ жить невольницей брегахъ.

К Л Е О Н А.

Тотѣ ужасѣ миновалъ: военные снаряды
 Противники входя на корабли несущъ,
 Кафа избавилась отъ грозныхъ осады.
 Что слезы по лицу, дражайшая, текутъ?
 Никакъ отъ радости? Однако воздыханья
 И твой прискорбной взоръ иное кажутъ мнѣ,
 Или ужасныя и грозныя мечшанья
 Обеспокоили младую мысль во снѣ?
 Или враги въ ночномѣ призракъ побѣдили?
 Никакъ представилось паденіе сихъ стѣнъ?
 Что Крымски города и сѣла пусты были,
 Что Царь и Домъ его былъ взятъ въ поносной плѣнъ?

Т А М И Р А.

Ахъ естлибѣ шо былъ сонъ, щобъ съ врагомъ разрушился!
 Однако бы и сонъ такой меня плѣнилъ!

К Л Е О Н А.

Или твоей нѣжной духъ любовью уязвился?
 Но ктоже бы тебя въ любви нынѣ уловилъ?
 Скажи, Царевна! мнѣ; или тому быть можно,
 Чтобъ тайны мнѣ твоей не должно было знать?

Т А М И Р А.

Что хочешь слышать ты, шо странно и безбожно,
 Нигдѣ не слыхано, и ужасно сказать!

Часть II.

8

КЛЕОНА.

КЛЕОНА.

Для сихъ ослабшихъ рукъ, которыми носила
Тебя въ младенчествѣ, смущенье опложи,
И вспомнивъ какъ тебѣ я искренне служила,
Не обинуясь мнѣ шоску свою скажи.
Чѣмъ далѣе она въ закрышии таится,
Тѣмъ духъ терзается сильнѣе отъ нея;
Но есѣли объявишь, то можешь утѣлишь,
Иль бышь умѣренна пошомъ печаль твоя.

ТАМИРА.

Любезная моя и вѣрная Клеона!
Коль шажко мучусь я?

КЛЕОНА.

О небо!

ТАМИРА.

Ахъ Селимъ!

Противница отцу, преступница закона!
Врагомъ отечества, и можешь бышь, своимъ .

КЛЕОНА.

О Боже мой! никакъ ты тайно согласилась
И хочешь для любви отечество предашь.

ТАМИРА.

То небо отврати! довольно что прельстилась;
Преступно и любви противничей желать.
Я бодрость и лице, Клеона представляя,
Горю, и пламень мой гашеніемъ расшеть.
Не знаю что начать! скажи мнѣ, дорогая,
Что дѣлашь мнѣ шеперь; когда онъ прочь идеть?

Ужѣ

Ужѣ всѣ мысли съ нимъ на берегъ обратились ;
 Я съ нимъ, я съ нимъ среди морскихъ валовъ плыву,
 И горы Крымскія ошъ насъ изъ виду скрылись !
 Какой объемлетъ хладъ и иракъ мою главу !
 Уѣдешъ о моей любви не извѣстенъ,
 И слезъ моихъ себѣ не будетъ представлять !
 За тѣмъ ли шы, Селимъ ! казался мнѣ прелестенъ ,
 Чшобъ вѣчно по тебѣ безъ пользы воздыхать ?

К Л Е О Н А.

Царевна шы тоску напрасно ! умножаешь.
 Послѣдуй моему совѣту и забудь
 Пусты мечпанія, чѣмъ мысль отягощаешь,
 И кровь кипящую къ сп койсвѣю принудь.
 Селимъ, я слышала о нѣжности не знаетъ,
 Онъ въ полѣ шолько жишь и на спану привыкъ,
 За полное свое блаженство почитаетъ ,
 Когда оружной шрескъ и въ войскъ слышишь крикъ ,
 Какъ стѣны падають и города дымятся ,
 Когда мечи блестятъ, шечешъ по копьямъ кровь,
 Ты сердцу дай покой и полно сокрушаешься :
 Не могушъ вмѣстѣ быть свирѣпство и любовь.

Т А М И Р А.

За нимъ бы слѣдовать ни горы мнѣ высоки,
 Ни конскимъ топотомъ смущенный въ полѣ прахъ,
 Ни копья, ни мечи, ниже кровавы шокы ,
 Ниже какой иной не возбранилъ бы страхъ.
 Любовью горятъ нерѣдко и Герои ;
 Ошъ ней избавитъ не можно никому,
 Кому любезнѣ сраженія и бои
 И жишь всегда въ шашрахъ, какъ брату моему ?

Однако нынѣ онѣ послабѣуя Мамаю,
 Хотя въ Россійской край пошолѣ вооруженѣ,
 Но мысли всѣ свои, Клеона, вѣрно знаю,
 Всѣ мысли клонилѣ къ той, которой уязвленѣ.
 Возлюбленный мой братѣ ! когдабѣ ты здѣсь былѣ нынѣ,
 То ябѣ въ опчаяннѣ шолѣкомѣ не была ;
 Ты сдѣлалѣ бы конецѣ жестокой сей судьбинѣ,
 Илибѣ не допустилѣ сего въ началѣ зла.
 Ты далѣ бы способѣ мнѣ увидѣться съ Селимомѣ,
 Или бы къ симѣ его не допустилѣ стѣнамѣ ;
 И я бы не была въ мученнѣ нестерпимомѣ,
 Не показавѣ такой прїятности очамѣ.
 Теперь послушенѣ ты неистовому звѣрю,
 Въ которомѣ варварство и гордость мнѣ гнусна,
 Кичливому ни въ чемѣ Мамаю я не вѣрю,
 Ему вселенная къ владѣннѣю шѣсна.
 Подумаѣвъ о своемѣ возлюбленномѣ Нарсимѣ ,
 Боюсь, чтобѣ не постигѣ такой его конецѣ,
 Что плачь бы произвелѣ и несброеннѣ въ Крымѣ.

КЛЕОНА.

Царевна ! вотѣ идетѣ дражайшнѣй твой отецѣ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

МУМЕТЪ, ТАМИРА и КЛЕОНА.

МУМЕТЪ.

Прошла военная гроза и неустройство,
 Желанной мирѣ насталѣ, возлюбленная дочь,
 И утврждаеши надежное спокойство
 Въ союзѣ со мной вслушивѣ, Селимѣ отходишѣ прочѣ.

Посла-

Поставленный сей миръ мнѣ больше шѣмъ прїяшенъ,
 Что выгоды онѣ мнѣ нечаянны принесть.
 Съ начала случай сей едва мнѣ былъ понятенъ,
 Что радость намъ пришла внезапно вмѣсто слезъ.
 Однако нынѣ я причину вижу ясно,
 За чѣмъ спѣшишь въ союзъ со мной вступишь Селимъ;
 Ему прибытіе Нарсимово ужасно,
 Что скоро съ воинствомъ назадъ придетъ моимъ.
 Къ Селиму какъ ко мнѣ, конечно уповаю,
 Пришла, мнѣ радостна, ему печальна вѣсть,
 Что, Росская страна подверглась вся Мамаю,
 И сынъ мой поспѣшишь полки сюда привести,
 Сего дня лишь заря намъ свѣтъ предвозвѣстила,
 Съ поспѣшностью тонецъ прибѣгъ съ Донскихъ полей,
 И вѣсть принесть, что вся Ордынска къ бою стала
 Противу Россовъ шла, и Россы противъ ней;
 Но Ольгъ Рязанскій Князь, и Князь Олгердъ Лишовскій
 Свой къ Мамаевымъ поставили полки,
 И съ малымъ воинствомъ Димитрій Князь Московскій,
 Противу стали дерзнулъ, оставшись близъ рѣки.
 Какъ буря шумная поднявшись послѣ зною,
 Съ свирѣной яростью въ зажженный дуетъ лѣсъ,
 Дымъ, пепелъ, пламень, жаръ воскипитъ за собою,
 И въ вихрь крушой завивъ возноситъ до небесъ,
 И нивы на поляхъ окрестныхъ поядаетъ,
 И села и кругъ нихъ распуше плоды;
 Надежды селянинъ лишившись оставляетъ
 Ревущему огню вселѣшныя труды.
 Подобно такъ Мамай единымъ вдругъ ударомъ
 Противъ Димитрія Ордамъ лещетъ вѣлѣ,
 И въ мужество стремясь на полкъ противный яромъ,
 Скакаль съ мечемъ своимъ чрезъ блѣдны кучи пѣлъ.

Россійѣ

Россійскія вѣ крови повержены знамена,
И Князь Московскій былъ отъсюду окруженъ,
И сила войскъ его слабѣла утѣсненна:
Сомнѣнья нѣтъ, что онъ Мамаемъ побѣжденъ.

ТАМИРА.

Мнѣ равно какъ тебѣ, родишель мой! пріятно,
Что радостная вѣсть пришла въ спасенный градъ;
Однако будешь мнѣ утѣшнѣе спокрашно,
Когда пріѣдешь здравъ возлюбленный мой брѣтъ!
Ахъ небо помощи желаннаго достигнуть,
И поспѣши къ концу намѣреній моихъ!

МУМЕТЪ.

Я къ большей радости могу тебя подвигнуть.
Возлюбленная дочь! Мамай тебѣ женихъ,

ТАМИРА.

Мамай! о Боже мой!

МУМЕТЪ.

Востока обладатель
И побѣдитель всѣхъ полнотныхъ нынѣ странъ,
Союзникъ искренней и вѣрной мнѣ пріятель
Судьбой и мной тебѣ въ супружество избранъ.
Имѣя многіе подъ областью народы.
Тамира! будешь онъ тобою жишь плѣненъ,
И станешь оной плѣнъ дороже чистить свободы,
Хотя ему востокъ и сѣверъ покоренъ.
Возлюбленная дочь, что очи потупляешь?
Я сшѣдъ дѣвической въ тебѣ весьма хвалю:
И что вздыхаячи ты брата ожидаешь,
Природную къ нему любовь швою люблю;

Однако

Однако нынѣ ты похвальную стыдливость
И мысли смутныя о братѣ отложи,
И на отеческу смотря нешерпѣливость,
Согласна ли ты мнѣ, немедленно скажи.

Т А М И Р А.

Что я съ младенчества родительскую волю
Привыкла исполнять, довольно знаешь самъ;
Своею почитаешь не отрицаюсь долю,
Которую мнѣ дашь угодно небесамъ.
Однако разсуди мой младая лѣта;
И въ возрастъ мнѣ пришедши въ дому швоемъ позволь.
Я буду почитать, что я живу внѣ свѣта
Какъ естли безъ тебя я буду жить средь полъ!
И какъ подумашъ мнѣ, что я мила Мамаю?
И какъ могу сказать, чтобы онъ мнѣ былъ милъ,
Когда лица его и нравовъ я не знаю?
И какъ его мой взоръ заочно бы палѣнилъ?

М У М Е Т Ъ.

Оставь о семъ ты мнѣ, Тамира, попеченье,
И вѣрь, что будетъ полъ межъ васъ крѣпка любовь,
Что лишъ швое со мной минуетъ разлученье,
То будетъ къ одному кипѣшь Мамаю кровь.
Ты долженствуешь мой въ востокъ родъ возставишь
И дружбу чрезъ родство съ Мамаемъ утвердишь,
Умножишь нашу м чь, и съ нимъ себя прославишь;
Мнѣ польза, честь тебѣ великъ его любить.

К И Н О

ЯВЛЕНИЕ

ТАМИРА И СЕЛИМЪ ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ТАМИРА и КЛЕОНА.

ТАМИРА.

Война и миръ прошивъ моей любви воюешъ?
Противилась моимъ желаніямъ война;
Но нынѣ, Клеона! миръ свирѣѣе враждуетъ;
Меня сильная буря колеблетъ шишина!
Сугубымъ бременемъ за что ошчаюся?
Въ супружесво даюшъ шому, кто мнѣ посылъ?
Довольноль ншо того, кого люблю, лишаюсь?
О небо, не нашли мнѣ казни выше силъ!
Когдабъ еще войнапонынѣ продолжалась,
То мучилъ бы меня одинъ лишь шолько страхъ.
Мнѣ лучше, ешълибъ я Селиму въ плѣнѣ досталась,
Какъ славно царствовать въ Мамаевыхъ странахъ.
Ахъ! ешълибъ было шѣ; и я бы вѣрно знала,
Что равнымъ пламенемъ Селимъ ко мнѣ горитъ;
То сдѣвъ потокъ проливъ, ошцу бы все сказала,
Что духъ мой и языкъ съ тобою говоритъ.
Онъ видя искренность, на плачь бы преклонился,
И нашу можетъ бышъ любовь бы ушвердилъ.
Илибъ и мой живошъ съ надеждой прекрашлся,
Въ спокойствѣ, что уже Селимъ меня любилъ.
Но нынѣ ненавистъ въ одну страну склоняетъ,
Въ другу ошчаянне нещасную влечетъ.
Какъ на морѣ корабль, то буря похищаетъ,
То водъ стремленіе противъ нея несетъ;
Такъ я противными спрасшиями вдрутъ борима,
Не чая одолѣшъ, должна противъ стояшъ.
Ошчаявшисъ имѣшъ въ супружествѣ Селима,
Ошчаявшисъ любить Мамаю, что начашъ?

КЛЕОНА.

К Л Е О Н А.

Ахъ! лучше то избрать, что подлинно извѣстно,
 Какъ онаго желашъ, чему не можно бытъ.
 Хотя Селимово лице тебѣ прелестно!
 Но праву слѣдуя, старайся позабыть.

Т А М И Р А.

Довольно бы того, что права и законы
 Во обузданіи любовну страсть крѣпятъ,
 Довольно отъ стыда любовникамъ препоны;
 Когда взаимной жаръ другъ въ другъ знаетъ хотятъ.
 Но развращенной вѣкъ насильства умножаетъ;
 Ощеческа гроза, богатство, родъ и честь
 Коль многихъ въ вѣчное несчастье погружаетъ,
 Любви желающихъ достатки предпочесть.
 Какая польза въ томъ, что златомъ испещренный,
 И камнемъ драгимъ въ глазахъ блеститъ чертогъ,
 Когда мой будетъ духъ отъ оныхъ отвращенный
 Къ тому всегда вперенъ, чего имѣть не могъ.
 Дабы на мало лѣтъ возстановить союзы,
 Родители дають свою залогомъ кровь,
 На дѣтскія сердца кладутъ несносны узы:
 Въ какой неволѣ ты, дражайшая любовь!
 Я вамъ завидую, которы отдаленно
 Отъ гордыхъ сихъ палаиъ живете въ тишинѣ:
 У васъ веселіе равно и непремѣнно,
 И прямо щасливы лишь только вы одни,
 У васъ вольна отъ узъ живетъ любовь свящая;
 У васъ не для опцовъ, но любящъ для себя,
 Союзовъ никакихъ ни выгодъ же счищая,
 Но склонность лишь своихъ сердецъ употребя.

Коль щаслива былабъ, коль щаслива Тамира!
 Когдабъ съ ней былъ Селимъ въ одномъ лугу пастухъ:
 Не злато, не вѣнцы, не Царская порфира,
 Но вѣрная любовь соединила духъ.

К Л Е О Н А.

Оно тебѣ еще прибѣжище осталось.
 Ты дядѣ мысль сію, Царевна! объяви;
 Спѣши, пойдемъ пока совѣтъ не основалось
 Супружество швоей противное любви.

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

СЕЛИМЪ и НАДИРЪ.

НАДИРЪ.

Мнѣ радостенъ сей миръ; но на себя взирая,
Сугубо чувствую веселіе въ себѣ:
Таковъ его былъ взоръ и бодрость въ немъ такая,
И именемъ и всѣмъ подобенъ былъ тебѣ
Селимъ, котораго любовь и добродѣтель
Къ Нарсиму и ко мнѣ коль искренна была,
Тому прекраснѣйшій брегъ Геонскихъ водъ свидѣтель.

СЕЛИМЪ.

Сѣдины вижу твои, и твои черты чела!
Теперь мнѣ небеса надежду укрѣпляютъ!
Возлюбленный Надиръ, тебя здѣсь вижу я,
Котораго понинѣ мѣста воспоминаю,
Гдѣ праведна еще цвѣтетъ хвала твоя,
Хотя и никому твой Царскій родъ не знаемъ,
Которой и друзьямъ твоимъ былъ пощаенъ?
Но гдѣ твой сынъ, мой другъ?

НАДИРЪ.

На брань пошолъ съ Мамаемъ.

Однако онъ Царемъ не мной на свѣтъ рожденъ.
Родившись отъ одной съ Муметомъ я утробы,
Нарсима сыномъ звалъ, онъ звалъ меня отцомъ;
И не хотя, какъ ты открылъ своей особы
Высочество шайлъ въ названіи простомъ.

СЕЛИМЪ.

О щедрая судьба! Нарсимъ! онъ братель Тамиръ!
 Пріятель искренній! когда бы здѣсь онъ былъ,
 То можешь быть при семъ возобновленномъ мирѣ
 Въ желаніи моемъ мнѣ промыслъ споспѣшилъ.

НАДИРЪ.

Его обратно Царь всечасно ожидаетъ.

СЕЛИМЪ.

Однако и твоя поможешь мнѣ пріязнь.
 Позволь мнѣ объявить, чего мой духъ желаетъ;
 Узнаешь нынѣшнихъ отъ прежнихъ мыслей разнь.
 Тебѣ все склонности и жизнь моя извѣстна,
 Какъ былъ я въ Индіи съ Нарсимомъ и съ тобой,
 Бывала красота очамъ моимъ прелестна?
 Бывалъ ли нарушенъ любовью мой покой?
 Всегда исполненъ тѣмъ, что мудрые (*) Брамины
 Съ младенчества въ моей оставили крови,
 Напасти презираетъ, безъ страху ждаешь кончины,
 Имѣешь недвижимъ духъ и бѣгаешь отъ любви;
 Я больше какъ рабовъ имѣлъ себя во власти,
 Мой нравъ былъ всегда уму порабощенъ,
 Преодолены я имѣлъ подъ игомъ страсти,
 И мраку ихъ не зналъ наукой просвѣщенъ.
 Другихъ волненія смолчалъ всегда со брегу.
 Но нынѣ подъ общей я подверженъ спалъ, законъ
 И мыслей быстрого сдержанъ не силенъ бѣгу,
 Я имъ послѣдую и отдаюсь въ полонъ.
 Не ради слабыхъ силъ оставилъ я осаду;
 Любовь испоргнула изъ рукъ военныхъ мечъ;
 Тамира не полкъ была защита граду,
 Она мнѣ шлемъ съ главы, броню сложила съ плечъ.

НАДИРЪ.

(*) Индійскіе Философы.

НАДИРЪ.

Что слышу я? и какъ?

СЕЛИМЪ.

Сквозь самы тверды стѣны,

Межъ копей, межъ щитовъ любви свободенъ пушь.
Я въ перемирны дни на градъ сей утѣсненный,
Приблизившись ко рву едва успѣлъ взглянуть,
Прекрасны очи грудь пронзили изъ бойницы.
Смущенъ и изумленъ спросилъ, какъ ѣхалъ прочь
Мнѣ плѣнникъ объявилъ, что смотришь тушь дѣвицы,
И что Муметова въ срединѣ оныхъ дочь.
Съ того часа война въ крови моей воспала;
Я вамъ спокойство давъ, съ собою брань имѣлъ:
Любовь поставилъ миръ, честь къ бою побуждала.
Вчера любовиу страсть мой разумъ одолѣла.
Я въ руки принялъ мечъ; но сердце вопіяло:
Селимъ, на то ли ты дерзаешь усерменъ,
Чтобъ око нѣжное на кровь гражданъ взидало,
Которое меня въ прѣшней взяло плѣнъ,
И чтобъ въ слезахъ лице Тамирино прекрасно
Отъ падающихъ стѣнъ покрылъ стущенный прахъ.
Я симъ движеніямъ противился напрасно,
И удержать не могъ оружія въ рукахъ.
Дражайшій мой Надиръ, познавъ причину мира,
И дружбу вспомянувъ пощисъ мнѣ пособить.
Царю напомяни, что можешь, лишь Тамира
Тріумфъ мой и сихъ стѣнъ мнѣ цѣлость заплашишь.

НАДИРЪ.

Твои заслуги изды шодикіа достойны,
Достойны качества, и славный Царскій родъ:
Ты мысли между тѣмъ имѣй, Селимъ, спокойны,
Когда швой объявлю Царю сюда приходъ.

А В Л Е

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

ТАМИРА, СЕЛИМЪ и КЛЕОНА.

ТАМИРА.

Оспраду можетъ быть въ моей печали крайней
 Вшорой мнѣ дастъ ошедь кого я вижу здѣсь?
 Клеона ахъ! куда?

КЛЕОНА.

О случай невзначайной!

СЕЛИМЪ.

О радостной восторгъ! я цепенью весь!
 Драгая, не мятись симъ взоромъ необычнымъ,
 Но слуху своего гласъ слезный удосшой,
 И красотъ швоей воззрѣнїемъ приличнымъ
 Трепещущую кровь и сердце успокой.
 Хотя учшивость мнѣ и скромность возбраняешь
 Продерзоспную мысль нечаянно ошкрышь;
 Но время крашкое ошнюдь не позволяетъ
 И сердце не дастъ движенія шайшь.

Становится на колѣна.

Ты видишь предъ собой, прекрасная Царевна,
 Тобой плѣненного презрителя любви;
 Тобой мнѣ будешь жизнь блаженна, иль плачевна.
 Коль хочешь, оживи, коль хочешь, умертви.

ТАМИРА.

Какимъ смущаюсь я внезапно разговоромъ!
 Тебя, Селимъ, шабя могу я умертвить?
 Коль странна рѣчь!

Поднимаетъ его.

СЕЛИМЪ.

Твоимъ произенно сердце взоромъ
 Буншующей душъ велишь швоею бышь.

Вопще

Вотще прошивъ тебя, противъ себя воюю:
 У стѣнъ, въ полкахъ, въ поляхъ твою сръшавъ стѣну,
 И въ трубный шумъ твое я въ мысли имя чую,
 Тебя мнѣ мракъ ночной и ясность кажетъ въ день.
 Пріятностей твоихъ вездѣ мнѣ блескъ сіяетъ;
 Тобой исполненъ я и въ явѣ и во снѣ.
 Недвижимый мой духъ и крѣпость оставляешь,
 Я больше ужъ себя не нахожу во мнѣ.
 На горькое смотря, дражайшая, мученье,
 Повѣрь, что мой животъ въ любезной сей рукѣ!

ТАМИРА.

Какое дать могу тебѣ я облегченье,
 Въ лютейшей будучи погружена скорбѣ?

СЕЛИМЪ.

Дражайшая, какой свирѣпости возможно
 Тебѣ малѣйшую противность учинишь?
 Какое сердце есть на свѣстѣ столь безбожно,
 Которое тебя дерзаетъ оскорбить?
 Тебя, предъ кою жаръ бранный погасаетъ
 И падаютъ изъ рукъ и коня и щипы,
 Геройскихъ мыслей бѣгъ насильный упихаетъ.
 Удержанъ силою толикой красоты!
 Не ешьли ты меня, драгая удостоишь.
 Причину твоего смущенія узнаешь;
 То свой ты черезъ то и мой духъ успокоишь:
 Во всемъ любовь моя возможетъ помощь дать.
 На все любовь моя готова устремиться,
 Готова всѣ бѣды и смертъ въ ничто выѣнись;
 Лишь только бы твоей отрадой веселишься,
 И чтобъ любовь твою взаимно заслужишь.

ТАМИРА

ТАМИРА.

Ахъ тщесны всѣ слова! напрасны обѣщанья!
 Гонимой отъ своихъ поможетъ ли чужой?
 Однѣ остались мнѣ со плачемъ воздыханья
 Не множь ихъ, и себя отъ глазъ моихъ укрой.
 Меня судьба зовешъ и должность понуждаетъ
 Оставивъ здѣшній градъ и въ дальный край спѣшишь,
 Престань того желать, что небо запрещаетъ,
 Такъ промыслъ положилъ, и не лѣзя премѣнишь.

СЕЛИМЪ.

Поспѣшно твоему отшесствію иль косо,
 Чрезъ море должно бышь, или пространствомъ праю:
 То ежели тебѣ мое присутствіе сносно,
 Дражайшая, себѣ послѣдовашъ позволю,
 И удостой меня взирашь слезящимъ окомъ
 На знаки нѣжные возлюбленныхъ слѣдовъ,
 Но ежели не дано тебѣ предѣла рокомъ,
 Гдѣ должно странствовать, оставя домъ отцовъ;
 Послѣдуй мнѣ въ луга Багдадскіе прекрасны,
 Гдѣ въ срѣщеніе тебѣ Евфратъ прольетъ себя,
 Гдѣ вѣшніе всегда господствуютъ дни ясны,
 Пріятность воздуха достойная тебя,
 Царицу воспріявъ великую стекаясь,
 Богинею почтитъ чюдящійся народъ,
 И красотѣ твоей родишель удивляясь,
 Превыше всѣхъ торжествъ поставитъ твой приходъ.

ТАМИРА.

Хотя такихъ, Селимъ, даровъ не презираю;
 Но выше въ нихъ твоимъ достоинствомъ цѣна.
 Ахъ! что прельщаюсь тѣмъ, чья бы я не уповаю?
 Какъ сердце я ошдамъ, въ которомъ не вольна?

Велика

Велика держитъ външрь мой робкой голосъ сила;
 Но большая моя оу сердца гонитъ вонъ!
 Когда противъ твоей я воли возлюбила,
 О небо! по скончай ударомъ громнымъ спонъ!
 Ужъ долѣе шайтъ мой духъ не позволяетъ,
 И толь великихъ буръ не можешъ грудь вмѣстить.
 Селимъ, любовь моя равно къ тебѣ пылаетъ,
 Которую судьба стремится погасить.
 Ошечская власть желаніямъ противна
 Иному ошдаетъ тобою полную грудь,
 И съ коимъ жизнь моя была бы неразрывна,
 Едва я на того дерзаю и взглянуть.

СЕЛИМЪ.

О радостныя вдругъ минушы и плачевны!
 Я вознесенъ до звѣздъ и въ бездну погруженъ!
 На что соединилъ сердца, о промыслъ тивный!
 Когда союзъ ихъ въ вѣкъ шобой не ушверженъ?
 Но нынѣ о твоей любви я увѣренъ,
 Дражайшая, противъ судьбы вооружусь.
 Мой духъ шакъ напряженъ, коль пламень мой безвѣренъ;
 Умру, или съ шобой въ шрѣумфъ возвращусь.

ТАМИРА.

Я сердце ужъ въ тебѣ, лубезный, поручаю,
 И вѣрность данную пребуду вѣкъ храня.
 Къ неистовому я не преклонюсь Мамаю.
 Пусть весь свѣтъ побѣдитъ, не побѣдитъ меня.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

СЕЛИМЪ одинъ.

Мамай! Тиранъ во плѣнъ толику добродѣшель,
 Чудовище влечешъ толику красоту?
 О солнце, шы сего можешъ бышь свидѣшель,
 И свѣта не лишитъ шакую срамоту!

Часть II.

10

Я

Я коль великимъ по и славнымъ почитаю ,
 Чшобъ вѣкъ Тамириной любовію горѣшь;
 Толь напрошивъ того позорно быть вибняю,
 Такого варвара соперникомъ имѣшь.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

МУМЕТЪ, СЕЛИМЪ, НАДИРЪ и ЗАИСАНЪ.

СЕЛИМЪ.

Спокойствомъ пользуясь я нынѣ безопаснымъ,
 Тебя пришлоу починишь и видѣшь, Государь !
 И договоромъ миръ возобновишь согласнымъ,
 Къ чему мнѣ далъ всю власть меня родившій Царь.
 По волѣ я его Таврійскую вершину
 Прешель и воинствомъ наполнилъ корабли,
 Отъ страху свободилъ Евксинскую пучину,
 Чшо ваши подданны разбоемъ навели.
 Омывши купечества грабежъ, я миръ далъ граду ,
 Имѣя громъ въ рукѣ, ударить не хотѣлъ:
 За домъ, за Крымъ, за жизнь желанну дай награду ,
 Которой я свою побѣду предпочелъ.

МУМЕТЪ.

Причину твоя онедѣ имѣлъ вооружиться,
 Какую завсегда къ войнѣ легко сыскашь.
 Котора можешь власть на свѣсѣ похвалиться,
 Чшобъ такъ всѣхъ подданныхъ могла она держашъ,
 Какъ мирны требуютъ отъ оныхъ договоры,
 И многимъ шысящи имѣли мысль одну?
 И кто угодитъ тебѣ, что будшобъ рушишь ссоры,
 Наносящъ для хвалы несправедну войну?

Хотѣ

Хоть наша жизнь крашка, и оныя прибавишь
 Чрезъ храбрыя дѣла Героямъ долгъ велишь;
 Но мѣру праведну желаніямъ поставишь,
 Въ томъ больше похвала чрезъ цѣлой свѣтъ гремишь.
 Тебѣ довольно бышь, Селимъ, я уповаю,
 Когда повиннымъ казнъ достойну наложу.

СЕЛИМЪ.

Спокойство утвердивъ я больше не желаю,
 Но токмо дружество взаимно предложу.
 На свѣтлое лице взирая восхищаюсь,
 Что въ ономъ начертанъ любезный мой Нарсимъ,
 И та, кошорою пылаю и шерзаюсь,
 Паліяетъ красота воззрѣніемъ твоимъ.
 Союза нашего залогъ и совершенство
 И вѣчная печать бышь можетъ дочь твоя.
 Тамира дастъ одна и сохранимъ блаженство,
 Кошораго во вѣкъ лишуся безъ нея.
 Какъ естли данный миръ землѣ твоей полезенъ,
 За шое надлежитъ воздашь твоей любви.
 И буде, Государь, твой сынъ тебѣ любезенъ,
 То друга ты его себѣ усынови.

МУМЕТЪ.

Что сынъ мой другъ тебѣ, то мнѣ весьма пріятно.
 Онъ также какъ и я за щасіе почтеть,
 Что въ городъ сей пришедъ съ побѣдою обратно,
 Тебя союзникомъ а не врагомъ найдетъ.
 При немъ намъ небеса помогутъ все устроишь,
 Его къ отрадѣ я по вся минуты жду.

СЕЛИМЪ.

Надѣясь чрезъ него я сердце успокоить,
 На Понтски берега съ веселіемъ пойду,

И прежде дружнаго пошущь сюда приходу
Все воинство свое на корабли выѣсшить.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

МУМЕТЪ, НАДИРЪ и ЗАИСАНЪ.

МУМЕТЪ.

Взирая на любовь, особу и породу,
Не въ силѣ мыслей я своихъ соединить.
Примѣшивъ ненависть Нарсиму къ Мамаю,
Союзъ къ супружеству съ Тамирою шайлъ.
Но нынѣ большія препятствія срѣшаю:
Нарсимъ Селиму другъ, а ей Мамай посшылъ.
Не должно царское Царю быть слово ложно;
Но какъ я кровь свою тиранствовать могу?

ЗАИСАНЪ.

Того ужъ, Государь, переѣнить не можно:
Кипо другомъ былъ, пому открыто все врагу.
Когда кипо сильному, что долженъ, отрицаетъ,
Тотъ будетъ принужденъ, что и не долженъ, дать.
И долгъ къ ошечеству Царямъ повелѣваетъ
Блаженство онаго родству предпочитать.
Помысли, Государь, коль будетъ дерзновенно
Вооруженнаго Мамай раздражить;
И коль полезно вамъ, похвально, несравненно
Владѣніе такимъ союзомъ укрѣпить.

НАДИРЪ.

Что мѣру превзошло, стоить надъ стремниною,
Чтобъ гордости примѣръ паденьемъ звучнымъ дать:
Безумна власть падетъ своею пятою;
Что срамно пріобрѣсть, срамнѣе потерять.

Видалъ

Видалъ я быстрыя уже изсохши рѣки,
 Засыпанны пескомъ, что рвали съ береговъ.
 Такъ царства, что цвѣли во славѣ многи вѣки,
 Упали шягосшю поверженныхъ враговъ.
 Нарочно Богъ во шмѣ грядущее скрываетъ,
 Чшобъ смерсныхъ гордые совѣшты разоришь.
 Мамай поля свои людьми опустошаетъ,
 Дабы ихъ трупамъ Россійскій край покрышь.
 Насильна власть стояшь не можетъ долговѣчно.
 Кто гонишь одного, шотъ всякому грозимъ.
 Россію варварство его безчеловѣчно.
 Изъ многихъ областей въ одну совокупимъ.
 На плачь, на шумъ, на дымъ со всѣхъ споронъ спекушя ;
 Разсыпанныхъ враждой сберетъ послѣдній страхъ.
 Какою силою въ единствѣ облекутся,
 Владимиръ намъ примѣръ и храбрый Мономахъ.
 Сей вредные своей землѣ опшстивъ набѣги,
 Лавровымъ верхъ вѣнцемъ и Царскимъ увѣнчалъ,
 А оный здѣшніе покрывъ полками бреги,
 Супругу въ сихъ стѣнахъ и вѣру воспріалъ.

З А И С А Н Ъ.

Мамаю слѣдуетъ вездѣ съ побѣдой слава ;
 Онъ съ нею къ намъ спѣшишь Россіей овладѣвъ.
 Великостію силъ военны мѣряшь права
 Великіе Цари и обласшю гнѣвъ.

Н А Д И Р Ъ.

Великодушный левъ жаръ шотчасъ ушояетъ,
 Коль скоръ видишь онъ, что врагъ его лежишь ;
 Но хищной волкъ пота прошивника терзаетъ,
 Шока послѣдняя въ немъ кровь еще кипишь.

Я В Л Е-

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ВѢСТНИКЪ И ПРЕЖНІЕ.

ВѢСТНИКЪ.

Съ Придонскихъ, Государь, полей я ошѣ Нарсима
 Къ тебѣ пріятную несу поспѣшно вѣсть,
 Что къ радости твоей и къ утѣшенью Крыма
 Велику заслужилъ онѣ храбростію честъ.
 Побившихъ кровію Непрядвы шокъ сгустился,
 И грабятъ Росской станѣ Херсонскіе полки,
 И ранами покрывъ онѣ бою уклонился
 Димитрій бѣгая Нарсимовай руки.
 Одно несчастіе Мамаея сокрушаетъ,
 Что сильный Челубѣй пронзенъ въ крови лежитъ,
 Лежитъ и поля часъ велику покрываетъ!
 Но намъ послѣдуя побѣда ужъ гремитъ.
 Оставшимъ Россамъ путь пресѣченъ къ бѣгу Дономъ,
 Или въ бою падутъ или дадутся въ плѣнъ.
 Мачаю малыя толь людей своихъ урономъ
 Пространный сѣверъ весь подъ область покоренъ.

МУМЕТЪ.

Мамаю небеса Тамиру поручаютъ,
 И слово данное сама судьба крѣпитъ.
 Хотя нравы разные съ Нарсимоомъ раздѣляютъ;
 Но обще щастье ихъ въ любовь соединитъ.
 Ты вѣрный Заисанъ, и ты мой братъ, любезный,
 Подумавъ межъ собой, придите въ мой чертогъ,
 Союзы утвердите и дайте совѣтъ полезный,
 Дабы доволенъ быть Селимъ отказомъ могъ.

Конецъ второму дѣйствию.

ДѢЙ-

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ

МАМАЙ *одиѣ.*

Еще великій страхъ меня не оставляетъ!
Еще я слышу крикъ враговъ гонящихъ въ слѣдъ!
И блѣдныхъ лицъ меня мечшаніе смущаетъ!
Здѣсь съ паромъ кровь изъ Мурзъ разстѣченныхъ течетъ,
Здѣсь тѣнь Нарсимова послѣдуя за мною,
Ужѣ въ глазахъ моихъ опмищеніемъ грозитъ!
Крѣпись, мой духъ, крѣпись, бѣду срывай бѣдою,
И горести кажи на мнѣ Геройской видъ.
Омъ Россовъ побѣжденъ, хотя я ужасаюсь
Въ ошечесивъ свой стыдъ и слабость показашъ;
Но съ войскомъ погубивъ Нарсима ушѣшаюсь,
Что не остался, ктобъ здѣсь могъ о томъ сказать.
Мамай, ты будь себѣ и въ пагубѣ подобенъ,
Мумета ложною побѣдою увѣрь.
На дѣлѣ испытай коль къ умысламъ способенъ,
И ковь составленной напастью нынѣ мѣрь.
Тамиру давъ въ жену, мнѣ дастъ Муметъ и войско.
Я орды по степямъ разсыпанны сберу;
Искусство покажу коварствомъ симъ геройско,
Внезапно набѣжавъ, Москву въ ногахъ попру.
На плачъ шамъ премея я торжество спокойно,
И покажу врагамъ, каковъ мой гнѣвъ и власть.
Въ концѣ ошчаясья Мамай недостойно;
Безумно всѣхъ нушей не испытавъ пропасть.

ЯВЛЕНІЕ

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

МАМАЙ, МУМЕТЪ, НАДИРЪ и ЗАИСАНЪ.

МУМЕТЪ.

Какое щастіе мнѣ небо посылаетъ,
 Велькій Государь, пришествіемъ твоимъ!
 Нечаянной твоей взоръ тѣмъ больше восхищаетъ,
 Чѣмъ больше нуженъ онъ смѣшеніямъ моимъ.
 Я радуюсь твоей побѣдѣ въ свѣтъ звучной,
 И скорому дивлюсь пріѣзду твоему.

МАМАЙ.

Не можешь торжества Мамай благополучной
 Себѣ къ веселію оставить одному;
 Но хочешь онаго имѣть и шу причастну,
 Которую къ сему блаженству ты родилъ.
 Имѣя всю сприну Россійскую подвластну,
 Я радости сообщишь изъ устъ своихъ снѣвши.
 Сугубымъ торжествомъ украсишь ускоряю,
 И славою мой въѣздъ въ великую Орду.
 Но славнѣе я бытъ Тамирою желаю,
 Какъ тѣмъ что Дмишрїя въ оковахъ приведу.
 Уже все воинство со плескомъ ожидаетъ
 Съ прекрасною меня Царицею къ себѣ.

МУМЕТЪ.

Побѣда мужество Геройское вѣнчаетъ;
 Любовь и дружество Тамиру дастъ тебѣ.
 Нарсимъ помощникъ твой, въ семь традѣ вожделѣнный
 Украсишь брачный день, со славой возвращаясь,
 И храбрымъ воинствомъ Херсонскимъ окруженный

МАМАЙ.

МАМАЙ.

Онѣ нынѣ на поляхъ Россійскихъ веселясь,
 Сокровища себѣ съ побитыхъ собираетъ,
 Съ кошорами тогда обрашно придетъ въ домъ,
 Какъ даннымъ отъ меня онѣ краемъ завладеетъ,
 Лугами тучными межъ Дономъ и Днѣпромъ.

ЗАИСАНЪ.

О щасливой успѣхъ! о коль мѣста прекрасны!

Къ Надиру.

Не мнѣ ли въ честь конецъ пріяла наша прѣ?

НАДИРЪ.

Но сердца моего съ симъ чувства не согласны!

МУМЕТЪ.

Достоинъ даръ таковъ Великаго Царя!

МАМАЙ.

Любезный государь! Нарсима оставляя,
 Я слышалъ въ радостныхъ изъ устъ его слезахъ,
 Что въ сердцѣ ненависть искоренилась злая,
 И общимъ щастіемъ вражды развѣянъ прахъ.
 Прости, сказалъ онѣ мнѣ; я нынѣ признаваюсь,
 Что злобой я тебя не разсудя гнѣвилъ.
 Я храбрости твоей и духу удивляюсь,
 Чѣмъ ты Димитрія и гнѣвъ свой побѣдилъ.
 Геройства твоего я бывши самъ свидѣтель,
 Завистниковъ твоихъ отвергнулъ клеветы.

ЗАИСАНЪ.

Превыше зависти восходитъ добродѣтель,
 И презираетъ ту спокойна' съ вышоты!

МАМАЙ.

Услышавъ шаково Нарсимова прїяиство,
 Не медля брачной я союзъ ему открылъ.
 Онъ въ радости сказалъ: о к л ѣ любезно браштво,
 Въ кошеромъ промыслъ мнѣ съ Героемъ бышь судилъ.
 Благополученъ Крымъ, и щастлива Тамира,
 Тобой возышенны, прославлены шобой!
 Но ты подобася дыханію зефира,
 Поспѣшно въ Крымъ пришедъ Мумеша успокой.
 Скажи ему, коль мнѣ съ тобою бышь полезно;
 И будущей швоей Царицѣ объяви,
 Чшо мнѣ шоликое супружество любезно;
 И о моей кѣ тебѣ увѣрь ее любви.
 Величество свое и неисчетны орды
 Тамирѣ покажи, со славой возвращаясь;
 И шоржествуй, спупивъ врагамъ на выи горды,
 Чшо будутъ ницѣ лежать, предъ нею преклонясь.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ТАМИРА, КЛЕОНА и прежніе.

ТАМИРА.

У жель возлюбленный Нарсимъ кѣ намъ возвратился;
 Дражайшій мой ошедъ!

МУМЕТЪ.

Ты видишь здѣсь его.

Предъ коимъ сѣверъ весь пространный преклонился;
 Мамаю почиай за сына моего.

ТАМИРА.

О шпроги небеса!

МАМАЙ.

МАМАЙ.

Ты видишь брата друга,
Которой хочетъ вѣкъ къ тебѣ одной горѣть.

МУМЕТЪ.

Имѣешь жениха; а скоро и супруга
Въ немъ будешь опческимъ раченіемъ имѣть.

Къ Маманю.

Любовь и я даю тебѣ рожденну иною,
Съ тобою царствовать и искренне любишь.

МАМАЙ.

Вторымъ я нынѣ опцемъ рожденъ на свѣтъ тобою,
Когда ты предирялъ меня усыновить.

МУМЕТЪ.

къ Тамиръ.

Нарсима и меня люби ты въ немъ единомъ.
И царствуй щастливо въ обширной толь странѣ.
Блестя на землѣ пресвѣтлымъ Царскимъ чиномъ,
Ему послушна будь, какъ нынѣ послушна мнѣ.

ТАМИРА.

Ты воленъ, Государь! законы и природа
Велятъ тебѣ имѣть въ Тамирѣ полную власть.
Какъ спорить я могу? Коль не дана свобода
По волѣ избирать пристойну въ жизни часть.
Но естли смѣю я

МУМЕТЪ.

Младые не радѣютъ
О томъ, чрезъ что бы имъ ко щастію дойти:
За тѣмъ родители рожденными владѣютъ,
Дабы поставили ихъ на истинномъ пути.

Любовью будешь звать, что нынѣ зовешь грозою,
 И спянешь снѣгоги моей благодарить.
 Ты слѣдуй въ мой чертогъ, любезный братъ! за мною,
 Дабы мнѣ скорой бракъ съ тобою расположить.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ТАМИРА, МАМАЙ, ЗАИСАНЪ и КЛЕОНА.

МАМАЙ.

Несносной горестію смященный примѣчаю,
 Что веетъ плаковымъ я пламенемъ горю,
 Тамира, ненависть имѣешь ты къ Мамаяю?
 И смѣешь согрѣбить Великому Царю?
 Однако принужду свои къ спокойствію мысли,
 И младоеши твою прошивность припышу.
 Царевна, истиннымъ своимъ блаженствомъ чисти,
 Что сердце я свое тебѣ въ даръ приношу,
 Цари съ концевъ земныхъ сродства со мной желаютъ;
 И каждая красотою приносишь мнѣ спрана.
 Коль многія по мнѣ Царевны воздыхаютъ!
 Ты можешь получишь желанья всѣхъ одна.
 Ты можешь получишь великаго Героя,
 Кошорой мужествомъ вселенну удивилъ,
 Превысилъ славою Чингиса и Хозроя,
 И правда въ себѣ Башня воскресилъ.
 Представь мой славной родъ, и кто Мамая дѣды,
 Отъ коихъ онъ тебѣ къ супружеству рожденъ.
 Россія не моя, но ужъ твои побѣды,
 Когда я красотою своею самъ побѣжденъ.

Толикмѣ

Толкимъ Государь народамъ покореннымъ,
 Не обвинюсь быть просителемъ твоимъ.
 Я щастіе свое почелъ бы несравненнымъ,
 Когда бы оное считала ты своимъ.

ТАМИРА.

Когда ты многіе привелъ подъ власть народы,
 То славы, Государь, толикой не теряй,
 И слабый женскій полъ лишивъ драгой свободы,
 Великихъ дѣлъ своихъ чрезъ шо не помрачай.

МАМАЙ.

Тебя свободы я могу лишить, Тамира?
 Кошору возвести съ собой на шронъ спѣшу,
 Поставишь госпожой мнѣ подданнаго мѣра,
 И будучи Царемъ, быть плѣнникомъ ищу?

ТАМИРА.

Среди довольствій всѣхъ, среди великой славы,
 Сидя на Царскаго престола высотѣ,
 Чію пользы, естли въ насъ различны будутъ нравы?
 Я все равно почну послѣдней нищетѣ!
 Какая польза въ томъ, что рокъ свой проклиная,
 Не бракомъ бузу бракъ, но плѣномъ называть;
 И на оковы толь несносные взирая,
 Тебѣ послѣдовать, а о иномъ вздыхать!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

МАМАЙ, КЛЕОНА, ЗАИСАНЪ.

МАМАЙ.

Клеонъ.

Что слышу я еще! любовница иному
 Тамира можетъ быть, и мнѣ при томъ жена?
 И кто Мамаева не ушрашаясь грому,
 Дерзнулъ взглянуть на шу, что мнѣ обручена?

Тебѣ

Тебѣ всѣ склонности и нравъ ея извѣстенъ,
 Ты можешь нынѣ честь и милость заслужить.
 Скажи, скажи, кшо есть Тамирѣ толь прелестенъ,
 Кого бы мнѣ она хотѣла предпочтись?
 Когда ошкрышемъ смущеніе прогонишь,
 Дабы соперника узнать и ошвраишь;
 Когда Тамиринъ духъ ко мнѣ въ любовь преклонишь,
 Какую мзду за то ты можешь получить!
 Ты знаешь власть мою и отческую волю
 Старайся обязать великихъ двухъ Царей.
 Я Царску честь тебѣ давая своимъ позволю,
 И мащери равно себя почту своей.

К Л Е О Н А.

Я знаю, Государь, коль власть твоя велика,
 И коль должна Царю послушна быть раба!
 Но помощи подашь не можешь мзда шлика,
 Когда имѣешь брань съ любовію судьба.
 Не можешь воинство съ концевъ всея вселенны
 Противу твоего стать гнѣвнаго лица;
 Но силой покоряешь приспойно крѣпки стѣны;
 А нѣжны ласкою дѣвически сердца.
 Чѣмъ больше ты къ любви Тамиру принуждаешь,
 Тѣмъ больше будешь ей противенъ и посылъ.

З А И С А Н Ъ.

Великому Царю толь дерзко ошвѣчаешь?

М А М А Й.

О какъ напрасно я къ ней щедръ и ласковъ былъ!
 Оковы, мѣки, гладъ и вѣчная темница,
 И смерть сама легка шаку змѣю карашь.

К Л Е О Н А.

Тамирѣ былобъ то уже живой гробница,
 Селиму сердце давъ, Мамаю присягать.

ЯВЛЕНІЕ

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

МАМАЙ и ЗАИСАНЪ.

МАМАЙ.

Селимъ! и кто?

ЗАИСАНЪ.

Селимъ, о щасливъ! недостоинъ!

Ообщая печаль! о страсти слѣпоша!

Селимъ, что не хотя въ Багдадѣ жить спокойно,

Разбоекъ ушѣснялъ предъ градомъ симъ мѣста.

Но страхомъ силъ своихъ смятенъ склонился къ миру,

И въ городъ сей вошедъ Мумешу предлагалъ,

Дабы онъ далъ ему въ супружество Тамиру;

Однако Царь на то ошвѣтъ несклонной далъ.

Къ Селимовой любви Царевна согласилась

МАМАЙ.

И. предпочесть меня разбойнику могла?

О горестъ! о ударъ! о какъ мой духъ стремишься!

Не можешь больше быть на свѣшѣ мнѣ хула,

Какъ чтобъ соперникъ мнѣ Царевичъ былъ Багдадской!

Хотя дерзнулъ сего онъ суебно искать,

Но можешь возвратясь сказать еѣ спранъ Евфратской,

Что онъ того же могъ, чего и я, желать.

Теряешь цѣну всю, что ни было велико,

Какъ естли шое онъ надѣется имѣть;

Ему хвала, а мнѣ презрѣнїе колико,

Что тѣмъ же пламенемъ со мною могъ горѣть!

Но ахъ! что мыслю я, и что я здѣсь коснѣю?

Ужъ покинулъ онъ, что должно быть мое!

Любезный Заисанъ, спѣши отмстить злодѣю;

Пойдемъ.

ЗАИСАНЪ.

Смягчи шеперь волненїе свое.

Ты.

Ты будешь, Государь, имѣть свою невѣсту.
 И примешь за сѣ достойну жазнь Селимъ,
 Какъ войны твои къ сему приспѣюшъ мѣсту;
 Онъ погубишъ себя желаніемъ своимъ.
 Мушкетова себѣ отвѣща ожидая,
 Умедлишъ здѣсь, пока ты въ силѣ будешь самъ
 Его плѣнишь, онъ насъ способности не ждая,
 Чшо ради мира нынѣ чинишь не должно намъ.

МАМАЙ.

Поѣхавшіе въ слѣдъ со мною разлучились
 И скорости моей сравниться не могли.
 Надѣюсь въ разныя дорѣги успремились,
 И ѣздяшъ по степямъ разсыпанны въ дали.
 И естъли ускорятъ, не могутъ упомленны
 Покоя не имѣвъ Селиму отомстить.
 Но я продержосью шакою огорченный
 Могуль минути дасть Селиму живу быть?
 Сія рука моя умывшись кровью мерской,
 Воздастъ весь долъ мой озлобленной любви.
 Погибнешъ пусть злодѣй и сопостатъ продерской:
 А ты любовь свою и ревность мнѣ яви,
 Скажи, гдѣ онъ?

ЗАИСАНЪ.

Храни особу ты високу.

И рукъ не проспирай

МАМАЙ.

Доколѣ мнѣ страдать.

Спѣши со мной отомстить обиду столь жестоку,
 Чшобъ мерску кровь его Тамирѣ показашъ!

ЯВЛЕНІЕ

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

ТАМИРА и КЛЕОНА.

КЛЕОНА.

Какою лютошью къ Селиму онъ пылаетъ!
 Какой приходишь къ намъ отъ словъ ширанскихъ слухъ!
 Какой, драгая, жаръ въ очахъ твоихъ блистаетъ!
 О какъ колеблется озлобленный твой духъ!
 Мнѣ сердце движется и говоритъ всѣчасно,
 Чшо скоро люшая постигнетъ насъ напасть!

ТАМИРА.

Теперь мнѣ болѣе ничто ужъ не ужасно,
 Ни варварска гроза, ни юшческая власть!

КЛЕОНА.

Царевна, на кого ты можешь положишься?
 Кто можетъ свободить тебя отъ сильныхъ рукъ?

ТАМИРА.

Любовь!

Поди и посмотри, куда Мамай спремится?

въ слѣдъ Клеонѣ

На всѣ напасти жизнь несчастную готовь.

ЯВЛЕНИЕ ОСЬМОЕ.

ТАМИРА *одна.*

Бѣги отсель, бѣги, Тамира и спасайся,
 Пока ширанскихъ ты не чувствуешь оковъ,
 Бѣги насильныхъ рукъ, на градъ не озирайся:
 Селимъ принялъ тебя на корабли готовъ.

Часть II.

12

Онъ

Онѣ съ берегу очей минуты не спускаетъ,
И плаватели всѣ направилися въ пушь;
И небо искренней любви поспѣшаетъ:
Ужѣ намѣ и борей способной началъ душъ.
Въ одномѣ Селимѣ я надежду всю имѣю,
Когда слезами я отца не умягчу
Но въ страхѣ препену, смущаюсь, цепенѣю!
Ахъ! что продерская, ахъ! что начать хочу?
Уйду, отечество, родителя оставивъ,
И брата и сей домъ и стыдъ свой позабывъ,
И царской родъ во всей вселенной обезславивъ,
И кровного родства законы пресшупивъ?
Но каждо мѣсто мнѣ отечество съ Селимомъ;
Селимъ мнѣ будетъ братъ, отецъ и все родство.
Оставишь всѣхъ и быть въ жизни нераздѣлимомъ
Съ супругами велишь законъ и естество.
Супружествомъ называть неистовство дерзаешь,
И налагаешь страстямъ закона имена?
Нещастная, кому себя ты поручаешь?
Или тебѣ въ любви невѣрность не страшна?
Представь себѣ, представь прельщенную Медею,
Оставльшую отца и честь на семъ берегу!
Я мѣсто тожъ и'спрасть подобную имѣю:
Или я лучшія ждаль вѣрности могу?
Несноснѣе бѣды мнѣ можетъ быть защита,
Какъ естли мнѣ Селимъ другую предпочтѣтъ.
И на чужой странѣ кѣмъ булу я покрыша?
Отцу и брату гнѣвъ и дальность возбранишь.
Отъ року бѣгая, на явной рокъ дерзаю.
Мнѣ пагубой земля, вода грозитъ бѣдой.
Непостоянное я море представляю,
И бури хищныя ревутъ передо мной.

Тамира

Тамира въ бѣдствіе сугубо не вдавайся,
Блюдись сугубой ты невѣрности, блюдись!
Однако укрѣпись, мой духъ, и не смущайся,
На слово данное Селимомъ положиись.
Не шопъ въ немъ блещешъ духъ, не та его порода;
Съ любовію кипишъ Геройская въ немъ кровь.
И коя устрашишъ при немъ меня погода?
Не движется въ волнахъ нелѣстная любовь.
Спѣши, спѣши отъ мѣстъ Мамаевыхъ зараженныхъ,
Спѣши за Пономъ, за Тигрѣмъ, за Нилѣмъ, за Океанѣмъ.
И какъ ужъ будешь ты въ странахъ столь удаленныхъ,
И тамъ покажется, что близко сей пиранъ!
О промыслъ! о судьба! слезами умягчишесь!
О небо! о земля! о вѣтры! о моря!
На жалость на тоску, на вопль мой преклонитесь,
Покройте отъ руки свирѣпаго Царя.
А вы мѣста гдѣ мы любовію плѣнились,
Затмишесь, чтобъ отцу на память привести,
Что строгостью его Тамиры вы лишились!
Прости, дражайшее отечество, прости!

Конецъ третьему дѣйствію.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

НАДИРЪ и ЗАИСАНЪ.

ЗАИСАНЪ.

Какія, Государь, услышишь нынѣ вѣсти!
О шаякая бѣда! о вѣчна срамоша;
Тамира стыдѣ забывъ, своей не помня чести,
Бѣжать намѣрилась отсель въ чужи мѣста!
И безразсудную любовью палима,
Къ Багдадскимъ шла одна, закрывъ себя, судамъ.
Надежду положивъ на льстиваго Селима,
Что былъ недавно врагъ отеческимъ стѣнамъ!

НАДИРЪ.

О жалость горестна! о лютое мученье!
О строгость отческа! къ чему ты привела?

ЗАИСАНЪ.

По счастью я открылъ такое дерзновенье:
Тамира во врагахъ уже градскихъ была!
Я общей за стѣны пошолъ смотрѣшь отрады,
Ужель Селимъ полки поставилъ на суда;
И видя, что на нихъ все войско и снаряды,
Я пушъ свой обратилъ съ веселіемъ сюда.
Увидѣлъ, что спѣшишь тамъ женскій полъ ко берегу,
Смотря во всё страны сквозь тонкой свой покровъ.
Я робкому дивясь и скорому шолъ бѣгу,
На встрѣчу прямо шолъ, провѣдашь, кшо таковъ.

Какъ

Какъ странникъ на пуши отъ зѣря убѣгая ,
Снѣшитъ чрезъ терніе, чрезъ камни и бугры;
Но вдругъ увидѣвъ, что путь стремнина крутая ,
И должно въ мрачну хлябь стремглавъ упасть съ горы,
Оцпенѣвъ стоймъ, прошивишся размаху,
Трепещутъ члены всѣ, мушится свѣтъ очей :
Меня увидѣвъ вдругъ, Тамира такъ отъ страху
Смушилась, обмерла въ продержости своей.
Укрыться отъ меня во всѣ страны мешалась ;
Вездѣ былъ запертъ путь боязнью и сныдомъ.
Когда толикими волнами колебалась ,
Я изумленную въ ошеческой ввелъ домъ.
Что нынѣ мнѣ начашъ ? какъ я Царю открою ?
Дай въ помощь, Государь, премудрой твой совѣтъ.

НАДИРЪ.

Внезапно не срази печалію такою.
Представь себѣ, какъ симъ подвижется Муметъ !
Я лучше думаю сію скрыть вѣсѣ шайну ,
Дабы въ спокойствіи отцовъ оставишь духъ.

ЗАИСАНЪ.

Но я могу поцасъ въ бѣду чрезъ шое крайну,
Когда кромѣ меня къ Царю достигнетъ слухъ.
То видѣли раби и войны со мною ,
И могушъ все ему подробно донести.

НАДИРЪ.

Хотя смягчи ударъ пріятностью какою ;
Между веселыхъ словъ печаль сію вмѣсти.

ЯВЛЕНІЕ

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

НАДИРЪ *одишъ.*

Несытая алчба имѣнїя и власши,
 Къ какой ты крайности родъ смертныхъ привела?
 Которой ты въ сердцахъ не возбудила страха?
 И коего на насъ не устремила зла?
 Съ тобою возрасли и закисть и коварство,
 Твое исчадіе кровавая война!
 Которое отъ ней не стонетъ государство?
 Которая отъ ней не попрыскалась страна?
 Гдѣ были созданы всходящи къ небу храмы,
 И стѣны трудъ вѣковъ, и многихъ тысячъ потъ:
 Тамъ видны лишь одиѣ развалины и ямы,
 При коихъ тучную имѣетъ паству скопъ.
 О коль мучительна родителямъ разлука,
 Когда даютъ дѣтей, чшобы пролишь ихъ кровь!
 О коль разительна и нестерпима мука,
 Когда военный шумъ смущаетъ двухъ любовь!
 Лишь только зазвучитъ ужасна брань трубою,
 Мясущся города и села и лѣса,
 Любовническаго исполненныя вою
 И жалобъ на ударъ жестокаго часа.
 Чшо можетъ быть сего несноснѣе, во свѣтѣ,
 Когда двоихъ любовь и младость сопрягла?
 Однако въ самомъ дней молодыхъ прекрасномъ цвѣтѣ
 Густая жадности ирачипъ ихъ пламень мгла,
 Когда родишеся обманчивой корысти
 На жертву отдающъ и совѣсть и дѣшей.
 О небо! преклонись, вселенную очисти
 Отъ пагубы такой, отъ скверной язвы сей!

Коль

Коль дало красоту и младость челоуѣку,
И нѣжны искры въ немъ любовныя зажгло,
Чтобъ въ радости прожишь дражайшую часть вѣку,
То долголь на земли сѣ попустишь зло?
На толь Тамиръ ты прѣяшность влило въ очи,
На то ли нѣжную въ нѣе вложило страсть,
Что бы подверженна Тиранской сильно мочи,
Оплакивала жизнь и горестную часть.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

НА ДИРЪ и КЛЕОНА.

КЛЕОНА.

Тамира! ахъ печаль! Тамира дорогая
Поиманна, въ слезахъ отчаявшись сидишь!
Селима въ жизнь свою увидѣшь ужъ не чая,
Лишь мыслями на него въ отсушствіи глядишь,
И имя сладкое едва съ плачевнымъ стономъ
Держаетъ въ горести послѣдней помянуть.
Озлобленна судьбы жестокимъ толь закономъ
Руками томными шерзаешь нѣжну грудь.
Блѣдишь цвѣтъ лица, и всѣ трепещушь члены,
Холодной сирахъ, тоска, ошчаянѣе и сшѣдъ,
Являющся въ ея очахъ изображенны.

НА ДИРЪ.

Что сдѣлалъ бы Селимъ, таковъ представивъ видъ!

КЛЕОНА.

Что сдѣлалъ бы, когда увидѣлъ, что руками
Кровавыми Мамай любезную влечешь,
Которая стремясь на небеса очами,
Пошоки слезные, рыдая горько, льешь?

..л.

Ахъ!

Ахъ! сжался, государь, не дай бѣдѣ сей сбыться,
Всю мысль свою къ ея спасенію вперю.

НАДИРЪ.

Не можно отъ сего Царевнѣ свободишься:
Воюютъ противъ ней великіе Цари.

КЛЕОНА.

Такъ пойдетъ агница за волкомъ въ слѣдъ Тамира;
На кровь, на смерть людей, на трупы ихъ смогрѣшь;
И радости лишаешь въ супружествѣ и міра,
Мученье внутрь себя тяжчайшее имѣешь?

НАДИРЪ.

Не знаю, что мое внутрь сердце предвѣщаетъ,
И смутному уму всечасно говоритъ:
Мамай Царя и всѣхъ злой хитростью прельщаетъ;
И около насъ сѣтъ коварствъ его спойтъ.
За чѣмъ одинъ прибѣгъ? за чѣмъ спѣшишь онъ бракомъ?
И что за нимъ не шлетъ извѣстія Нарсимъ?
Сѣи окрестности считаю я признакомъ
Для насъ и для него и для Тамиры злымъ.

КЛЕОНА.

Для шоль поспѣшнаго Мамаева прихода
Слухъ въ городъ прошолъ, что онъ совсѣмъ побилъ!

НАДИРЪ.

Всегда есть Божій гласъ, гласъ цѣлаго народа;
Устами онаго Всевышній говоритъ.
Но пусть Мамай надъ всей вселенной шоржествуетъ;
Однако щастливъ быть не можешь бракъ такой,
Когда сама любовь противъ него враждуетъ.
Совмѣстноть варварству съ шоль нѣжной красошой?

Воз-

Возможноль въ сей шокѣ Тамирѣ укрѣпиться
И сердца своего движенья утолить?

К Л Е О Н А.

На страсть ея смотря и небо возгорится,
И не уедлишь зла толкаго отместишь.

Н А Д И Р Ъ.

Горами потрясетъ, и воспалишь пожары,
Или опустошишь повѣтрѣмъ луга,
Или отъ глубины возвысивъ волны яры,
Пополомъ скверные очистишь берега.

К Л Е О Н А.

Народную молву прѣумножаютъ знаки,
Вездѣ ужъ говорятъ, что близъ дверей бѣда!
Мнѣ кажутся во снѣ ужасные призраки,
И врановъ, какъ на шрупъ, слѣтаются стада.

Н А Д И Р Ъ.

Хоть радостенъ Муметъ, но войска не имѣетъ;
Что будетъ, какъ Селимъ къ стѣнамъ приступишь вновь?
Погибнемъ, ежели не разсудя посмѣетъ
Озлобить мечъ въ рукѣ держащую любовь.
Мамая гордый духъ чѣмъ больше возвышаетъ,
Тѣмъ можешь рокъ его скорѣ поразить.
На пышны горъ верьхи громъ чаще ударяетъ.
Бѣги высошь, когда безбѣдно хочешь жить.
Цвѣшущъ спокойныя не зная бурь долины,
Гдѣ рѣдко молніи возможно досягать.
Никто на свѣстѣ такъ не обязалъ судьбины,
Ктобъ заврѣшенъ себѣ могъ щастье обѣщать.
На лживость онаго никто не полагайся:
Что утромъ возрасло, то вечеромъ падетъ.
Никто въ нещастіи спасенья не отчайся:
Что вечеръ низложилъ, то утро вознесетъ.

Неушолимый рокъ все коломъ обращаетъ.
 Съ Мамаемъ рушиться внезапно можетъ Крымъ.
 Когда кшо съ высоты великой упадаетъ,
 И шѣхъ съ собой влечетъ, что съ низу шли за нимъ.
 Но сии смущаются лишь только подлы души,
 Которы на морской волнахъ шумный путь
 Сморя, колеблущся съ недвижимыя сѹши,
 И чающъ на берегу высокомъ пошнуть.
 Едина видишь то съ презорствомъ добродѣтель;
 Среди громовъ и бурь недвижимо стойшь;
 Сама себѣ хвала, сама себѣ свидѣтель,
 Хошь мѣръ обрушился, безстрашну поразить.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЕЛИМЪ и ПРЕЖНІЕ.

СЕЛИМЪ.

Любownikамъ долга единая минуша!
 Возможножь, Государь, Селиму нынѣ знашь,
 Ещель Тамира здѣсь?

КЛЕОНА.

О скорбь!

НАДИРЪ.

О горесть люта!

Ахъ! что дерзнули вы нещасные начать!

СЕЛИМЪ.

Мужайся скорбный духъ, и стой противъ удара,
 Который на меня свирѣпый рокъ занесъ.

НАДИРЪ.

Ахъ! естлибъ гнѣвнаго ошцова силу жара
 Тамира ушолить могла пошомъ слезъ!

Пон-

Поимана въ пути для бѣгства предпринимаю
Терзаюсь

СЕЛИМЪ.

Какой вступаешь въ жилы хладъ!
Когда не помогло ты въ дѣлѣ мнѣ начашомъ,
О небо! не косни, живаго свергни въ адъ!
Мамай любовію моею поругаешься,
И пламень мой презрѣшь намѣрился Муметь?
Тамира не моя? Мнѣ съ нею не выдаешься?
И больше никакой ужѣ надежды нѣтъ?
Я вижу что Муметь меня еще не знаетъ,
Еще въ осадѣ онъ моихъ не свѣдалъ силъ.
Мамаю дочь отдавъ, меня отвергнушь чаешь?
Надежду на песокъ онъ зыбкомъ положилъ!
Забылъ онъ, что моимъ любленіемъ спасенный
Спойшь сей градъ? И въ немъ того лишишь меня,
Чѣмъ я надѣялся въ сей жизни одаренный
Съ нимъ въ дружествѣ прожить свой родъ соединя?
Забылъ любовь мою и дружество съ Нарсимою?
Забылъ, что жизнь его была въ моихъ рукахъ?
Я свижусь, покажу, каковъ союзъ съ Селимомъ,
И что вражда его возможетъ въ сихъ стѣнахъ!
Я снова на берегу противномъ мнѣ поставлю
И обращу на градъ Ефратскіе полки;
Ошъ лютоши такой любезную избавлю
И ошъ Мамаевой мучительской руки.
Ударишь женскій стонъ адѣсь вмѣсто пѣсней брачныхъ,
И вмѣсто праздничныхъ огней пожаръ сихъ стѣнъ.
Муметь увидишь смерть бѣгушу въ вихряхъ мрачныхъ,
И кровію чертогъ Мамаевъ обогрѣнъ.

НАДИРЪ.

Я самъ бы уклонясь отеческаго грала,
 Въ пустой степи и жизнь и скорбь свою закрывъ;
 Не видя срамоты и мерзостнаго взгляда,
 Я щасливъ бы весьма въ нещастїи томъ былъ.
 Однакожъ, Государь, вспомняувъ Нарсима,
 И зная что сіе отечество его,
 Меча не возноси къ опроверженью Крыма,
 И даннаго держись шы слова своего.

СЕЛИМЪ.

Не я, но самъ Мумешъ стѣнъ будетъ разоритель;
 Презрѣніемъ своимъ на шо мнѣ право далъ
 Нарсима въ оныхъ нѣшъ, но лютый въ нихъ мучитель;
 Онъ купно бы со мной прошивъ него воссталъ.
 Сугуба страшь меня на шо вооружаешь,
 То жалость горестна, шо искрення любовь;
 Одна во мнѣ спремилъ, другая духъ терзаетъ,
 Одна снѣдаетъ грудь, друга волнуетъ кровь;
 Одна велитъ отъ зла невинную избавить,
 Другая въ вѣкъ себѣ любезну получить,
 Одна всеобщій долгъ естественный исправитъ,
 Другая данную присягу сохранишь.
 Или безчувственъ я такъвъ кажусь Мумешу,
 Чшобы недвижно могъ стояшь, когда Мамай,
 Похишивъ силою, чшо мнѣ дороже свѣшу,
 Ликуя поведетъ изъ глазъ въ далекій край?
 Возможно ли стерпѣть его совѣшы мерзски!
 О сердце, не мягчись; но разруши въ концѣ;
 Мумеша низложи. Куда Селимъ продерзскій?
 Подумай, чшо Мумешъ любезныя отечъ!

И

И свято мѣсто мнѣ, Тамира гдѣ родилась;
 Пусть въ цѣлости стоймѣ, и пусть погибнешь шомѣ,
 Отъ коего моя надежда разрушилась.
Мамаю ошниму Тамиру и живомѣ.

НАДИРЪ.

Пріятель, укроти въ себѣ волненія гнѣви,
 И жизни не давай въ опасность шакову.

КЛЕОНА.

Въ сугубой горести не погрузи Царевны,
 Отъ пагубы храни любезную главу.

НАДИРЪ.

Когда на сей шы градъ возстать не долженъ войскомѣ;
 То долженъ ли одинъ? Что хочешь?

СЕЛИМЪ.

Умереть

Или шоржесшвовать, и въ мужествѣ Геройскомѣ
 Награду вѣрности прекрасную имѣшь.
 И правды и любви непобѣдима сила
 Противъ насилія со мной на брань пойдетъ.
 Или моя рука, что Крымску кровь щадила,
 Свою, но прежде той Мамаеву прольешь.
 И естли мужество побѣдой не прославитъ:
 Любовь и чешъ велишъ: довольно; я умру?
 Пускай хоть шѣмъ меня отъ муки рокъ избавитъ,
 Въ любовномѣ жизнь моя погибнетъ пусть жару.
 Я лучше съ похвалой оставить ту желаю,
 Какъ шяжекъ бытъ себѣ и небу и земли,
 И смерти ждаты, въ посмѣхъ ошдавъ себя Мамаю,
 До старости не знашь ошрады николи.

Владѣ-

Владѣтъ нашихъ дней Всевышній самъ предѣломъ;
 Но славу каждому въ свою онъ отдалъ власъ.
 Коль близко ходитъ рокъ при робкомъ и при смѣломъ;
 То лучше мнѣ избрать себѣ похвальну часть.
 Какая польза тѣмъ, что въ старости глубокой
 И въ тѣмъ безславїи кончаютъ долгой вѣкъ?
 Доброшами всходишь на веръхъ хвалы высокой
 И славно умереть родился человекъ.
 Превыше смертнаго я жребїя поставлю
 Учасїе свое и славой вознесусь,
 Когда Тамиру я отъ люлости избавлю,
 Вмѣняя ни во что; умру или спасусь!
 Пускай отецъ Ея свѣтлой поспыдится,
 Мою за дочь свою текущу видя кровь,
 Узнаетъ злость свою, но поздно научишься,
 Что можешь предпрїять озлобленна любовь!

НАДИРЪ.

Какую принесешь ты въ старости успѣху
 Родителямъ своимъ, когда услышишь вѣстие,
 Что вмѣсто въ сей войнѣ желаннаго успѣху
 Дерзнулъ, забывъ добъ ихъ, себя на рокъ привести?
 Они во сръшенъе давно къ тебѣ взираютъ,
 И простиравъ мысль чрезъ горы и валы,
 И въ нешерпѣнїи минуты всѣ считаютъ,
 Твоей насытятся желая похвалы.
 Возбнови свои премудрые ушавы,
 Которымъ преждь сего себя ты покорялъ;
 И вспомни прежнїе свой на сей часъ нравы,
 Которыхъ мѣрношью ты старыхъ удивлялъ.

СЕЛИМЪ.

СЕЛИМЪ.

Любви велика власть всю крѣпость низлагаетъ,
И мной господствуетъ. Ужъ я не шомъ Селимъ
КЛЕОНА.

Какую небо казнь съ Мамаемъ насылаешь!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

МАМАЙ, ЗАИСАНЪ и ПРЕЖНІЕ.

МАМАЙ.

Совѣтъ имѣете съ соперникомъ моимъ?

СЕЛИМЪ.

Или я съ Крымомъ здѣсь подвластенъ сталъ Мамаю?
Или онъ мнѣ имѣть совѣщъ запретилъ?

МАМАЙ.

Теперь препяпствія любви моей скончаю!

СЕЛИМЪ.

Теперь любовь моя насильствію рѣшишь!

МАМАЙ.

Весь сѣверъ покоривъ, сего не одолѣю?

Забывъ, продерзосный, прошившися Селимъ,
Кшо прадѣдъ мой, и что я въ области имѣю?

СЕЛИМЪ.

Кто родомъ хвалился, шомъ хвастаетъ чужимъ.

Но гдѣ твои полки? И гдѣ желаешь? въ морѣ
Иль въ полѣ окончатъ шоліку, боемъ прю?

МАМАЙ.

Увидишь, дерзосный бѣглецъ, увидишь вскорѣ,
Какому ты дерзнулъ прошиву сшашъ Царю.

Поди

Поди и возвѣспи, гдѣ обихаютъ мершвы
 Прапрадѣды мой, каковъ ихъ въ свѣшъ внукъ.

вынимаетъ саблю.

СЕЛИМЪ.

вынимая саблю.

Любовь Тамирина такой достойна жертвы,
 Кошорой отъ моихъ она желаетъ рукъ.

Сражаются.

ЗАИСАНЪ.

Разнимая.

Великій Государь!

КЛЕОНА.

Ахъ!

НАДИРЪ, *разнимая.*

Ахъ, Селимъ любезный!

Въ какую пагубу несешь злой рокъ тебя!

ЗАИСАНЪ.

къ Мамано.

Смягчи свой Царской гнѣвъ!

КЛЕОНА.

къ Селиму.

Склонились на шокъ слезны,

Помилуй, Государь, Тамиру и себя!

Конецъ четвертому дѣйствію.

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

МУМЕТЪ, НАДИРЪ, КЛЕОНА, ТАМИРА, ВОИНЫ.

МУМЕТЪ.

В какой я крайней стыдъ тобою погрузился!
До коего достигъ при старости я зла!
На шоль тебя родилъ, на то ли я крушился,
Тамира, чпо бы ты преслушна мнѣ была?
За пришлецемъ бѣжать изъ отческаго дому,
И кровности его дерзнула презрѣчь!
Какая казнь равна шакому дѣлу злому?
Какая бышь сему довольна можетъ месть?

ТАМИРА.

Когда родилась я въ безщасную минушу,
Чшобъ скорбь тебѣ принесъ; то сжался Государь!
Скончай свой гнѣвъ, скончай мою судьбину люшу,
Мечемъ своимъ въ мою повинну грудь ударь!
Мнѣ гробъ пріятнѣ Мамаева чершого;
Употреби свою родительскую власть!

МУМЕТЪ.

Не я тебѣ, не я, сама себѣ ты строга;
Сама дерзнула ты въ такую мерзость впасть.
Ты въ сердца любую сама змѣю питаешь,
Котора въ кровь твою пускаетъ смершый ядъ!
Мамая дерзостью безстыдно озобляешь,
Которато одинъ тебя достойнъ взглядъ,

Часть II.

14

Которой

Которой къ высотѣ шолікія державы
 Тебя и весь мой домъ склонился возвести,
 И въ общество принявъ своей гремящей славы,
 И сердце въ даръ тебѣ Геройско принести.
 Къ послѣдному склонись отеческому слову,
 Старайся склонностью, продержавъ наградишь.
 Но естъли я тебя увижу неготову
 Съ великимъ симъ Царемъ въ супружество вступить;
 То сдѣлаю примѣръ, и покажу вселенной,
 Чшо я хоша отецъ, однако же и Царь,
 Блжусь руки моей упрямствомъ разраженной,
 И будь готова сшашъ съ Мамаемъ предъ олшарь.

Къ Надирѣ.

Любъ зный братъ! пошдись прельщенную наставишь
 На истинну сшезу, пока все учрежду.

Къ Клеонѣ.

Тебя, преступница, кто можетъ нынѣ избавишь
 Омъ казни, чшо тебѣ за злобу наведу?

Къ воинамъ.

Возмите скверную, и ввергните въ темницу.

К Л Е О Н А.

Помилуй государь!

ТАМИРА.

Невинной не казни!

, НАДИРЪ.

Ты щедрѣ обрати, о небо! къ намъ зѣницу!

ТАМИРА.

Отеческу любовь во гнѣвѣ вспомяни.

ЯВЛЕНІЕ

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ТАМИРА и НАДИРЪ.

НАДИРЪ.

Дражайшая моя Тамира, будь спокойна,
 И строгой перешань прошивишься судьбѣ,
 Забудь, что лучшаго ты щастія достойна;
 Будь шѣмъ довольна, что она даетъ тебѣ.
 Когда родишель твой любовенъ и разсуденъ:
 Тогда взаимно ты съ почтеніемъ люби;
 Когда же онъ свирѣпъ и къ умягченію шруденъ:
 То пойня крови долгъ, сноси и не скорби!
 Повѣрь мнѣ, что Мамай хоша шеперь возвышенъ,
 И гордоси своей не знаешъ гдѣ предѣлъ;
 Но скоро упадешъ, и звукъ лишь будешъ слышенъ,
 Съ какой оцъ высоты поверженъ въ низъ лешѣлъ.
 Чудовищу сему хошъ небо попускаешъ
 Еще до времени родъ смершныхъ разоряшъ;
 Но нынѣ чрезъ твою невинность восплаешъ,
 И ускоришъ твою и всѣхъ бѣду скончашъ.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ТАМИРА, НАДИРЪ и ВѢСТНИКЪ.

ВѢСТНИКЪ.

Печальны, Государь, въ сей часъ услышишь вѣсти!

ТАМИРА.

Не дай, о Боже, мнѣ опчаяться въ конецъ!

НАДИРЪ.

И не на шли на насъ превыше силы мести,

Но будь оставленнымъ и въ яросси ошецъ!

14 *

ВѢСТНИКЪ.

ВѢСТНИКЪ.

Во гнѣвъ изъ палатъ Мамай неушолоимомъ
 Лишь только вышелъ вонъ, и обращалъ свой зракъ :
 Съ озлобленнымъ потчасъ увидѣлся Селимомъ,
 И путь къ сраженію другъ другу дали знакъ.
 Взлестѣли на коней, и оныхъ поощряя,
 Скакали на полѣ однѣ изъ нашихъ стѣнъ.
 Я бѣжалъ имъ во слѣдъ, гдѣ роща есть густая,
 Среди которой лугъ широкой заключенъ,
 Тушъ первой ихъ ударъ : .

ТАМИРА.

О какъ мой духъ стѣснился !

ВѢСТНИКЪ.

Сверкнули острые и дали звукъ мечи;
 Какъ шуча мрачная Мамай ярься смутился,
 Отъ глазъ былъ блескъ, какъ валъ морской горцѣ въ ночи,
 Надежда на лицѣ Селиновомъ блистала,
 И въ мужескѣ была пріятна красота;
 Вездѣ рука его Мамая ушѣсняла;
 Мамай искалъ себѣ спасенья отъ щита.
 Едва отъ скорыхъ онъ ударовъ укрывался,
 И дѣйствовать мечемъ не успѣвалъ своимъ,
 Уже и отступалъ и къ бѣгу порывался;
 Но руку сильную занесъ въ размахъ Селимъ;
 Ударилъ по щиту, звукъ гранулъ межъ горами;
 Распался разомъ щитъ, и конска голова.
 Мамай поверженъ былъ внезапно подъ ногами,
 И ближни потряслись паденіемъ дравъ.

Селимъ.

Селимъ путь мой попрашь копытами Мамаю :
Однако шедъ съ коня, къ возставшему спѣшилъ.

НАДИРЪ.

Ахъ дерзость !

ТАМИРА.

Ахъ бѣда !

ВѢСТНИКЪ.

На храбрость уповая ,
Къ гибели своей великодушенъ былъ.
Какъ чаялъ, что врага имѣлъ ужъ онъ во власи :
Набѣгли невзначай Мамаевы Мурзы.
Онъ имъ вскричалъ шеперь спасите отъ напаси !
Ударились къ нему

ТАМИРА.

О горькіе часы !

О щедры небеса, и мой животъ скончайте !

ВѢСТНИКЪ.

Мнѣ свѣтъ изъ гласъ огня, погнала прочь боязнь !
Я слышалъ только шамъ : рубите и терзайте.
Одинъ изъ Мурзъ вскричалъ : прими достойну казнь.

НАДИРЪ.

Любезный мой Селимъ, ужъ ты лежишь бездушенъ,
И храбрость множествомъ твоя побѣждена !
На толь ты столько былъ родишю послушенъ,
Чтобъ кости приняла твои чужа страна ?

ТАМИРА.

Въ отчаяньи своемъ ужъ я леденю,
Терзаньемъ ушомая любовнаго огня !
Ошмисти ты, Государь, ошмисти сему злодѣю,
За друга своего ошмисти и за меня.

НАДИРЪ

НАДИРЪ.

Пойду, не пощажу своей я хлалной крѣби.
 Опмѣшу или умру! Довольно и того,
 Чшо вѣшей принесши сподоблюся любви
 На жертву живоша остатки моего.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ТАМИРА *одна.*

Какую можешъ дать Наѣиръ ужъ мнѣ ошраду?
 Селима больше нѣшъ! Мамай вкругъ ополченъ!
 Иль сквернаго себѣ его ждашь буду взгляду?
 И дамъ себя жива чудовищу во плѣнъ?
 Одно спасенье мнѣ не ожидашь спасенья.
 Въ покровъ природа смерть нещасливымъ дала.
 Имѣя вольный пушь, не избѣгу мученья?
 Еще хочу я жить и не страшуся зла?
 Ужь сердце за спѣной Селимово перзаютъ,
 Ахъ лютой мой отецъ! убійцы по пушамъ.
 О какъ и руки имъ швои не помогаютъ!
 Поди и насладись невинной кровью самъ.
 Насыть слезами грудь дочерними родителемъ!
 И пагубой моей и рокомъ веселись.
 Но знай, что будешь слыть на свѣшъ ты мучишель:
 Единымъ именемъ съ Мамаемъ возгордись.
 А ты мой братъ, когда спалъ нынѣ другъ Мамаю,
 То въ жизни на шею гнушаюсь я взглянуть;
 Когдажъ ты ошъ него погибъ, какъ вѣрно чаю,
 То въ шомъ же за тобой спѣшитъ мнѣ должно пушь,
 И шакъ нещасная Тамира умирая,
 Родительскихъ ужѣ не будешь видѣть слезъ.
 Одна сомкнешъ глаза, со свѣта убѣгая,
 Ошавлена ошъ всѣхъ, презрѣнна ошъ небесъ!

И

И огорченный духъ сойдешъ въ мѣста подземны,
Себя отъ тяжкихъ сихъ оковъ разрѣша,
И устремиться въ слѣдъ Селиму въ хляби темны!
Повѣй ко мнѣ, повѣй, любезная душа:
Соединись съ моимъ послѣднимъ здѣсь дыханьемъ,
И будь, когда намъ рокъ жишь вкупѣ запретилъ,
Хотя по смерти мнѣ соединенъ бѣжаньемъ
Со свѣта, что съ тобой однимъ мнѣ могъ быть милъ.
Раскажешься уже, родитель мой; но позно!
Ахъ позно будешь ты надъ мертвою рыдать,
Что принужденіе твое могло мнѣ грозно
Надежду и животъ во младости ошнать!
А ты почувствуешь, Мамай безчеловѣчный,
Кошмарой ошнать нынѣ двѣ жизни у меня,
Почувствуешь ты казнь и страхи безконечны,
Какъ наша предъ тебя приступитъ тѣнь сменя.
Селимовъ будетъ духъ и мой тебѣ мечшась,
И лица блѣдныя и кровь вездѣ казать.
Изъ степи будешь въ степь отъ страху укрываться;
Но мѣста не найдешь, гдѣбѣ муки избѣжаешь:
Пока не видя ты своимъ мученьямъ краю,
Погибнешъ въ горести, проклявъ послѣдній часъ.
Сего, о небеса, ширяну я желаю!
И въ жертву приношу послѣдній съ кровью гласъ;
Ужѣ мнѣ вѣчность входъ къ блаженству отверзаетъ,
И смерть зоветъ меня къ спокойству отъ трудовъ!
Героевъ свѣшлый ликъ Нарсима такъ встрѣчаетъ.
А ты мой духъ къ нему еще ли не готовъ?
Ты къ дѣлу славному на что ослабѣваешь?
Что должно потерять, то должно презиратьъ.
За чѣмъ рука моя конца не ускоряешь?
Мнѣ легче смерть сама, какъ смерти ожидаешь.

Я смертию лишь могла, Селимъ, тебя лишиться,
 Когдабъ нашъ вѣкъ продлить изволилось судьбѣ.
 Но нынѣ нехочу и въ смерти разлучиться.
 Ты умеръ для меня, я слѣдую тебѣ.

Хочетъ заколотся. /

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

СЕЛИМЪ, НАРСИМЪ и ТАМИРА.

СЕЛИМЪ.

схвативъ за руку и вырвавъ кинжалъ.

Я живъ, дражайшая, я живъ и торжествую!

НАРСИМЪ.

Любезная сестра, твой здравствуетъ Нарсимъ!

ТАМИРА.

ослабѣвая.

Ужѣ межъ мертвыми я вижу шѣнь драгую!

СЕЛИМЪ.

Въ какомъ отчаяньи!

ТАМИРА.

И духъ Нарсимова съ нимъ!

СЕЛИМЪ.

къ ослабѣвающей Тамирѣ.

Тебя, дражайшая, Селимъ твой поздравляетъ,

Чѣмъ врагъ нашъ погубленъ. Ужѣ больше не страшись.

Насъ вѣрность и любовь и щастье возвышаетъ;

Великой радостью ты съ нами ободришь.

ТАМИРА.

Возможноль бытъ тому? Селимъ! Нарсимъ! я съ вами!

Я съ вами въ жизнь еще увидѣться могла?

Я вижу ясно, чѣмъ рука твоя надѣ нами,

О Боже мой, въ бѣдѣ и въ горести была!

Но

Но нѣ Мамаева еще ужасна сила!

НАРСИМЪ.

Умывшись въ варварской рука моя крови,
Вселенныя концы отъ страху свободила,
Мнѣ мщенье воздала, и вашей долгъ любви.

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

МУМЕТЪ, НАДИРЪ, ЗАИСАНЪ, СЕЛИМЪ, НАРСИМЪ и ТАМИРА.

МУМЕТЪ.

Нарсимъ, ты здѣсь! себя я вижу, сынъ любезный?
Колику радость ты нечаянно принесъ!
Одинъ ты изсушивъ мой потоки слезны,
Что пролилъ мнѣ ударъ разгнѣванныхъ небесъ!
Мамаю не хоща Тамира быль супругой,
Всего лишаетъ насъ, что намъ онъ обѣщалъ,
И что ты пріобрѣлъ своей къ нему услугой.

НАРСИМЪ.

Я всю ужъ, Государь, печаль швою скончалъ,
И побѣжденъ къ тебѣ съ побѣдой возвращаюсь;
Димитрій одолѣлъ; и врагъ нашъ пораженъ.

МУМЕТЪ.

Внимая странну вѣсть, въ сомнѣньи ужасаюсь!

НАРСИМЪ.

Коль чудно я для васъ отъ пагубы спасенъ!
Спасенъ, сей градъ, тебя, Тамиру и Селима
Избавишь отъ бѣды, Мамаю погубивъ.
Поверженъ сопостатъ и разоритель Крыма,
Что полкъ мой низложилъ; чужъ я остался живъ.

Часть II.

15

МУМЕТЪ.

МУМЕТЪ.

О небо!

ЗАИСАНЪ.

Ахъ ударъ!

ТАМИРА.

О промысль Милосердый!

НАДИРЪ *къ Зайслицу.*

Не мнѣ ли въ честь конецъ имѣетъ наша прѣ?

СЕЛИМЪ.

Сама судьба естъ щитъ любви нашей швердый.

МУМЕТЪ.

О льстивыя слова коварнаго Царя!

Скажи, любезный сынъ, скажи мнѣ все подробно,

И сдѣлай всѣмъ моимъ смущеніямъ конецъ.

НАРСИМЪ.

Не слыхано еще на свѣстѣ зло подобно,

Какое предпріятъ Мамай, ширанъ и льстецъ.

Ужѣ чрезъ пашь часовъ горѣла брань сурова,

Сквозь пыль, сквозь паръ едва давало солнце лучъ.

Въ густой крови кипя, шряслась земля багрова,

И стрѣлы падали дождевыхъ гуще шучъ.

Ужъ поле мертвыми наполнилось широко,

Непрядва шрупами сперѣлись едва стекла.

Различный видъ смертей тамъ представляло око,

Различнымъ образомъ поверженны шѣла.

Иной съ размаху мечъ занесъ на сопоспаша;

Но прежде прободенъ, удара не скончалъ.

Иной забывъ врага, прельщался блескомъ злѣша;

Но мертвый на корысть желанную упалъ.

Иной отъ сильнаго удара убѣгая,

Стремглавъ на низъ слетѣлъ и стонешъ подъ конемъ.

Иной пронзенъ угасъ, противника пронзая,

Иной врага повергъ, и умеръ самъ на немъ.

Россій-

Россійскіе полки ошвсюду ушѣсненны,
 Казалось, что въ плѣнѣ дудутся иль падутъ.
 Мамай разтерзанны прошивныхъ видя члены
 Великой гордостью, промолвилъ мнѣ, надутъ:
 Нарсимъ, Димитрія во узахъ предо мною,
 Когда онъ живъ еще, немедленно пошавъ;
 Но ежели онъ мертвъ, съ противницей главою
 Поспѣшно возвращаясь, мнѣ радости прибавъ.
 Я будучи его тобою ошданъ волѣ,
 Не медля поскакалъ къ Россійскому полку,
 Димитрія искать въ его стану и въ полѣ;
 По трупамъ перешолъ кровавую рѣку.
 Со всѣхъ сторонъ меня внезапно окружили
 Избранны воины Мамаевыхъ полковъ,
 И тѣхъ что кругъ меня вооружены были,
 Дерзнули съчѣ. Я тутъ узналъ прокляшой ковъ.
 Узналъ что не вѣще его я опасался,
 И къ защищенію себя вооружилъ.
 О инъ изъ нихъ ко мнѣ ужъ прямо устремлялся,
 И свирѣлу на меня въ свирѣпости пустилъ.
 Она пробивъ мой щитъ, увязла по срединѣ.

МУМЕТЪ.

Къ какой ужасной я послалъ тебя бѣдѣ!

НАДИРЪ.

Трепещетъ грудь моя!

СЕЛИМЪ.

Коль близко былъ къ кончинѣ!

НАРСИМЪ.

Внезапно шумъ восшалъ по воинству вездѣ.
 Какъ туча бурная ударивъ отъ пучины,
 Ужасной въ воздухъ рождаетъ бѣгомъ свистъ;
 Ревѣтъ и гонитъ мглу чрезъ горы и долины,
 Возноситъ отъ земли до облакъ легкой листъ:

Такъ сила Росская поднявшись изъ засады,
 Съ внезапнымъ мужествомъ пустилась противъ насъ;
 Дождавшись таковой въ бѣдѣ своей оспрады,
 Оснавшие воинство возвысило свой гласъ.
 Во срѣшенъе своимъ Россiяне: вскричали,
 Великой вспылалъ въ сердцахъ унывшихъ жаръ.
 Мамаевы полки увидѣвъ: испрепешали,
 И ужасъ къ бѣгству принудилъ всѣхъ Ташаръ.
 Убивцы ошъ меня для страху удалились.
 Я къ верьху смущенны возвелъ свои глаза.
 Тогда надъ Росскими полками: отворились,
 И ясны: свѣтъ на нихъ спустили небеса.
 У арилъ громъ на насъ по оныхъ поборая,
 И подаль знакъ, что Богъ на помощь имъ идетъ!
 Глазами я искалъ и не нашолъ Мамая;
 Съ бѣгущими и самъ побѣгъ ему во слѣдъ.
 Внимая страшный стонъ, съ холма я отянулся;
 Какую пагубу увидѣлъ нашихъ силъ!
 Увидѣлъ купно всѣхъ погранныхъ, ужаснулся!
 Мамаю отойсшии, за все я зло спѣшилъ.

МУМЕТЪ.

О щаствѣ льстивое! какъ души ослѣпляешь.
 Тамира, я тебя напрасно озлоблялъ!

ТАМИРА.

Ты словомъ симъ живешь съ надеждой возвращаешь!

СЕЛИМЪ.

Уже я вознесенъ, какъ мой соперникъ палъ!
 И очи, Государь, мои тѣмъ насладились,
 Что опиялъ жизнь ему при мнѣ любезный другъ.
 Когда мы на полѣ одинъ съ другимъ сразились,
 Вооруженные наѣхали къ намъ въ лугъ.

Я чаялъ, что Мамай съ другими согласился,
 Чшобъ множествомъ меня коварно одолѣшь
 Однако я стоять противъ вооружился,
 И предпріялъ, лишась любезной, умереть.
 Тотчасъ пушъ усмотрѣлъ любезнаго Нарсима,
 Которой яроспью къ Мамаю устремленъ
 Лешѣлъ къ опмищенію колеблемаго Крыма.
 Онъ тяжко возсеналъ, мечемъ сквозь грудь пронзенъ.
 Какъ шигръ ужъ на копѣхъ хотя ослабѣваетъ,
 Однако посмотрѣвъ на раненой хребетъ,
 Глазами на ловца кровавыми сверкаетъ,
 И равнвище злаясь въ себѣ зубами рветъ:
 Такъ мечъ въ груди своей схватилъ Мамай рукою;
 Не палъ, и трясучись о землю тыломъ билъ.
 Изъ раны черна кровь ударила съ рѣкою;
 Онъ очи злобныя на небо обратилъ.
 Разинулъ челюсти! но гласа не имѣя,
 Со скрежетомъ зубнымъ извергнулъ духъ во адъ.
 Нарсимовы слуги бездушнаго злодѣя
 Остались истребить огнемъ послѣдній ядъ.

НА Д И Р Ъ.

Толь тяжко съ высоты Богъ гордыхъ повергаетъ!

С Е Л И М Ъ.

Вторично, Государь, я нынѣ предложу
 О томъ, къ чему моя толь сильно грудь пылаетъ,
 И жизни для чего своей я не щажу.

М У М Е Т Ъ.

Я съ небомъ и съ судьбой и съ вами соглашаюсь,
 Исполню, что велишь любовь и красота.
 Я щастіемъ своимъ и вашимъ упѣшаюсь!!
 Живи въ веселіи, любезная чета.

Коль

Коль всѣмъ намъ былъ сей день печаленъ и ужасенъ,
Чшо могъ насъ въ пагубѣ конечной утопить ;
Толь будетъ завсегда онъ веселъ и прекрасенъ,
Чшо въ оный промыслъ васъ судилъ соединить.
Взаимная любовь межъ васъ непринужденна
Всегдашней вѣрностью пусть дастъ инымъ приѣръ.
Мамаева при шомъ кичливосшь поражена
Другихъ пусть устрашитъ гордиться выше мѣръ.
Къ готовому теперь вы олшарю за мною
Послѣдуйте предъ нимъ въ супружество всшупишь.
Клеониною я хощу оскорбленъ виною ,
Но радосшь нынѣшня велитъ ей все простить.

Конецъ пятому дѣйствию.

ДЕМОФОНТЪ
ТРАГЕДІЯ.

Въ пяти дѣйствіяхъ.

КРАТКОЕ ИЗЪЯСНЕНІЕ.

Послѣ раззоренія Трои, Демофонтъ сынъ Тезея Царя Аѳинскаго, возвращаясь отъ Трои въ отечество, проливною бурей занесенъ былъ къ берегамъ Эракійскимъ, и съ разбитата флота принять Царевною Филлидою, дочерью Ликурія Царя, послѣ котораго смерти воспиталъ ее Полимнесторъ Князь и правитель Эракійскій. Въ то время былъ онъ на войнѣ противъ Скиѳовъ, оставивъ подъ охраненіемъ Мемноновымъ съ Филлидою невѣсту свою Иліону, дочь Пріама Царя Троянскаго, преведенную прежде конечнаго разрушенія Трои съ братомъ ея Царевичемъ Полидоромъ, чтобы сохранить ихъ отъ Грековъ, съ присланнымъ великимъ богатствомъ. Въ отсутствіе его Филлида съ Демофонтомъ возымѣвъ великую взаимную любовь, положили, чтобы, уговорясь съ Мемнономъ, сочетаться между собою бракомъ, и принять правленіе государства, а Полимнестора отрѣшить отъ онаго. Между тѣмъ Демофонтъ прежде жалосію, а послѣ и любовію къ Иліонѣ склонялся, сомнѣнною страстію толь долго колебался, пока Полимнесторъ нечаянно въ городъ пришелъ съ побѣдою; и ошселъ начинается сія Трагедія.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ДЕМОФОНТЪ, сынъ Тезея Царя Аѳинскаго.

ПОЛИМНЕСТОРЪ, Князь и намістникъ Царскій во Фракіи.

ФИЛЛИДА, Царевна Фракійская, дочь умершаго Ликурга Царя.

ИЛІОНА, Царевна Троянская, дочь Пріамова, невѣста Поли-
мнесторова.

МЕМНОНЪ, Правитель города Сеста.

ДРАМЕТЪ, Полководецъ Демифонтовъ.

КРЕУЗА, мамка Филлидина.

ВѢСТНИКЪ.

*Дѣйствіе происходитъ въ Сестѣ приморскомъ городѣ Фракій-
скомъ, въ царскихъ палатахъ.*

ДѢЙ-

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ФИЛЛИДА, ДЕМОФОНТЪ и КРЕУЗА.

ФИЛЛИДА.

Онѣ въ сихъ ужѣ стѣнахъ; о люшая напастъ!
Ты знаешь, Демофонтъ, его велику власшь.
Желаніе мое какъ можешь совершится,
Гдѣ Полимнестора мой слабой духъ спрашится?
На что ты отлагалъ на что столь долго бракъ?

ДЕМОФОНТЪ.

Мнѣ строгая судьба повелѣвала такъ!
Но что великой страхъ?

ФИЛЛИДА.

Еще ли вопрошаешь?

Давно ужѣ давно ты все подробно знаешь,
Что мнѣ съ тѣхъ поръ спрашна и нынѣ его гроза;
Когда родишело сомкнула смерть глаза.
Онѣ жизни своя послѣдній часъ кончая,
Проси, сказалъ въ слезахъ, Филлида дорогая;
Живи и возрастай щасливо подъ рукой,
Что въ возрастѣ тебя на тронѣ возвыситъ мой.
Ты Князю будь какъ мнѣ до времени послушна;
Я, вѣдаю, что мысль его великодушна.
Промолвилъ, и съ тѣмъ духъ послѣдній испустилъ,
И Полимнесторъ власшь надъ царствомъ получилъ.
Черезъ двенадцать лѣтъ коль сильно укрѣпился,
То видѣлъ ты теперь; но какъ ты не смутился?

И неподвижно какъ возмогъ смотрѣшь на страхѣ.
 Которой былъ на всѣхъ и на моихъ очахъ
 Смущенныхъ отъ его внезапнаго приходу ?

Д Е М О Ф О Н Т Ъ.

Сіе ли устрашитъ Геройскую породу ?
 Или забыла ты, что я Тезеевъ сынъ ?
 Чего желаю я, то получу одинъ.
 И чаешь ты, чтобъ шомъ симъ видомъ взволновался;
 Кто Гектора видалъ и въ полъ съ нимъ сражался ?

Ф И Л Л И Д А.

О мужествѣ твоємъ не сомнѣваюсь я ;
 Иной напасши ждешь печальна грудь моя.
 По всѣмъ признакамъ я безсчастлива примѣчаю,
 Что къ пагубѣ своей любовью пылаю.
 Ты зналъ, что Князя весь Монархомъ чтишь народъ,
 И что владѣть ему остался цѣлой годъ ;
 Въ ошесуствіе его уговорясь съ Мемнономъ,
 Мы брачнымъ укрѣпиль любовь могли закономъ,
 И подданные всѣ увидѣвъ нашъ союзъ,
 Ошсталибъ отъ него, ошвергнувъ тягость узъ.
 На храбросіи бы твою надежду положили, ~
 Противъ его свой духъ и руки обратили.
 Но нынѣ съ воинствомъ въ сей городъ онъ вступилъ,
 Побѣдами свое правленіе укрѣпилъ.
 Онъ больше прежняго ужъ власть свою умножилъ,
 По умысламъ своимъ и бракъ мой расположилъ.
 Но ты спокойно могъ сея напасши ждать !
 Какъ можешь предо мной себя ты оправдать ?

Д Е М О Ф О Н Т Ъ.

Смущенія твои, драгая, всѣ напрасны,
 И тѣни кажутся однѣ тебѣ ужасны.

Жошъ.

Хоть Полимнесторъ зѣсь; но онъ какъ швой отецъ,
 Твоимъ сомнѣніамъ желанный ласкъ конецъ.
 Когда въ младенчествѣ онъ былъ швой покровитель;
 То будешь ли въ швомъ ужъ возрасшъ гонитель?
 И медлѣнность моя вредить не можетъ намъ;
 Пока я долгъ ощу въ отечествѣ ошдамъ;
 То княжеско къ концу владѣніе достигнешъ,
 И швой нароѣ тебя и онъ на тронъ воздвигнешъ.
 Въ Аѣинахъ укрѣпя престолъ свой, возвращусь,
 И будучи Царемъ, съ Царицей сопрягусь.

Ф И Л Л И Д А.

Такъ можешь цѣлой гоѣ побыть и безъ Филлиды!
 Такіе ли казалъ съ начала ты мнѣ виды?
 Когда свирѣпый вихрь разбилъ твои суда,
 Когда еще шкла съ одеждъ швоихъ вода,
 Когда изъ челюстей несыныя пучины
 На мой ты приняшъ брегъ, спасенъ отъ злой кончины;
 Ты такъ ли говорилъ? Ты такъ ли припадалъ?
 И шакъ ли взоръ взводилъ, и шакъ ли воздыхалъ?
 Слезами и бѣдой швоей я умилилась;
 На швой плачевный видъ, на жалку часть склонилась.
 Почти безъ чувствъ тебя я въ домъ свой привела,
 Спокойство отъ трудовъ и жизнь тебѣ дала.
 И для меня Мемноѣ явилъ тебѣ пріѣшство,
 Изъ нѣдръ морскихъ извлекъ Троянское богатство,
 Которое шогдажъ тебѣ возвращено,
 И съ нимъ сокровище мое сообщено.
 Какъ можешь, что досталъ убійствомъ ты и кровью,
 Сравнишь съ шѣмъ, что тебѣ мѣей дано любовью?
 Когда она двоихъ сердца ужъ сопрягла;
 Я общимъ все добромъ имѣніе звала.

СЪ

Съ сугубой хочешь въ домъ корыстью возвратиться,
Троянскимъ и моимъ богатствомъ возгордиться?

Д Е М О Ф О Н Т Ъ.

О какъ мнѣ рѣчь сія въ печальну грудь разитъ!
Подумай, что теперъ отецъ мой говоритъ:
„Меня противникъ зѣбъ отъ царства оплучаетъ,
„А сынъ о мнѣ забывъ, любовью нынѣ таетъ,
„И въ роскоши презрѣвъ естественный законъ,
„Въ ничто вѣняетъ скорбь отеческу и спонъ. „
Представь, дражайшая, ты гордаго Мнесея,
Что хочетъ хищной снять рукой вѣнецъ съ Тезея,
И въ старости ему онъ казню грозитъ:
Представь себѣ, представь Тезеевъ скорбный видъ.
Возлюбленный отецъ, о какъ ты воздыхаешь!
Ты взоры слезные чрезъ вѣды простираешь,
И наблюдаешь всѣхъ судовъ бѣгущихъ путь,
И на берегъ едва дерзаешь ты взглянуть,
Гдѣ злой ширанъ тебя насильно утѣсняетъ
Тогда, какъ Грецію отрада оживляетъ.
Съ побѣдою пришли обратно тамъ Цари,
Восходитъ къ небу плескъ, дымящся олтари.
Троянскимъ златомъ всѣ блистаютъ тамъ чертоги,
Пріемлютъ злато въ даръ отеческіе боги.
Отцы и матери всрѣчаютъ тамъ сыновъ,
И радость изъяснить не достаетъ имъ словъ.
Всѣ слушаютъ отъ нихъ Пріамову судьбину,
И Гекторову смерть, и славы ихъ кончину.
А ты, родишель мой, утѣхи той лишенъ!

Ф И Л Л И Д А.

Но мною ли онъ въ сей печали погруженъ?

ДЕМО-

ДЕМОФОНТЪ.

Такой мнѣ отъ боговъ уже предѣль пославленъ,
 Чшо я хощу на сей брегъ отъ ярыхъ волиъ избавленъ,
 Однако чшобъ на немъ въ смущеньи ушопашъ!

Ф И Л Л И Д А.

Но я ли строгостью могла тебя смущать;
 И кто препяшествовалъ намъ ренью скончашся,
 И прежде Кнзя намъ на царство увѣнчашся?
 И силу бы твою услышавъ шамъ Мисшей
 Державы досягать дерзнулъ ли бы твоей?
 Подумалъ ли бы онъ, что Ораческая сила
 И съ ней рука твоя ему бы не отпятила?

ДЕМОФОНТЪ.

Такъ хочешь, чшобы я не видѣлъ нынѣ Аениъ,
 И шамъ не защишилъ отеческихъ сѣдинъ?

Ф И Л Л И Д А.

Ты вѣдая мою любовь, какъ можешь мыслишь,
 Чшобъ стала я съ имъ веселѣмъ то числишь,
 Когда бы ты ошца и скипръ свой позабылъ?
 Мнѣ шоль же какъ тебѣ, повѣрь, отецъ твой милъ.
 Я власшь здѣсь укрѣпя, съ тобой бы въ Поншъ пустилась,
 Ни острыхъ камней я бѣ ни бурь не устрашилась.
 Какуюбъ радость твой почувствовалъ отецъ,
 Увидѣвъ на тебѣ и свой и мой вѣнецъ!

ДЕМОФОНТЪ.

Не знаешь зависти межъ Греками, не знаешь?
 И такъ ли два вѣнца совокупить ты чаешь?
 Лишь только дойдемъ вѣсшь къ сосѣдамъ черезъ Поншъ,
 Чшо принялъ отъ тебя власшь Царску Демоншъ;
 То силою въ боязнь приведены моею,
 Всѣ обще поспѣшамъ вѣнецъ отдашь Мисшею.

Мнѣ

Мнѣ прежде должно власть наслѣду укрѣпить,
И послѣ съ оною швою совокупить.

ФИЛЛИДА.

Не мысли, Государь, чтобы младая дѣва,
И слѣпоша любви меня лишила свѣта,
Чтобъ мыслей я твоихъ примѣнить не могла,
Которы страсть къ себѣ другая отвлекла!
И рѣчь швая тебя и взгляды обличающъ,
И сердца твоего всю тайну открывающъ.
Я вижу изъ твоихъ потупленныхъ очей,
Что больше нѣтъ уже ко мнѣ любви твоей.

ДЕМОФОНТЪ.

Драгая, перестань терзать мой духъ смущенный!

ФИЛЛИДА.

Бѣжишь отъ глазъ моихъ? Ужъ мысли развращены
Не могушь утерпѣть мѣхъ правдивыхъ словъ.
Уже ты къ своему отщесствію готовъ,
И долѣе меня не хочешь удерживать.

ДЕМОФОНТЪ.

Позволь, любезная, мнѣ сердце успокоить!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ФИЛЛИДА и КРЕУЗА.

ФИЛЛИДА.

Не ясноль кажется мнѣ его сомнѣнна рѣчь,
Что я слезамъ своимъ даю безъ пользы течь!
Ты видишь по всему, любезная Креуза,
Что онъ нарочно бѣгъ отъ брачнаго союза.

КРЕУЗА.

Я сердцемъ шрепещу, смущенія боюсь!
Что будетъ, какъ швою любовь узнаешь Князь?

О Демофонтъ что, Царевна, онъ помыслилъ,
Котораго врагомъ со Греками онъ числитъ?

ФИЛЛИДА.

Могла ли я такой печали ожидать?
И что уже шеперь бездѣльной мнѣ начать?
Ты рокъ готовишь мнѣ, возлюбленный мой, въ шайнѣ?
Крѣуза, ахъ поди, спѣши, старайся крайне,
Вступи съ нимъ обо мнѣ въ пространной разговоръ,
И примѣчай слова, движенія и взоръ:
Тебѣ покажутъ всѣ вопросы и ошѣты,
Ты знаешь мыслей въ немъ наружныя примѣты.

КРЕУЗА.

Дай, небо, чтобъ въ твоихъ намѣреніяхъ всѣхъ
Былъ равенъ моему старанію успѣхъ!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ФИЛЛИДА *одна.*

Чтобъ онъ любилъ меня, еще могу я вѣрить?
И страсти въ немъ другой я не могу измѣрить?
Не щедришь жду того, что онъ мнѣ обещалъ,
И что мнѣ клятвою спокрашно подтверждалъ?
Однако шакъ моей любовью одолженный
Трушаешься мерзскія не будешь ли измѣны?
Горячая его къ родинѣлю любовь
Не возмушитъ ли въ немъ такой напастью кровь?
Но я ослѣплена причины вымышляю!
И видя явну лѣсть, его же извиняю!
Ахъ! какъ мнѣ нынѣ быть? И Полимнесторъ самъ
Является моимъ, ахъ, полнымъ слезъ очамъ!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ФИЛЛИДА и ПОЛИМНЕСТОРЪ.

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Уже мнѣ наконецъ прѣяшною судьбою,
 Царевна, суждено увидаѣться съ тобою.
 Отъ взору твоего три лѣта отлученъ,
 Всегда противъ твоихъ враговъ былъ ополченъ.
 Раздоры внутренни и внѣшни успокоилъ,
 Претивныхъ побѣдилъ и съ ними миръ устроилъ.
 Не однократно я всю кровь хотѣлъ пролить,
 Чтобъ царство для тебя недвижно утвердиль;
 Но щедры небеса судьбину отвратили
 И жизнь мою съ твоимъ наслѣдствомъ сохранили.

ФИЛЛИДА.

Что защищая ты во мнѣ Ликуровъ родъ,
 На брани положишь готовъ былъ свой животъ:
 За то благодарящъ тебя народы многи,
 И чтящъ зависнѣи, и любящъ сами боги.

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Симъ щастѣемъ, хотя я много веселюсь;
 Но больше радуюсь я нынѣ и дивлюсь,
 Увидѣвъ, что въ мое отсутствіе Филлида
 И возраспомъ своимъ и красою вида
 До тѣхъ достигла мѣръ, когда уже любовь
 Ликурову тобой воставить можетъ кровь.
 Едино совершилъ мнѣ дѣло ужъ осталось,
 Чтобъ сердце чрезъ меня достойное сыскалось,
 Достойное тебѣ быть въ вѣкъ поручено.

ФИЛЛИДА.

Усердіе швое. извѣстно мнѣ давно:

Хотя

Хотя рука твоя симъ царствомъ, Князь, владѣла,
Но я лишася ошца, въ тебѣ его имѣла.

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Превыше нынѣ мѣрѣ побояю я почтемъ,
Что именемъ я шодъ великимъ нареченъ.
Довольно, есѣлибъ я шого былъ удостоенъ,
Чтобы черезъ меня народъ былъ успокоенъ,
Которой въ радости уже всесчасно ждетъ,
Кого твой нѣжной взоръ и сердце изберетъ,
Чтобъ царствовать съ тобой на отческомъ престолѣ,
О щастливъ, щастливъ шотъ, и всѣхъ онъ смертныхъ боѣ!

ФИЛЛИДА.

Я вѣрю, что народъ Ликурга не забылъ,
Которой нравамъ онъ похвальнымъ научилъ.
Но сколько ошъ твоей онъ ревности желаетъ,
Моя нещасна грудь шого имѣшь не чаешь.
Я щастлива былабъ, когда твоя бы власть
Могла мнѣ укрѣпить мою желанну частъ.

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Хоть всею я еще Ѳрактею владѣю;
Но силы таковой и власти не имѣю,
Какая въ нѣжности и младости твоей
Блится изъ твоихъ плѣняющихъ очей.
Своею больше ты успѣешь красотою.

ФИЛЛИДА.

Коль мало пользоваться могу себя я шою!

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Ты можешь ею все

ФИЛЛИДА.

Узнаешь скоро самъ
Но время приносить тебѣ хвалу богамъ.

ДЕМОФОНЪ ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ПОЛИМНЕСТОРЪ и МЕМНОНЪ.

МЕМНОНЪ.

Надѣясь: твоего въ великій храмъ прихода,
Несчетно множество: сшекается народа.
Я войско по мѣстамъ разставилъ, Государь,
И жершву приношишь богамъ готовъ олтарь.

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Какое принесу. я имъ благодаренье;
Когда, поверженъ я послѣ трудовъ въ мученье,
Когда меня любовь въ спокойны дни крушимъ,
И въ мирные часы въ груди сей брань чинимъ?

МЕМНОНЪ.

Въ тебѣ ли можно быть какимъ мученьямъ мѣсту?
Въ спокойномъ торжествѣ ты видишь здѣсь невѣсту;
Геройску видишь дочь, Геройскую сестру.
Пылающую къ тебѣ въ усерднѣйшемъ жару.
Всего лишаась она, тобою была спокойна
Супружества съ тобой въ несчастнѣйшій достойна.
Желаніе свое ты можешь совершить,
И съ бракомъ торжество сѣ соединишь.
Она послѣ себя минушгъ всѣ считала;
По Троѣ, по отцѣ не столько вздыхала,
Какъ взору твоего, крушилася, лишаась
Коль часто слезъ рѣка изъ глазъ ея лилася!

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Что часть ея жалка, Мемнонъ, я признаваю;
Съ любовью куплю скорбь для ней претерпѣваю.

Сугубо

Сугубо чувствую я бремя на плечахъ !
 И что, скажи, шеперь я видѣлъ при брегахъ ?
 Чѣмъ флаги на водахъ Борей Оракійскій вѣетъ ?
 И что въ намѣреніи Филлида здѣсь имѣетъ ?
 Скажи и не утай, что было безъ меня ?
 Что въ домѣ дѣлалось и въ сердцѣ у нея ?

М Е М Н О Н Ъ.

Возможноль отъ тебя мнѣ, Государь, шайтѣся ?
 И должношь и любовь велишь тебѣ открьтѣся :
 За полгода предъ симъ, когда здѣсь не былъ слухъ,
 Гдѣ съ воинствомъ тебя водилъ Геройской духъ ;
 И послѣ какъ пришла во градъ сей вѣсть плачевная ,
 Что Трои рушила въ концѣ судьбина гнѣвна ;
 Внезапно солнца видъ на восходѣ сталъ багровъ
 И тусклые лучи казалъ изъ облаковъ .
 Ошъ берегу въ дали пучина почернѣла ,
 И буря къ намъ съ дождемъ и съ градомъ налетѣла .
 Напала мгла какъ ночь, ударилъ громный шрескъ ,
 И мрачность пресѣкала лишь частыхъ молній блескъ .
 Поднявъ съды верьхи, стремились волны яры ,
 И беретъ заревѣлъ, почувствовавъ удары .
 Тогда сквозь мракъ едва увидѣшь мы могли ,
 Что съ моря бурный вихрь несетъ къ намъ корабли ,
 Которы лютошь водъ то въ пропастьхъ скрываетъ ,
 То вздернувъ на бугры, порывисто бросаетъ ;
 Раздранны парусы пловцы отдавъ въ шрамъ ,
 Ужъ руки подняли къ закрытымъ небесамъ .
 Мы чаяли тогда Енеева прихода
 Съ остатками Троянъ, несчастнаго народа .
 Объята жалостью, подвигнула бѣдой ,
 Царевна на берегъ безъ страху шла за мной .

Тутъ

Тумѣ алчный Пенѣ пожралѣ три корабля предѣ нами,
 И въ части раздробивѣ, извергѣ на брегѣ волнами.
 Увидѣвѣ, что съ водой такѣ бьется человекѣ,
 Съ рабами я спѣшилѣ и на песокѣ извлекѣ.
 Онѣ очи смутныя со страхомѣ обращая,
 И томныя уша чрезѣ силу ошверзая,
 Кѣ Филлидѣ, облившись слезами, говорилѣ:
 Когда небесный гнѣвѣ меня такѣ поразилѣ,
 То я ужѣ взираѣ на небо не дерзая;
 Кѣ тебѣ, богиня ты, иль смертна, прибѣгаю,
 Или, какѣ чаю, сихѣ владычица береговѣ,
 Покрой насѣ и превысѣ щедрошою боговѣ.
 Царевна шаковымѣ подвиглась жалкимѣ слухомѣ,
 И нѣжнымѣ, преклонясь, отвѣтствовала духомѣ:
 Спокоенѣ будь теперь, и опложи весь страхѣ
 Не варварски сердца родящся въ сихѣ мѣстахѣ.
 Хотя не знаемѣ мы, какого ты народа,
 Но бѣднымѣ помогаѣ величѣ сама природа.

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Кто сей несчастный былѣ ?

МЕМНОНЪ.

Царя Тезея сынѣ.

Онѣ сердца наша Царевны господинѣ !
 Народѣ его, что съ ямѣ отѣ пагубы избавленѣ,
 Спокойствомѣ ободренѣ, и флотѣ его исправленѣ.

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

О вѣсти странныя ! о чудный судѣ боговѣ !
 Но пойдѣмѣ ихѣ спросить ; я ко всему гошовѣ.

Конецѣ перваго дѣйствія.

ДѢЙ-

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ДЕМОФОНТЪ, ПОЛИМНЕСТОРЪ и МЕМНОНЪ.

ДЕМОФОНТЪ.

Ты склонность кажешь мнѣ, всея надежды болѣ!
И чѣмъ я заплачу твоей толь щедрой волѣ?
Я странствую, гонимъ отъ волнъ и отъ небесъ;
Ты въ скорби, Государь, оспраду мнѣ принеси.

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

И я шѣмъ веселюсь, что дивная судьбина
Тезеева мнѣ здѣсь дала увидѣть сына,
Которой мужесшвомъ ему себя сравнилъ,
И шѣмъ подъ Троею Героямъ общникъ былъ,
Которыхъ на нее послали гнѣвны боги.
Не вы, не вы, они Пріаму были строги!

ДЕМОФОНТЪ.

Умѣренность твою чему могу сравнять?
Величествомъ души Пріама больше зять!

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

То все еще шеперь у Промысла во власи;
Достигнешъ до своей в Иліона части!
Отъ ярости боговъ убѣгнешъ ли она,
Котору чувствуешь отъца ея страна,
То день поставленный покажетъ намъ конечно!

ДЕМОФОНТЪ.

Иль рвеніе боговъ на Трою будешь вѣчно?

Когда

Когда ужé и въ насъ смягчились сердца;
 То имъ ли злوبيшься на бѣдныхъ безъ конца?
 Когда представляю я въ умъ своемъ Пріама,
 Терзаюсь мыслями ошъ жалости и срама,
 Что Греческой рукой Царева сѣдина,
 О варварство! въ его крови обagreка.

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Теряешь славу всю свирѣпствомъ побѣдитель;
 Но часто долженъ онъ невольно быть мучитель,
 Какъ надобно своихъ предохранить отъ зла.
 Тебѣ всегда за что пребудетъ похвала,
 Что о несчастіи поверженныхъ жалбешь;
 Ты злобу тѣмъ своихъ враговъ преодолбешь.
 Когдабъ жалбли такъ ошнелъ всѣ Греки прочь,
 Себѣ Пріамову могло утѣшить дочь.

ДЕМОФОНТЪ.

Мнѣ знать другихъ сердецъ движенія не можно;
 Но объявишь сіе могу тебѣ не ложно,
 Что въ жизни я себя великимъ бы почелъ,
 Когдабъ ей доказать сердечну жалость смѣлъ,
 Кошорую объ ней - - - -

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Я въ томъ не возбраняю;
 Но силы ласковымъ словамъ твоимъ желаю,
 Дабы чрезъ оныя увѣрилась она,
 Что Троя отъ боговъ, не вами сожжена.
 И видя, что о томъ, кто воевалъ, крушится
 Могла бы ошъ шоски хоть мало свободиться.

ДЕМОФОНТЪ.

Всѣ силы положу, чтобъ Грековъ посрамить,
 И Иліону въ той надеждѣ утвердить,

Что

Что шѣ же укролась, возставашъ боги Трои.
 О естѣлибъ сею могъ воздвигнуть я рукою!

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ПОЛИМНЕСТОРЪ и МЕМНОНЪ.

МЕМНОНЪ.

Я объявивъ его къ твоей невѣстѣ страсть,
 Дивлюсь, что ты ему дашь ходишь къ ней власть!

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Я не далъ бы; но чтожъ? Другое нынѣ время!
 И боги съ моего снимающъ сердца бремя.
 Покажутъ щедрой шѣ на Иліонѣ суль,
 Устрояшъ все обѣ ней и щастье ей дадутъ.
 Меня ихъ власть къ другой любви понуждаетъ:
 Мой духъ прошивишься ихъ воли не дерзаетъ!

МЕМНОНЪ.

Что слышу, Государь?

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Омъ Олтаря отвѣтъ!

Ты слышалъ въ храмѣ громъ. Мемнонъ, и видѣлъ свѣтъ,
 Когда я приступивъ, предъ Марсомъ преклонился,
 И какъ омъ жертвы дымъ предъ онымъ возкурился;
 Тогда военный богъ щипомъ своимъ пошрясь,
 Блеснулъ очами вдругъ, и испустилъ сей гласъ:
 „Для Трои на себя не привлекай ты тѣву,
 „Вручениую тебѣ люби вѣкъ дочь Цареву.
 Толь ясныя слова не смѣю толковать;
 Я волю принужденъ безсмертныхъ исполнять;

Часть II.

18

Чтобъ

ЧшобѢ бышъ Ликургова по власти оныхъ прона
Но нынѢ ошступи: приходитѢ Иліона.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ПОЛИМНЕСТОРЪ и ИЛІОНА.

ИЛІОНА.

Увидѣвъ, Государь, на единѢ себя,
Я смѣюль рѣчь зачатъ, твой духъ не оскорбля.
Весь городъ веселясь, въ очахъ твоихъ сіяетъ,
И можешъ бышъ мой взоръ тебѢ лишь досаждаешъ,
Боюсь, что я сему торжественному дню
И радости твоей препяшство учиню!
Ты видишь предѢ собой не ту ужѢ Иліону,
Что прежде славою ошеческаго прону
Украшенна, тебѢ была обручена,
Со свѣшлымъ праздниствомъ въ сей градъ приведена;
Но съ Троею всего величества лишенну,
И только лишь къ тебѢ надеждою укрѣпленну.
Какъ сердце бы твое мнѢ не было дано,
Осталоса бы мнѢ отчаянье одно.
Я въ ТроѢ, въ ГекторѢ, въ ПріамѢ умираю;
И только лишь къ тебѢ любовію дыхаю:
Возставъ и укрѣпи!

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Я долженъ самъ уласть!
О строгаѢ судьба! о горестная часть!

ИЛІОНА.

Я вижу, Государь, что раззоренна Троя
Лишаетъ и себя веселья и покоя!

Но

Но ежели тебѣ еще я шакъ мила,
 Какъ въ тѣ часы, когда изъ Трои я пришла!
 То всю свою шоску въ сей день преодолею:
 И ты спокоенъ будь спокойностью моею.
 И Гекторъ и Троиль, Геккуба и Пріамъ
 Въ тебѣ одномъ моимъ являющся очамъ.

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Когдабъ я былъ тебѣ Парсомъ иль Пріамомъ,
 То былъ бы щасливъ я уже въ несчастъ самомъ.

ИЛІОНА.

Ты можешь Государь, теперь мнѣ ими быть.
 И Трою на берегу Эракійскомъ защишишь,
 Которую еще неукротимы Греки,
 Наполнивъ кровію поля при ней и рѣки,
 Коварно утѣснятъ и здѣсь не престающъ,
 И мѣста оныя остаткамъ не дающъ.
 Въ отсутствіе твое бурливая погода
 Разбила корабли противнаго народа.
 Тезеевъ сынъ отъ воли спасенъ остался живъ,
 Здѣсь сиротствуя живетъ. О вѣ время улучивъ,
 (Того я знать не ищу, за правду, иль притворомъ:)
 Мнѣ часто о любви досаднымъ разговоромъ
 Терзалъ мой скорбной духъ, несносной сопослалъ,
 Котораго одинъ мнѣ пуще смерти взгляды
 Забывъ всѣ нѣжности Филлидины, дерзаетъ
 Другой любви искалъ, чрезъ что онъ объявляетъ,
 Что онъ на всякой часъ на злость свою готовъ.
 На всѣхъ онъ, Государь, сплетаетъ хитрый ковъ,
 Ошмсни ты за меня; ошмсни ты за Филлиду,
 За Трою, за весь родъ, за собственну обиду.

Д Е М О Ф О Н Т Ъ ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Я сеюбѣ кровь его рукою пролилѣ самѣ,
Когда бы было то угодно небесамѣ;
Но воля ихъ мою надежду пресѣкаетѣ,
И мечъ мой на него поднимать не позволяетѣ.

на сторону!

Хотя одной постылѣ, хотя другой онѣ любѣ;
Вездѣ соперникѣ мнѣ и сопоставѣ сугубѣ.
Сугубаго въ рукахѣ соперника имѣю!
Но мстишь ему за то, о боги, я не смѣю!

указывая на Иліону!

За тѣмѣ я вамѣ ее на волю отдаю,
Вы дайте помочь ей, скрѣпите грудь мою
Исполните вашѣ отвѣтъ!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ИЛІОНА. *одна!*

Гдѣ мнѣ искать покровѣ?

Не слышала шеперѣ ни одного я слова,
Которымѣ бы признакѣ онѣ нѣжности мнѣ далѣ!
Что смутныи ошѣ меня онѣ очи отвращалѣ?
Ахѣ Троя, ты упавѣ, любовь въ немѣ разрушила!
Я вижу, что и здѣсь безсмертныхъ гнѣвна сила
Не пресѣаетѣ Троянѣ остатки утѣснять,
И тошѣ ужѣ меня не хочѣтъ защищать,
Кѣ которому меня во брачныя чертоги
Поставила любовь, Пріамѣ и сами боги.
Что нынѣ предпріять они веляшѣ ему?
Соперникѣ Демофонтѣ сугубо по чему?
Или кѣ Филлидѣ онѣ любовію пылаешѣ?
Но чтожѣ сопернику отмстить онѣ не дерзаетѣ?

И

И что меня еще вручаетъ онъ богамъ,
 Когда покрышь отъ бѣдъ скорѣ можешь самъ,
 Когда они свой взоръ отъ Трои отвратили?
 Въ какой вы пагубѣ насъ, боги, погрузили!
 Мы равну съ Греками имѣемъ плоть и кровь:
 И ваша бытъ должна ко всѣмъ равна любовь,
 Но Грекамъ вы ошцы, Троянамъ вы Тиранны:
 Они вознесены, а мы лежимъ попранны!
 Однако естли такъ васъ огорчилъ Пріамъ,
 Что кровію воздать не могъ и Гекторъ вамъ;
 Но въ гнѣвъ вы своемъ хотѣли видѣть Трои
 Зажженну въ жертву вамъ прошивною рукою,
 И войско и народъ и стѣны истребить;
 То что ужъ можете васъ на яростъ побудить?
 Представляте прежнюю Пріамову державу,
 Героевъ и полки, величество и славу,
 Едъ нынѣ пепелъ, дымъ, развалины и прахъ
 И кости на пусыхъ рассыпаны поляхъ,
 Младенецъ лишь одинъ съ бесчасною сестрою
 Не можши въ бѣдѣности сыскать себѣ покою,
 Почти ужъ плѣненъ живеть въ краю чужомъ!
 Еще ли можете бросать на насъ свой громъ!

Д В Л Е Н І Е П Я Т О Е.

И Л І О Н А и Д Е М О Ф О Н Т Ъ.

И Л І О Н А.

Еще ли умножать идешь мои печали!

Д Е М О Ф О Н Т Ъ.

Еще судьбы меня, еще къ тебѣ послали,
 Которыя такой поставили предѣлъ,
 Чшобъ нѣжно сердце я всегда къ тебѣ имѣлъ.

Коль

Колю часто оскорбленъ къ тебѣ бышь зарекаюсь;
 Толь часто пресупнивъ за рокъ свой, возвращаюсь.
 Суровой твоей отвѣтъ скрѣпилъ вчера мнѣ грудь;
 Но нынѣ съ жалостью любовь открыла путь;
 Сильнѣе прежняго, вошедъ въ меня, пылаешь:
 Что жалость о тебѣ сугубо представляетъ.
 Оставленна ошъ всѣхъ, лишенная всего,
 Ужель послушаешь совѣту моего?
 Подвигнутъ ли тебѣ мой потоки слезны;
 Когда стenanія и вздохи бесполезны,
 Которы нынѣ ты пускала къ небесамъ,
 Являя жалкой видъ безчувственнымъ очамъ?
 Другой ужѣ красой, повѣрь, онѣ плѣнились,
 Ошъ нѣжностей твоихъ во вѣки затворились.

ИЛІОНА.

Невѣрной!

ДЕМОФОНТЪ.

И кому!

указывая на Иліону.

ИЛІОНА.

Подобенъ въ томъ тебѣ.

Филлидадь ошъ тебѣ сего ждала себѣ?

ДЕМОФОНТЪ.

Онѣ лакомству, а я любви поработился;
 Онѣ царствомъ, я шобой, дражайшая, плѣнился.
 Любви онѣ и своей невѣстѣ измѣня,
 Тебя освободилъ и оправдалъ меня.
 Филлидинъ будешь духъ, повѣрь, о семъ спокоенъ:
 Что благодарность лишь, не жаръ мой къ ней пристоешь.
 Сугубо я свой долгъ ей изъ Аѳинъ воздамъ:
 Тебѣ, дражайшая, я отдаюся самъ.

ИЛІОНА.

И Л І О Н А.

Какъ можешь требовать, чтобъ я тебя любила?
Судьба и страсть меня другому поручила.

ДЕМОФОНТЪ.

Преступнику!

И Л І О Н А.

Пускай хотябъ таковъ онъ былъ,
Или пускай бы насъ Пріамъ не обручилъ;
Но сносно ли бы мнѣ твое желанье было?
И мысль одна обѣ васъ мнѣ грозное спрашило!
Когда представившя въ моемъ мечтаньи Грекъ,
Кровавы вижу я потоки нашихъ рѣкъ,
Пылающъ домъ отцевъ; сестру влекущъ изъ храма
Рыдающе среди ругательства и срама.
Дѣвицъ Троянскихъ въ плѣнъ окованныхъ ведушъ,
По дѣтяхъ матери, терзая грудь, ревушъ;
Раздранны вижу я Гекторовы члены,
И страшно въ слухъ мой бьютъ валящіяся сѣны.
Подъ каменнымъ бугромъ несчастна спонешъ мать!
Возможно ли тебѣ любви моей желать?

ДЕМОФОНТЪ.

Я обидникъ, правда, былъ премѣны оной слезной,
Я сѣны раззорялъ отца своей любезной!
Но можешь ли твой гнѣвъ, Царевна, и въ сей часъ
Пылать противъ меня? еще ли не погасъ?
Не мною Гекторъ палъ, не мною Поликсена
Въ незлобивой крови угасла обогрелна.
Ахъ еслибъ я себя еще до брани зналъ,
Противу Грековъ я съ мечемъ бы симъ восталъ.
Отецъ меня послалъ со воинствомъ подъ Трою:
То много ли я шѣмъ виновенъ предъ тобою?

Я

Я дорого плачѹ потоки вашихъ слезъ,
 И больше зла шерплю; какъ Троѣ я нанесъ!
 Я въ жертву далъ себя грызущей нутрь печали,
 И больше самъ горю, какъ Пергамы (*) пылалъ.
 Ты мучишь; хоть себя всему я предпочолъ!
 Бывалъ ли я когда таковъ Троянамъ золь?
 Но естли не смягчитъ твой духъ мои мученья,
 Когда ты потребуешь еще себѣ ошмиченья;
 Могуль хотя тогда тебѣ я угодишь,
 Какъ Грекамъ и себѣ за васъ я буду мстишь?
 Мой духъ къ тому готовъ и жизнь моя готова;
 Я ж у лишъ отъ тебя, драгая, только слова.
 Со мною спанешь ты, и съ нами Полидоръ
 Съ богатствомъ на берегу въ тѣни Троянскихъ горъ.
 На слухъ со всѣхъ сторонъ Фрагійцы соберутся,
 И къ облакамъ верхи Троянскіе прострутся.
 Великость царствъ въ одной не состоитъ стѣнъ,
 Но въ полной жителями, обильной всѣмъ странъ.
 Воздвигли Трою тѣ сопренну Геркулесомъ,
 И нынѣ обновятъ погранну Ахиллесомъ.
 Отецъ твой возвратилъ ихъ силою весь вредъ
 Которой прешерпѣлъ несчастливой твой дѣдъ.
 По жребью получилъ я въ Троѣ ту корону,
 Чѣмъ твой отецъ вѣнчанъ по древнему закону.
 На Полидоровъ ту, на твой верхъ возложу,
 И сѣвующему народу покажу,
 Чшо паки живъ Пріамъ и обновляетъ Трою.
 Но какъ возведена на тронъ свой будешь мною,
 То можешь мнѣ себя такой надеждой льститьъ,
 Чшобы мнѣ у тебя и тамъ врагомъ не слышь?
 Я больше для тебя, драгая, предпринимаю,
 Ошеческу свою пренебрегая землю.

Тамъ

 (*) Старое имя города Трои.

Тамъ ждешъ меня своя порфира и вѣнецъ,
Тамъ ждешъ меня, крушась при старости овецъ.

И Л І О Н А.

Всѣ вымыслы твои и рѣчи бесполезны:
Оставь меня, не множь мой потоки слезны!
Кто можешъ снова намъ шѣ сшѣны соградишь,
Которыхъ не возногъ и Гекторъ защитить?
Ни царство ужъ меня ни слава не прельщаетъ,
Которыя въ ничто судьбина превращаетъ.
Въ любви моей не щоль велика есть цѣна,
Чтобъ часть твоя для ней была повреждена.

Д Е М О Ф О Н Т Ъ.

Слышь братомъ Гектору всей чести имя равно,
И въ тощъ же власть порокъ мнѣ съ Ахиллесомъ славно.
Оставилъ Грековъ онъ сестру твою любя:
Я то же сдѣлаю и больше для себя.
Ты удостой меня хошь взглядомъ, дорогая,
И посмотри, лице и очи примѣчая,
Возможно ли въ моей груди таишься лъсть?
И можноль мнѣ спрдавія снести?

Я В Л Е Н І Е Ш Е С Т О Е.

Д Е М О Ф О Н Т Ъ, И Л І О Н А и Ф и л л и д а.

И Л І О Н А.

къ Филлидѣ

Любезная моя Царевна, дай отраду.

Ф и л л и д а.

отступая назадъ

Я вамъ лишь наношу препятствіемъ досаду!

Часть II.

19

И Л І О Н А

удерживая Филлиду

Осшавлену опѣ всѣхъ, одна ты не оставь.

Д Е М О Ф О Н Т Ъ.

Къ чему злой рокъ привелъ

Ф И Л Л И Д А.

къ нему

Теперь себя оправь.

Однако поспѣшай и обновляй ты Трою;

Забудь, что вѣчной срамъ шуда поидетъ съ тобою.

Мои заслуги ты забудь и два вѣнца,

И вѣрность, и любовь, и совѣсть, и опца.

Но мнѣ чшобы о семъ и памяти лишиться,

Пойду несчастная, но гдѣ мнѣ будетъ, скрыться?

И Л І О Н А.

Я слѣдую тебѣ, погибну иль спасусь.

Д Е М О Ф О Н Т Ъ.

Дражайшая, пожди, позволь.

Я В Л Е Н І Е С Е Д Ъ М О Е.

Д Е М О Ф О Н Т Ъ, *одинъ.*

Какъ я мятусь!!

О коль свирѣныя въ моемъ бьютъ сердца вѣлны!

Прошивными спрасъми и грудь и мысли полны!

Я жалостью къ одной и нѣжностью плѣненъ,

Другой, заслугами и должностью врученъ,

Смощря на первую, пронаенъ позабываюсь.

Но на другу выглянувъ, я въ совѣсти терзаюсь.

Любовь, желанье, стыдъ, отчаянье, боянь.

Воюють внушрь меня: о коль велика казнь!

Пдѣ

Гдѣ мужество мое? Гдѣ крѣпость неизыбѣнна?
 Лежишъ отъ слабостей моихъ преодоленна!
 О какъ ты развращенъ, несчастной Демофонтъ!
 Ахъ лучше бы тебя покрылъ волнами Понтъ!
 Несчастье бы къ одной тебя не обязало,
 И сердце бы къ другой безъ пользы не пылало.
 Что дѣлать ужъ теперь? И кто мнѣ дастъ совѣтъ?

ЯВЛЕНІЕ ОСЬМОЕ.

ДЕМОФОНТЪ и ДРАМЕТЪ.

ДЕМОФОНТЪ.

Скрѣпи, скрѣпи мой духъ, возлюбленный Драметъ!

ДРАМЕТЪ.

Доколѣ, Государь, ты будешь колебаться?
 Доколѣ будешь въ плѣнѣ спрашивать здѣсь ошдаваешься?
 Тогда какъ Греція того всечасно ждетъ,
 Уже ль Пріамова наслѣдства больше нѣтъ?
 И вѣстры щастію ея споспѣшествовали,
 Когда къ симъ берегамъ твой флотъ они пригнали.
 И случай повелѣлъ и Полинесшоръ самъ,
 Чшобы Пріамовъ сынъ былъ ошданъ въ руки намъ.
 Хотя еще онъ малъ, но Грековъ устрашаетъ:
 Что къ нашей нагубѣ въ немъ Гекшоръ возрастаетъ.
 Представь, когда на нашъ онъ устремлялся флотъ,
 Съ мечемъ и съ пламенемъ шумящимъ поверхъ водъ.
 Коль многіе онъ слезъ и крови пролилъ шоки;
 И раны наложилъ, коль Греціи глубоки!
 Коль много славныхъ онъ опустошилъ домовъ!
 Коль много шамъ сиротъ, коль много плачешь вдовъ!

Всѣ Гречески Цари съ ошцемъ твоимъ согласно
 Тобою отвратишь желаятъ зло ужасно,
 Чѣмъ стѣиъ Пріамовъ сынъ, какъ онъ, не обновилъ,
 Ихъ дѣтямъ и тебѣ потомъ бы не опѣшилъ.
 Но страсть твоя гасишь тѣ искры возбраняешь,
 Омъ коихъ съ прочими и твой градъ воспыхаетъ.
 Себѣ и обществу страсть вредну истребляй;
 Коль долго случай есть, опечество спасай.

ДЕМОФОНТЪ.

Оставило оно при опарости Тезея,
 И защищать его не хочетъ отъ Мнесфея;
 То должно индѣ мнѣ прибѣжища искашь,
 И вмѣсто помощи за то ему опидашь.

ДРАМЕТЪ.

Послушай, Государь, рѣчей моихъ спокойно;
 Природѣ ли твоей начашъ сіе пристойно?
 Какъ можешь омъ чужихъ шого желашъ Тезей;
 Чего напрасно ждешъ омъ крови онъ своей?
 Тебѣ опца спасти всего достоинъ прежде,
 И многихъ съ нимъ Царей не обмануть въ надеждѣ;
 Которые себя за вѣрность наградытъ;
 Когдажъ преслушаетъ: подумай, какъ опмсиашъ!
 Толь много царствъ покрышь всѣ способы имѣешь.
 Филлида въ цушь съ шобой спѣшишь, что пы косиѣешь?

ДЕМОФОНТЪ.

Я выше бы всего Филлиду почиталъ,
 Какъ Иліоны бѣ я на свѣшъ не видалъ!

ДРАМЕТЪ.

Ты долженъ предпочесть благодѣянье страсти,
 Послушать Греціи, опца покрыть въ напасши,
 И ози отвратишь и запрети свой слухъ
 Омъ всѣхъ мечтаній тѣхъ что твой смущая духъ,

Пре-

Трепещущуютъ скончатъ страхъ общій съ Поддѣромъ.
 Дерзай и не мятись себѣ пріятнымъ взоромъ,
 И промыслъ для того тебѣ сей случай далъ,
 Чтوبъ сердце мужеско шеперь ты показалъ.
 Предъ всѣми Греками я буду въ томъ свидѣтель,
 Коль сильну спростъ въ тебѣ поправа добродѣтель.

ДЕМОФОНТЪ.

Я знаю что вездѣ похвально то, Драметъ,
 Когда кто слабости уму подъ власть даетъ.
 Мнѣ сойтись и отецъ, Филлида и всѣ Греки
 Велятъ, чтобы забылъ Троянку я во вѣки.
 Но честь въ одну страну, въ другу любовь влечетъ!

ДРАМЕТЪ.

Тамъ правда къ торжеству, здѣсь прелесть въ ровъ ведетъ.

ДЕМОФОНТЪ.

Я вижу лучше, и видя похваляю;
 Но худшему во слѣдъ, о небо, поспѣшаю!
 Возникни слабый духъ во мнѣ и ободрись,
 Войди ты самъ въ себя, внимай, и осмотришь.
 Гдѣ дочь Пріамова нещасную грудь пронзила
 О чудна слабостей надъ крѣпкимъ сердцемъ сила!
 Какимъ путемъ, Драметъ, я въ сѣть сию вошелъ!
 Какъ Иліону я впервые усмотрѣлъ,
 Представилъ во умъ поверженную Троию!
 И видя малые остатки предъ собою,
 Подумалъ, какъ ее внутрь люта скорбь грызетъ,
 Что нѣтъ ужъ отца, ни храбрыхъ братьевъ нѣтъ!
 Печальна красота нещаснымъ множилась,
 И въ жалкомъ видѣ мнѣ прекраснѣе казалась.
 Тутъ склонность жалости, и склонности любовь
 Пѣсѣдовали внутрь, и вкрадась мнѣ въ кровь,
 Объемлетъ чувства всѣ

ДРА-

ДРАМЕТЪ.

Искореняя мысль злую,

И первой пицись любви поработишь другую,

ДЕМОФОНТЪ.

Я благодарность шамъ любовью называлъ,

Какъ здѣсь саму любовь за жалость почиталъ,

Со обоихъ сторонъ понятіемъ неяснымъ

Покрывъ, иду путемъ со мною несогласнымъ.

Я чувствую въ себѣ ихъ силу обоихъ,

Объимъ слѣдую, и ни одной изъ нихъ!

ДРАМЕТЪ.

Какой нибудь къ тому ты приведенъ причиной;

Но сердце оставляй Филлидѣ ужъ единой,

И слово данное и вѣрность къ ней держи,

ДЕМОФОНТЪ.

Но какъ я то начну? любезной другъ, скажи,

Прогниѣванной ужъ предъ очи какъ предстану,

Глубоку отъ другой имѣя въ сердцѣ рану?

ДРАМЕТЪ.

Лишь только ты теперь себя преодолѣй,

Любовь ея къ тебѣ возобновится въ ней,

Сильнѣе прежняго отъ слезъ твоихъ вспыхнетъ.

ДЕМОФОНТЪ.

Надежда чрезъ тебя ужъ духъ мой ободряешь;

Я нынѣ овладѣлъ толь сильными страстями.

Повѣрь мнѣ, и мое сомнѣнье опними;

Крѣпи въ намѣреніи, хвали мою побѣду,

Не дай съ похвальнаго мнѣ соврашиться слѣду.

О вѣрность искренняя! ты слабость истребя,

Дай силу мнѣ склонить Филлиду и себя,

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙ-

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ФИЛЛИДА и ПОЛИМНЕСТОРЪ.

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Царевна, совершивъ я. должныхъ жертвъ обряды,
Искалъ послѣ трудовъ желанныя оспрады.
Сраженья частыя, далекіе пуши,
Труды, что для тебя одной я могъ снести,
Велятъ отдашься мнѣ любезному покою;
Но усмотрѣвъ тебя печальну предъ собою,
Къ спокойствію себя принудить не возмогъ,
И утѣша тебя посѣдывалъ въ чертогъ.
Какіи прошивности тебя поколебали?
Я смѣю ли податъ совѣтъ тебѣ въ печали?
Я смѣюль угадашь; кто могъ твой духъ смянуть,
И угадавъ, тебя отъ скорби свободить?

ФИЛЛИДА.

Не наводи, ахъ, Князь! на мысль мнѣ большей ночи?
И такъ уже сныдомъ мой покрылись очи;
Оставь на единѣ безщастную вздыхать.

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Тебя ли я могу терзаніямъ отдать?
И долгъ меня къ тому и ревность понуждаетъ,
И младость и краса твоя повелѣваетъ;
Чтобы отъ тщетныхъ мукъ теперь тебя спасти,
Отъ страсти свободить и въ чувство привести.

Ахъ!!

Ахъ! что прельщаешься чужею ты страной?
 Или общество ужъ гнусно предъ тобою?
 Или шакого въ немъ уже Героя нѣтъ,
 Съ кѣмъ въ бракъ тебѣ вступишь не предосудитъ сътъ,
 Ктобъ равенъ Греку былъ достоинствъ всѣхъ хвалою?
 Я сердце знаю здѣсь лишенное покою,
 Въ которомъ вѣрная сугубо кровь кипитъ,
 И въ очи жъ въ уста жаръ внутренній стремитъ;
 Не зная, будешь ли тобой оно щасливо,
 Мученія въ лицѣ изображаешь живо.

ФИЛЛИДА.

Не вѣрь, ахъ! Князь, словамъ, и взглядамъ ты не вѣрь,
 По виду внѣшнему чувствъ внутреннихъ не вѣрь.
 Чужаго сердца знашь движеній не возможно!

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Оно въ груди моей, я знаю то не ложно!

ФИЛЛИДА.

Что слышу я еще! ты очи, Князь открой,
 И посмотри, что здѣсь Филлида предъ тобой.
 Теперь ты вмѣсто мнѣ желанныя оспрады,
 Не умножай еще несносныя досады.
 Меня, какъ дочь любишь принадлежишь тебѣ;
 Иного пламени не воспаляй въ себѣ.
 Не чувствуешь въ своемъ ты сердцѣ Иліоны?
 Гдѣ права ссущества, гдѣ божески законы?

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Когда безсмертные повергли ужъ Троянъ,
 Когда Пріамъ, Парисъ, и Гекторъ ихъ погнанъ,
 И острый мечъ пресѣкъ молодой вѣкъ Поликсены;
 Въ крови и пепелѣ дымящая падши сѣны;

Когда

Когда они весь родъ искоренить хотѣшъ:
 Бокъ, что и меня съ нимъ купно поразяшъ.
 Безумно грудь свою поставишь противъ грому,
 И на боговъ возстаешь.

Ф И Л Л И Д А.

О какъ ты дѣлу злому
 Дашъ хочешь видѣ добра, и спрасишь свою закрышь!
 Престань передо мной и мыслию грѣшить.

П О Л И М Н Е С Т О Р Ъ.

Или ужъ грѣхъ любить лице мнѣ столь прекрасно?
 Или, дражайшая, трудился я напрасно,
 Когда я собственны забавы презиралъ,
 И день и ночь о томъ лишь только помышлялъ,
 Дабы распространить еще швою державу,
 И царски воспишавъ, швою умножить славу?
 Прѣяшностями, что иной покрыши разцвѣли,
 Кромѣ меня владѣть кпо долженъ на землѣ?
 Я нѣжилъ ихъ восходѣ, и зрѣлости ждалъ жадно;
 То плодъ ихъ потерявъ мученье безотрадно!
 Кто лучше моего здѣсь знаетъ силу правъ,
 Обычай подданныхъ, и швой, Царевна, нравъ?
 И кпо, какъ я, въ уздѣ удержишъ ихъ свободу,
 И склонношямъ швоимъ отдастъ себя въ угоду?
 Ахъ вспомни, что Ликуртъ по смерти говорилъ!

Ф И Л Л И Д А.

Хотя владѣніе тебѣ онъ поручилъ;
 Однако сердце онъ въ моей оставилъ власти.
 Не могушъ повелѣть Цари любовной страсти.

П О Л И М Н Е С Т О Р Ъ.

Такъ буду я крушась въ чужихъ рукахъ смогрѣшь
 На шую, что веляшъ и боги мнѣ имѣшь?

Я щасливъ былъ здѣсь, когда бы я волнами
 Предъ сими изъ моря поверженъ былъ ногами.
 Я сердцемъ бы швоимъ, Царевна, ужъ владѣлъ;
 И что при томъ? другой любви искать бы смѣлъ!
 Ахъ сжался, погляди на опческіе бреги
 Исполненны вездѣ пріятности и нѣги!
 Или они тебя не могушъ побудить,
 Чѣобы ты пришлеца старалась позабыть?
 И рѣки, и поля, и горы воздыхаюшъ,
 И видомъ жалостнымъ тебя увѣщаваюшъ:
 Филлида не лиши швоей насъ красоты!
 Тоголь не чувствуешь? тоголь не слышишь ты?

ФИЛЛИДА.

Престанъ шакими, Князь, шерзашъ меня словами;
 И дай мнѣ умягчить тѣску свою слезами.

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Я жалостью швоей смущаясь, опхожу,
 Но ты сама себя суди одна, прошу.
 Невѣрности опмистишь ты полную власть имѣя,
 Какъ можешь предпочесть защитнику злодѣя,
 Пришельца своему, и Демофонша мнѣ,
 Кроваву Грецію любезной той странѣ,
 Гдѣ шронъ швой, гдѣ на свѣшъ впервые ты воззрѣла?

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ФИЛЛИДА *одна.*

Нигдѣ не слыхано шоль злобшвеннаго дѣла!
 Невѣрность кругъ меня, шая свой лютой ядъ,
 Являетъ ласковой и полной желчи взглядъ.
 Присягу преступивъ одинъ подлогъ скрываетъ,
 Другой не такъ меня какъ скипетра желаетъ.

Чѣшо

Что нынѣ я начну, куда я обращаюсь?
 Или отъ льстиваго къ невѣрному склонюсь?
 Филлида укрѣпись и бурямъ стань противу,
 Закрой отъ нихъ глаза, оставь надежду живу!
 Предписаннаго жди мученіямъ конца,
 Неблагодарнаго забудь, забудь льстеца.
 Но позабышь его чѣмъ больше я желаю,
 Тѣмъ больше въ мысль беру, и тверже вкореняю!
 Никакъ любовь тебѣ, никакъ не измѣняю!
 Но что мнѣ въ томъ, когда его не преклоню?
 Такъ стану преклоняшь преступника мольбою?
 Такъ буду, Демофонъ, я плакать предъ тобою?
 Какъ слезны станешь ты пошoki презирашь?
 Но я, лишь обратишь, готова все начать!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ФИЛЛИДА и КРЕУЗА.

КРЕУЗА.

Царевна! по твоей исполнила я волѣ.
 Теперь ужъ ничего не остается болѣ,
 Какъ только чинобы твоей послѣдней былъ приказъ,
 По коему сгорить флотъ Греческій тотъ часъ.
 Зарыты на судахъ лѣсистыми горами
 Стояшь рабы твои съ готовыми сирѣлами,
 Чтобъ пламень оными на корабли пустишь,
 И Демофонъ пушъ въ Аѣны прекратишь.

ФИЛЛИДА.

Пускай и самъ огнемъ скончается невѣрной!

КРЕУЗА.

Ты злобой на него вооружась безмѣрной.

20 *

Царевна,

Царевна, мѣрности при вщеніи держись,
И безошраднаго раскаянья блюдись !

ФИЛЛИДА.

Ты зная отъ него меня теперь презрѣну,
Что мстишь препяшшвуешь за мерзкую измѣну?
Мой плѣнной духъ и такъ склоняется къ нему,
Противился себѣ, противился уму,
И злобу нѣжная любовь одолѣваетъ,
То что ей швой совѣшъ, Креуза, помѣгаетъ?
Что гнѣвъ мой прекратить швой хочешь разговоръ?
Нездобія во мнѣ не кажешь ли мой взоръ?

КРЕУЗА.

Ахъ, вспомни, какъ моимъ совѣшомъ ты гнушалась:
Но нынѣ я швоей печалью оправдалась;
Тогда было тебѣ не слушать льстивыхъ словъ.

ФИЛЛИДА.

И здоровой умъ на все не можешь быть готовъ.
А поступать въ любви, Креуза, осторожно,
И мысль знать по рѣчамъ, повѣрь, что не возможно.
Тамъ кажешь ни въ чемъ худыхъ не будетъ слѣдствъ.
Ни въ чемъ не видно тамъ необходимыхъ бѣдствъ:
Опасность кажешь сама въ ней безопасна,
И очевидная ужасность не ужасна.
За стрѣсью я своей не видѣла умомъ,
Что Демофоншоеъ домъ на берегу чужомъ.
И сладость, что шекла прелестными устами,
Не жаромъ рождена, но хладными волнами!
Я думала тогда, что мнѣ онъ только льститъ?

КРЕУЗА.

Минуша жаръ загла, минуша погаситъ.

Любовь

Любовь съ надеждою живетъ, и умираетъ,
Отвѣздъ его любовь и скорбь твою скончаешь.

Ф И Л Л И Д А .

Такъ отпущу его, Креуза, не опмѣшивъ?
Такъ насмѣваясь онъ, ошселя уѣдетъ живъ?
Но мнѣ ли требовашъ отъ Демофонша мести?
Пусть жизни я лишусь! но жаль лишиться чести!
Казнишь его спѣшу; но имъ еще полна:
Хоша отчаялась, еще ему вѣрна!

К Р Е У З А .

Исполненной тебѣ прѣшняго шоль яда
Противны способы, прошигна вся отрада.
Когда болящему сама болѣзнь любя,
То сила всѣхъ лѣкарствъ бездѣльна и слаба.

Ф И Л Л И Д А .

Филлида, умирай; но возвращивши славу,
Опмѣши, и презирай любовь, живость, державу.

Я В Л Е Н І Е Ч Е Т В Е Р Т О Е .

ДЕМОФОНТЪ, ФИЛЛИДА, КРЕУЗА и ДРАМЕТЪ.

Д Е М О Ф О Н Т Ъ .

Исполни праведно опмѣненіе на мнѣ,
Я оправдашь себя не щдусь въ своей винѣ.

Ф И Л Л И Д А .

Креуза, что теперь? куда себя укрою?
Продерзостной предсталъ еще передо мною!

Д Е М О Ф О Н Т Ъ .

Вздыханіямъ моимъ, ахъ, небо, помоги!

Ф И Л Л И Д А .

Преступникъ, удались, ошъ глазъ моихъ бѣги.

ДЕМО-

ДЕМОФОНТЪ

Позволь, позволь сказать хоща едино слово:
 Я казни лишь прошу, и ничего другого.
 Еще ли чаешь ты въ коварности успѣшь?
 Еще ли хочешь скрыть своихъ обмановъ съшь?
 Д вольно ужъ, что ны за всѣ мои прїязни,
 Свидѣтелей боговъ не убоявшись казни,
 Шесшь мѣсяцовъ ко мнѣ горячность притворялъ,
 Кошорой въ сердца ты ошкюдъ не ощущалъ.
 Ты клялся бурями, войною, глубиною,
 Что можешь лишь воздашь мнѣ за прїязнь собою.
 На шоль старалась я о корабляхъ твоихъ,
 Чтобы похитишь чesнь и жизнь мою чрезъ нихъ!
 Богъ моря, богъ войны, богъ вѣтра, богъ любви,
 Какъ станушъ мстишь, на мeшь твоей не станешъ кровцъ.

ДЕМОФОНТЪ.

Когда уже въ моихъ словахъ нѣтъ столько силъ,
 Дабы увѣришь въ томъ, что я тебя любилъ,
 Что я не вольно впалъ въ такое пресшупленье,
 Что лютое терплю раскаявши въ мученье,
 Что дѣломъ я своимъ гнушаюсь и собой;
 То будетъ въ томъ мнѣ смерть свидѣтель предъ тобой.
 Когда я не могу увѣришь въ томъ слезами,
 Увѣрься же теперь кровавыми сшруями.

хотѣтъ заколотся

ФИЛЛИДА.

хватая за руку и съ нею проте держатъ.
 Ахъ дерзкой!

ДРАМЕТЪ.

Для боговъ!

—ОН

ДЕМО-

ДЕМОФОНТЪ.

къ Филлидѣ

Ты хочешь чшобъ я жилъ,
Когда ужъ я шебъ, и самъ себъ постылъ?

ФИЛЛИДА.

Ты хочешь смершю меня увѣришь злою,
Чшо предъ шбой гнусна и жизнь швоя со мною?
Ты хочешь для шого со свѣша убѣжашъ,
Чшобъ въ жизнь несносныя Филлиды не выдашь?

ДЕМОФОНТЪ.

Чшобъ жизни дашь конецъ безславной шоль и слезной,
Чшобъ шягосшну не бышь и нѣбу и любезной.

Д Р А М Е Т Ъ.

Вкладываетъ Демофонтъ шлагъ.

Не будь, ахъ Государь, себъ и намъ жестокъ:
Живи и вѣрностью загладишь шщись порокъ.

КРЕУЗА.

Вы вспомните залогъ любовнаго соказа!

ФИЛЛИДА.

Ахъ шо ли, шо ли въ немъ любовь ко мнѣ, Креуза,
Чшобы въ глазахъ моихъ другъ къ себъ склоняшъ?

ДЕМОФОНТЪ.

За шѣмъ ли не даешь живощъ свой мнѣ скончашъ,
Чшобъ слышалъ я свой срамъ, которой горше смерши?
Дай мнѣ безславіе невѣрной кровью смерши!

Олягъ хватается за шлагъ, но они недолускаютъ вынуть.

ФИЛЛИДА.

Свирѣпой, чаешь ты, я мало слезъ лила?
И мало для себя я претерпѣла зла?

ДЕМОФОНТЪ.

Причину золъ швоихъ искоренишь желяю:
Чшожъ воли ошъ себя на шо не получаю?

Позволь

Позволь мнѣ умереть; или прости вину,
 Съ которой жизнь свою раскаявшись клену!
 Когдабъ я могъ сказать, твой гнѣвъ не умножая,
 Какъ въ мрачной ровъ ввела меня судьбина злая,
 Какая внутрь меня была тогда борьба:
 Тобѣ ты увѣрилась, ахъ! коль ты мнѣ любя!

ФИЛЛИДА.

Ты любишь! и бѣжашъ готовъ отсель всечасно!
 Любишь и прочъ бѣжашъ, какъ можетъ быть согласно?
 Чшо толь несносное примѣшилъ ты во мнѣ?
 Въ какой я, покажи, обличена винѣ?
 Я шѣмъ ли предъ тобой, я шѣмъ ли погрѣшила,
 Чшо не крушивъ себя, любовь свою открыла?

ДЕМОФОНТЪ.

Чѣмъ ты безвиниѣ, драгая предо мной,
 Тѣмъ больше множишся порокъ мой предъ тобой;
 Но ты мнѣ отпусти толь тяжко погрѣшенье,
 И щедрой прослави на свѣтѣ чрезъ прощенье.

на колѣна становится

ФИЛЛИДА.

Ахъ, чшо желаешь ты еще меня крушить,
 Съ надеждою во мнѣ и муку обновить?
 Непостоянствомъ какъ, о какъ твоимъ терзаюсь!
 Прошедшимъ мучусь я и будущимъ смущаюсь!
 Иль волею въ другой обманъ себя ошдамъ?

на сторону

Но смерть мнѣ не простишь, простишь мнѣ вѣчной срамъ.

ДЕМОФОНТЪ.

Прости!

ДРАМАТЪ.

Дражайшія сердца соединитесь,
 И нѣжныя любви законамъ покоритесь.

КРЕУЗА

къ Филлидѣ

На жалость преклонись.

ФИЛЛИДА.

О какъ мой духъ смущенъ!

ДЕМОФОНТЪ.

Увѣрь, дражайшая, увѣрь, что я прощенъ.

ФИЛЛИДА.

На что меня твои вопросы принуждаютъ?

Не ясныль слабости мой тебѣ являють,

Опчаянье и скорбь, и слабая гроза

Смущенныя слова и полны слезъ глаза!

поднимаетъ

Свирѣпой, шоржествуй: ужё я признаваюсь,

Что щедно въ спраси я передъ тобой скрываюсь.

Еще тебя люблю, хошя ты измѣнилъ.

Ахъ чтобъ я сдѣлала, когдабъ ты вѣренъ былъ!

Хоть вѣрности твоей едва я ожидаю;

Но радость всю въ тебѣ и щастье полагаю.

Въ державѣ я своей прѣмлю твой законъ,

Вручаю сердце, жизнь, ошечество и шронъ!

ДЕМОФОНТЪ.

Хотя о шаковомъ прощеньѣ сомнѣваюсь,

Что въ несказанномъ я порокъ признаваюсь;

Но страхъ ошѣмлетъ мнѣ возлюбленный твой видъ,

Залога склонности твоей просишь велишь.

Позволь, дражайшая, принятьъ свою мнѣ руку,

И во все истреби мою сердечну вѣку.

принявъ руку цѣлуетъ

Коль долго я сея держуся на землѣ,

Толь долго, небо, мнѣ бышь щастливу вели!

Уходитъ II.

Я принялъ чрезъ нее спасенье отъ пучины,
 Ее я лобызалъ, избавясь отъ кончины.
 Я ею первой знакъ любви получилъ.
 Кому несчастной ахъ! кому я измѣнилъ?
 Ты всѣ противности мои позабывая,
 Преступнику даешь прощеніе, драгая!
 Безсмертные, когда оставляю я ее,
 Мое исторгните отъ свѣта бытіе.
 Пусть Понтъ пожретъ меня свирѣпыми волнами,
 Когда желанный брегъ ужъ будешь предъ глазами;
 Пусть буду на пустомъ песку не погребенъ,
 Отъ птицъ и отъ звѣрей на части расхищенъ!

Д Р А М Е Т Ъ.

Любови обновивъ союзъ неопѣненный,
 Ужъ время поспѣшашъ вамъ въ путь опредѣленный.

Ф И Л Л И Д А.

Отъ Полимнесшора какъ можемъ утаить?

Д Е М О Ф О Н Т Ъ.

Любовь моя, любовь все можетъ побѣдить!

Конецъ третьему дѣйствію.

дѣи.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ПОЛИМНЕСТОРЪ и ИЛІОНА.

ИЛІОНА.

Какое щастіе тебя ко мнѣ ведетъ,
Отъ коего мой духъ еще отрады ждетъ!

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Я зѣсь искалъ тебя.

ИЛІОНА.

Ужель сшенаній сила

Тебя къ несчастливой на жалость преклонила?

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Я видя, что тебя сомнѣнія мяшутъ,
Что мысли разныя себѣ предѣла ждуть:
Пресѣчь и рушить ихъ, Царевна, поспѣшаю
Тебѣ то будетъ все пріятно, уповаю.

ИЛІОНА.

О небо, возсіяй въ мою затмѣнну грудь,
И сердцу томному дай нынѣ отдохнуть!

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Я не пришолъ къ тебѣ, чтобъ льстивые обманъ
И сладкой ядъ влагать для большей скорби въ раны
Но искренность моя не можетъ упайшь
Того, что боги мнѣ велѣли совершить;
Я вѣрность обѣщалъ хранишь тебѣ неложно,
И сохранялъ всегда, коль долго было можно.

Когда бы я къ тебѣ любви не имѣлъ,
 Когдабъ сердечной жѣръ и нынѣ не кипѣлъ:
 То могъ бы я сказать, что клялся я заочно,
 И клятву преступить мнѣ можно безпорочно,
 Сказалъ бы, что не зная я своего лица,
 Не красоту твою, но представляя отца,
 Богатство представляя и въ славной силѣ Трои,
 И все что было въ ней я называлъ тобою.
 Но я довольствуясь достоинствомъ твоимъ,
 Гнушаюсь, помня честь, подлогомъ таковымъ.
 И жалость и любовь къ тебѣ меня терзаетъ,
 И гнѣвной мнѣ отвѣтъ отъ олшаря смущаетъ!
 Ахъ, если бы и то подобной былъ подлогъ,
 Ахъ, еслибъ я и то почестъ въ неправду могъ,
 О! еслибъ преступить возмогъ я безъ боязни,
 Ни мнѣ ниже тебѣ не ожидая казни,
 Что далъ отъ олшаря мнѣ строгой Марсъ въ отвѣтъ!

ИЛІОНА.

Къ надеждѣ ли меня или къ пагубѣ влечетъ?

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Съ одной страны тебѣ надежду обѣщаетъ,
 Съ другой страны мое желанье пресѣкаетъ.
 Черезъ Грековъ небеса повергнули Троянъ,
 Черезъ Грековъ же хотятъ и исцѣлить отъ ранъ;
 Ихъ сѣны обновить Героя посылаютъ,
 И красоты твоей меня они лишаютъ;
 Велятъ, которую я воспиталъ, любить;
 Тебя, дражайшая, ихъ волю поручить.
 Ихъ волю и тому, кто воспаленъ тобою,
 Лежащу обѣщалъ тебѣ возсавить Трои.

ИЛІОНА.

ИЛІОНА.

Возмождошь, чтобы тѣжѣ насѣ боги сочетаешь
 Хошѣли, и шомѣ часѣ невинно разлучаешь?
 И можешь волѣ ихѣ не медля согласишься,
 Какѣ ежели она противѣ твоей, стремишься?
 Не смѣешь противѣ ней ты слова испустишь?
 Ахѣ, тѣмѣ ли хочешь ты невѣрность утаишь?
 Вошше ко храму ложѣ прибѣжище имѣешь;
 Сквозѣ святоши покровѣ коварства ядѣ чернѣешь.
 Ты видомѣ лишѣ однимѣ послѣдуешь богамѣ,
 Но дѣломѣ восстаешь противу оныхѣ самѣ.
 Ты хочешь скинѣебѣ чужой опиять, не устрашаясь;
 Но съ шрономѣ упадешь, не право возвышаешься.
 Пускай что можешь ты въ продерзости успѣешь,
 И младость нѣжную тиранствомѣ одолѣешь,
 Какую чаешь въ томѣ себѣ имѣешь забаву?
 Какую можешь тѣмѣ снискаешь на свѣтѣ славу?
 Ты ненавистію отовсюду окруженѣ,
 И лютыми смертями по всякѣ часѣ устрашенѣ,
 Омѣ той самой спрашась, душою возмущаешься,
 Для коей преступишь присягу не боишься.
 Но правда чистая всегда предѣ тѣмѣ скверна,
 Въ комѣ злосшь проклятая живетѣ вкоренена.
 Когда бы ты еще имѣлѣ любви хоть мало,
 И сердце бы ко мнѣ хотѣло легко пылало;
 То могѣ либѣ ты снести, чтобы кровавой Грекѣ
 Омѣ взору твоего въ подробѣ меня повлекѣ;
 Дабы тамѣ въ шоржестѣ онѣ могѣ меня представивѣ,
 И сопоставѣ себя въ опечестѣ прославивѣ;
 Дабы съ презрѣніемѣ народѣ увидѣлѣ тамѣ,
 Кошору поручилѣ тебѣ въ чертогѣ Пріамѣ.

Не

Не лучше ли сказать, что нынѣ Иліона
 Не блещетъ славою отеческаго прона,
 Что нынѣ не льститъ вѣнецъ и не смущаетъ страхъ,
 Что въ Греческихъ грѣблѣхъ онъ Гектора полкахъ?
 Ты чаешь, что онъ мертвъ? онъ живъ, уже всаиваетъ:
 Земля предъ нимъ, врага, страшнувшись, отверзаетъ!
 О Гекторъ! поспѣшай, и за сестру отмсти,
 И брата своего въ младенствѣ защити!
 Оружіемъ звучитъ, огнемъ вооруженъ!
 А ты, предашель мой, еще не уstraшенъ?
 Мечемъ ужъ надъ швоей онъ головой сверкаетъ.
 Коль темна ночь глаза и духъ мой помрачаетъ!

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Ахъ, истиненъ швой гнѣвъ! я лютой швой ширанъ!
 Но волей ли моей союзъ любви пошранъ?
 Столь много рѣчь швоя меня не укоряетъ,
 Какъ совѣсть внутрь грызетъ, меня и обличаетъ!
 Я строгий бы готовъ, противившся судьбѣ,
 И въ жертву принеси себя одной тебѣ;
 Но вижу, что тебя спасти лишь начинаю,
 Я больше шѣмъ тебя безшастну погубляю.

ИЛІОНА.

О жалость звѣрская, жалѣшь и убиваешь!
 Незлобѣ мое ты можешь презирать?
 Я въ самой часъ, когда ты люшими ушадитъ
 Священный рвещъ союзъ, положенный межъ нами.
 На ненависть себя принудить не могу.
 И нудясь, на свое тебѣ я сердце лгу.
 Но больше не хочу стараться быть любезна.
 Уже моя къ тебѣ надежда бесполезна!

Блистаетъ съ красошой Филлидиной вѣнецъ,
 Мнѣ слёзы лишь одинъ оставилъ мой онецъ!
 Безчеловѣчной, что ты очи отвращаешь?
 Ты щещными со мной минуты всѣ считаешь.
 Уже ты не меня, но и себя забылъ:
 Твои всѣ мысли съ шой, кошорой ты послылъ.
 Съ ней серацемъ говоришь, ей слѣдуешь глазами:
 Я больше скучными не удержу словами.
 Поди, и ей кленись, какъ прежде клялся мнѣ,
 Свидѣтели всему на небесахъ одинъ.
 Я знаю, что они того не позабыли,
 Каковъ они союзъ межъ нами ушвердили.
 Ты чистой жаръ ко мнѣ безсуднымъ погаси,
 И сердце предъ олшаръ преступно понеси.

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Я съ онымъ приступишь къ богамъ не обвинюсь,
 Когда ошвѣшу ихъ и волѣ повинуюсь.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ИЛІОНА *одна.*

Чего не можетъ злоссть проклята предпріяшь?
 Велишь, забывъ вражду, за Грека посягаешь!
 Велишь мнѣ позабыть отечества паденье,
 И братьей и сестры несносное мученье.
 Какъ Гекторъ былъ попрачъ, лишенъ по смерти гроба,
 Какъ матери моей растерзанна утроба,
 Пронзенный какъ Пріамъ предъ олшаремъ лежалъ,
 Въ сыновней и въ своей крови животъ скончалъ!
 Какъ мнѣ не представлять шу ночь безчеловѣчну,
 Что день Троянский въ ночь перемѣнила вѣчну?

И

И лютыхъ хищниковъ шоржесствовавшихъ крикъ;
 Которой мнѣ и здѣсь наноситъ страхъ великъ.
 Какъ Греки нашихъ стѣнъ освѣщены пожаромъ
 На пагубу Троянъ спѣшили въ буйствѣ яромъ;
 Чрезъ сродниковъ моихъ спѣрились тѣла,
 Изъ коихъ по землѣ густая кровь текла.
 Въ такой ли отпустилъ чертогъ мѣня родителе?
 Такой готовишь бракъ, о лютой, мнѣ, мучишь!
 Однако тѣмъ своихъ очей не насладишь;
 Ты въ ровъ влечешь меня, но самъ надъ нимъ стоишь.
 Пронжу мечемъ, когда любовь не уязвила?
 Но мести слабыя мнѣ недовольна сила.
 Онъ долженъ пагубу увидѣвъ возсенашь,
 Вошше раскаявшись, безъ пользы духъ отдашь:
 И мечь моя ничто, когда онъ не узнаетъ,
 Что мѣку отъ моей руки претерпѣваетъ.
 Ужъ время; что стою? но что хочу начать?
 Я бытъ гнушаюсь здѣсь, и прочь не щусь бѣжать.
 Еще смущеннымъ я умою того не вижу,
 Люблю ли я его или я ненавижу!
 Съ какимъ презрѣнiемъ оставилъ онъ меня!
 Пустилъ ли каплю слезъ, вздохнулъ ли отходя?
 Но въ слабомъ сердцѣ семъ еще онъ пребываетъ,
 Въ отчаяннѣ еще надежда мнѣ сѣетъ.
 Но въ чемъ надежду я еще имѣть могу:
 Онъ въ сердце вкоренилъ во вѣкъ уже другъ!
 Одна надежда мнѣ, надежды всей лишиться:
 И съ братомъ въ тѣхъ мѣстахъ несчастливымъ укрыться.
 Укроюсь? и своихъ не наслажду очей,
 Какъ будетъ жизнью гнушаться онъ своей?
 Когда безвиннаго онъ вѣсто Полидора
 Сыновняго прельщенъ во вѣкъ лишись взора,

И

Какъ

Какъ въ Греческихъ рукахъ заплачетъ Деифилъ,
Котораго отецъ на муку имъ вручилъ?

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ИЛІОНА и МЕМНОНЪ.

МЕМНОНЪ.

Ты жалобы оставь, Царевна, бесполезны;
Помогутъ ли тебѣ теперь потоки слезны?
Троянскіе спасать остатки поспѣшай,
И брата отъ руки прошивнйчей скрывай.

ИЛІОНА.

Когда ужѣ и здѣсь мы не нашли защиты;
То кѣмъ несчастные мы можемъ быть покрыты?

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

МЕМНОНЪ. *одино,*

Какъ въ свѣтѣ всѣ дѣла преобращаетъ рокъ!
Сего дня сверженъ внизъ, кто былъ вчера высокъ;
Сей часъ намъ радостенъ, но слѣдующей слезенъ;
Тотъ вечеромъ посылъ, кто утромъ былъ любезенъ.
Давно ли Трои верхъ касался облаковъ,
Гдѣ нынѣ сырадными костями наполненъ ровъ?
Давноль со славою дочь Пріамову встрѣчали,
Что нынѣ отверженна терзается въ печали?
О ты величества и бѣдности примѣръ
Подобіе небесъ, подобіе пещеръ!
О Троя, ты сердца Геройскія родила,
И въ пепелѣ своемъ упадши ихъ покрыла!

Часть II.

22

На

На что оставленъ здѣсь съ сестрою Полидоръ?
 На что не погребенъ среди Идейскихъ горъ?
 Ахъ, лучшебъ со стѣны низринуту разбиться,
 И ей въ крови своей невинной обагриться,
 Со братними костями соединясь лежать,
 И купно пепелъ свой съ отеческимъ смѣшать,
 Какъ нынѣ приклонишь куда главу не зная,
 Не видѣшь горести неслыханныя края!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

ДЕМОФОНТЪ и МЕМНОНЪ.

ДЕМОФОНТЪ.

Что медлишь здѣсь одинъ, любезный мой Мемнонъ?
 И что изъ глубины ты выпускаешь стонъ?
 Никакъ препяшствія въ намѣреніи случились;
 И наши тайные совѣшья ужъ открылись?

М Е М Н О Н Ъ.

Опасности ни въ чемъ не видно никакой,
 И флотъ къ ошщесствію со всѣмъ исправленъ твой;
 Филлида на него по всякой часъ взираетъ,
 И по ещопамъ твоимъ во слѣдъ ипши желаетъ.
 Лишь только тьмой твои суда покроешь нѣтъ,
 Отъ нашихъ береговъ пусшись щасливо прочь.
 Въ отсушствіе твое, въ отсушствіе Филлиды
 Правленіе земли другіе приметъ виды.
 Дотолъ Князю я отъ ревности служилъ,
 Пока онъ правду самъ и искренность хранилъ;
 Но нынѣ онъ свои законы преступаетъ,
 И тѣмъ отъ нихъ меня и прочихъ освобождаетъ.

Ты

Ты ревность искренню къ Царевнѣ сохрани,
И утвердишь престолъ въ Афинахъ не косни;
Вспоминай всегда мое послѣднее слово:
Здѣсь сердце подданныхъ принять тебя готово.

Д Е М О Ф О Н Т Ъ.

Ты въ пользу способы намъ всѣ употреби,
Проси, и обоихъ въ отсутствіи люби.

Я В Л Е Н І Е Ш Е С Т О Е.

Д Е М О Ф О Н Т Ъ и Ф И Л Л И Д А.

Ф И Л Л И Д А.

Ты видишь, что тебя я ради предпріемлю?
Дерзаю чрезъ валы итти въ чужую землю!
Не Полиинестора я устрашась бѣгу;
Но взору твоего лишиться не могу.
Хотя пучины я бурливой устрашаюсь;
Но и въ опасности съ тобой не опасюсь.
Когда ты мнѣ не льстишь, когда ты вѣренъ мнѣ,
То вѣренъ будешь намъ и путь во глубинѣ.

Д Е М О Ф О Н Т Ъ.

Хоть тяжостны труды, но наградишь отрадою,
Когда постигнемъ мы отеческаго града.
Коль радостно тебя увидишь тамъ Тезей!
Какое множество сберется тамъ людей!
Признаки по путямъ побѣдъ моихъ поставятъ,
И пѣсни брачныя къ торжественнымъ прибавятъ.
Прекрасно солнце! ты зайди за глубину,
На горизонтъ пусси скорѣ сѣму noctu:

И прежде не блистай пресвѣтлыми лучами,
 Пока сей брегъ отъ насъ не скроется валами;
 Сей брегъ, отъ коего мы нынѣ прочь бѣжимъ,
 Но неотступно внутрь сердецъ его держимъ.
 Межъ тѣмъ съ Мемнономъ скрышь я долженъ намъ дорогу,
 Чтобъ, ежели Княжескъ полкъ ударитъ вдругъ тревогу,
 Успѣли въ городъ намъ вѣрные полки
 Спасши насъ отъ его коварныя руки.
 Пожди, дражайшая, пожди меня минушу.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

ФИЛЛИДА и КРЕУЗА.

ФИЛЛИДА.

Оставшись, чувствую тоску на сердцѣ lushу.
 Любезная ко мнѣ, Креуза, ахъ! поди,
 И въ ожиданіи мнѣ время проводи.
 Что смущной въ землю взоръ, унывши, пошупляешь?
 Ты стонешь! ахъ! о чемъ? ты слезы проливаешь!
 Далекаго пущи, драгая, не страшись,
 Забудь все, и моимъ примѣромъ укрѣпись.

КРЕУЗА.

Не путь меня, не пущь далекой устрашаетъ,
 Но близкая бѣда всѣ чувства оглячаетъ.
 Коль много терпишь зла отъ нѣжной простоты!
 О коль коваренъ онъ! о коль злощастна ты!
 Нигдѣ надежды нѣтъ, нигдѣ намъ нѣтъ успѣху!
 Намъ опиялъ въ скорби рокъ послѣднюю утѣху!

ФИЛЛИДА.

Престань смущать меня, безвременно таясь,
 О! какъ я извинуся, когда увѣдалъ Князь?

Н.

Но Демофонтъ ко мнѣ поспѣшно возвратишся.

КРЕУЗА.

Ты больше на него не можешь положишься!

ФИЛЛИДА.

Ахъ сердца не познай

КРЕУЗА.

Хоть поздно, будешь знать,
И время не велишь несчастья умолчать.

ФИЛЛИДА.

Коль долго, небеса, вы будете мнѣ строги!

КРЕУЗА.

Я мимо проходя Троянскіе чертоги,
Увидѣла, спѣшивъ изъ нихъ къ судамъ Драметъ,
Младенца на рукахъ закрышаго несетъ,
И озирается страшливыми глазами:
Я видя тушь рабу обмытую слезами,
Спросила, для чего она стоимъ смущена?
Отвѣствовала мнѣ: Царевна предана!
И князь не убоясь ни Бога ни закону,
Въ супружество даетъ другому Иліону,
И придетъ, говоряшъ, поспѣшно Демофонтъ,
Безсчастну тайно взявъ и увести чрезъ Понтъ!

ФИЛЛИДА.

Ахъ! лютой мой злодѣй, какъ могъ ты притвориться?
И какъ помысла я на лживомъ утвердиться?
Но помощи ужъ нѣтъ! Креуза, ахъ, спѣши,
И въ зломъ опчаяннѣ несчастной послужи;

Вели

Вели пустишься въ Понтъ стоящимъ подъ горами,
И воздухъ огустишь горящими стрѣлами,
Чтобъ шучей огненной покрылись корабли.
Не медли.

ЯВЛЕНІЕ ОСЬМОЕ.

ФИЛЛИДА *одна.*

Есть ли кто лукавъ на земли!
Меня оставивъ здѣсь въ пріятной шоль надеждѣ,
И больше нѣжноспи мнѣ показавъ какъ прежде,
Въ послѣдни изъ моихъ пошелъ прельщенныхъ глазъ!
О люшая судьба! о коль свирѣпой часъ!
Я своего стою прихода ожидая,
Когда въ путь за тобой послѣдуетъ другая!
Но ты продерзкой самъ почувствуешь тоску:
Огнемъ въ срединѣ водъ я путь твой пресѣку:
Когдажъ не возмогу, то кровь моя струями
Тебя изобличитъ, кия во слѣдъ съ волнами.

Конецъ четвертому дѣйствію.

дѣй-

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ФИЛЛИДА, МЕМНОНЪ и КРЕУЗА.

МЕМНОНЪ.

Багряные лучи закрыла ужъ заря,
Изъ глазъ отъземлетъ ночь и землю и моря.
Я съ мракомъ вдругъ имѣлъ и мысли помраченны,
И представлялъ въ умѣ полки вооруженны,
Дабы тогда, какъ ты вливешь между валовъ,
Присудствовала мной у здѣшнихъ береговъ,
Чтобы Фракіянѣ тебя здѣсь ощущали,
Хотя бъ отшествіе твое отсюда знали.
Но нынѣ я тебя увидѣлъ здѣсь еще!

ФИЛЛИДА.

Намѣренія мои погибли всѣ вошше.
Я вѣрила словамъ, Мемнонъ, ахъ, полнымъ яду!
Теперь мнѣ кто подастъ отчаянной отраду?

МЕМНОНЪ.

Какая нынѣ скорбь врачитъ твой снова духъ?

ФИЛЛИДА.

Такою наглостью не оскорбленъ твой слухъ?

МЕМНОНЪ.

Какою?

Фил-

Демофонтъ съ Троянкой прочь отходишь,
И въ пагубу меня конечную приводишь!

М Е М Н О Н Ъ.

Не представляй себѣ нещастія сего
Но къ намъ Драмешъ спѣшишь; увѣрься отъ него.

Я В Л Е Н І Е В Т О Р О Е.

Ф И Л Л И Д А , М Е М Н О Н Ъ и Д Р А М Е Т Ъ.

Д Р А М Е Т Ъ.

Царевна, корабли стоятъ готовы къ бѣгу,
И только ждутъ они тебя одной со берегу.
Способной Аквилонъ, крышкой горизонтъ,
Къ отшествію съ тобой имѣетъ Демофонтъ.

Ф И Л Л И Д А.

Троянкѣ буду я послѣдовать рабою?
Я волею пойду какъ плѣнница съ нимъ въ Трою?
Оставляя свой престолъ, я буду тамъ взиращъ,
Какъ будешь онъ себя на царство съ ней вѣнчашъ?

М Е М Н О Н Ъ.

Я вижу, мнѣніе тебя терзаетъ ложно.

Д Р А М Е Т Ъ.

Пріамова дочь здѣсь.

Ф И Л Л И Д А.

Какъ бытъ тому возможно?

Ког.

Когда ты брата взялъ уже на корабли,
Сестра ли отъ него осталась на землѣ?

Д Р А М Е Т Ъ.

Ужѣ теперь таишь не позволяешь время.
Тебѣ извѣстно, что Троянско Грекамъ племя
Противно на сердцахъ, ужасно на поляхъ:
Осшатки онаго еще наводятъ страхъ!
За тѣмъ я шшился здѣсь младаго Полидора
Ошъ Илїонина во вѣкъ ошшоргнушь взора;
И нынѣ я могу ужѣ Грекамъ показать,
Что Троя больше ихъ не можетъ устращать.
Троянскія возстать не могутъ больше спѣны:
Не можешь впредь Парисъ похищать въ нихъ Елены!

Ф И Л Л И Д А.

Ахъ, коль ужасна вѣсть! какъ бѣдство отврашишь?

М Е М Н О Н Ъ.

Ахъ небо, какъ могло сѣ ты попустишь?
Нещастная сестра какую скорбь терпѣла!

Д Р А М Е Т Ъ.

И кровь во мнѣ самомъ отъ жалости кипѣла,
Какъ въ Илїонинъ я посмѣлъ вступить чершогъ;
Но воли прештупить отечества не могъ.
Она едва въ слезахъ промолвила, рыдая:
Когда насъ истребитъ судьбина хочешь злая,
Когда насъ предаетъ, кто долженъ защищать;
Осталось ошъ самихъ враговъ отрады ждашь.
Ошъ рукъ неправедныхъ покройше бѣдныхъ, Греки!
Хоша свирѣпы вы, однако человеки.

Отъ васъ я избѣжавъ, вселилась межъ звѣрей,
 Что носящъ на себѣ лишь видъ одинъ людей.
 Промолвила, и мнѣ сама вручила брата.

МЕМНОНЪ.

О скверная алчба могущества и злата!

ФИЛЛИДА.

Но гдѣ мой Демофонтъ?

ДРАМЕТЪ.

Чтобъ ты могла прийти
 Безбѣдно на суда, отъ брегу по пути
 Онъ ставитъ стражей самъ: за тѣмъ что вѣтръ способной
 Прибавилъ много силъ въ часъ къ плаванью удобной.

ФИЛЛИДА.

Креуза отвратишь несчастъе поспѣши!
 И руки злобныя отъ гнѣва удержи!

КРЕУЗА.

Раскаянїе твое едва ли ужѣ не познаю.
 О небо, проводи безъ казни время грозно!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

ФИЛЛИДА, ИЛІОНА, МЕМНОНЪ и ДРАМЕТЪ,

ФИЛЛИДА.

увидѣвъ Иліона.

Коль неразумно злѣюсь, любезной, на тебя!

ИЛІОНА.

Царевна, отъ меня что хочешь скрывать себя?

Не

Не скучнымъ досаждашь къ тебѣ иду я споромъ
 И не завистливымъ о щастѣ разговоромъ;
 Но слёзы горькія передъ тобой пролить,
 И бѣднымъ помощи въ гоненіи просить.
 Невинной Полидоръ на пагубу отъ муки,
 И изъ ширанскихъ взять въ противнически руки,
 Одинъ вашъ будешь путь, но разной шамъ конецъ.
 Его свирѣпа смерть, тебя шамъ ждетъ вѣнецъ!
 Ты вѣдая меня и мыслями въ томъ невинну,
 Чтobъ я къ смущеніямъ швоимъ дала причину,
 Драгая, не дѣй ко мнѣ на сердцѣ зла;
 Но помня, каковѣ любовь межъ насъ была,
 Ты будь поверженнымъ защита и подпора,
 Предсшательствомъ спаси отъ смерти Полидора,
 Достигни щастливо тебѣ желанныхъ странъ,
 Чтobъ мучился, лишаась надежды, нашъ ширанъ.

Ф И Л Л И Д А.

Я чувствовать могу болѣзнь твою сердечну,
 Коль шягосшно нести злость шоль безчеловѣчну!
 Но шомъ, кшо долженъ самъ спасенія искашь,
 Какъ можешь оное другому обѣщать?

М Е М Н О Н Ъ.

оборотясь на сторону.

Что ночи темношу надъ моремъ прогоняешь?

Ф И Л Л И Д А.

Ахъ, люша злость мою надежду пресѣкаетъ!

Д Р А М Е Т Ъ.

Чѣмъ небо намъ грозитъ!

Ф И Л Л И Д А.

Гдѣ помощи искашь?

Спѣши со мной, Драметъ, спасаешь и умираешь.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ИЛІОНА и МЕМНОНЪ.

МЕМНОНЪ.

Недастье наши всѣ совѣты разрушаетъ,
 И предпріятой путь Филлидѣ запираетъ.
 Горитъ несчастнаго, ахъ! Демофонта флотъ,
 И помощи лишенъ среди глубокихъ водъ!
 О! сжалясь вы хотя, морскія, сжалясь, волны,
 Восстаньте на пожаръ, восстаньте гнѣва полны.
 Дождевыя облака, о небо, раствори,
 И вихри пламенны попономъ умири!
 Но крикъ при берегахъ и большій страхъ отъ треску
 И умноженіе сіянія и блеску
 Погибелію намъ ошчаянныя прозаетъ.

ИЛІОНА.

Теперь противники за Трою боги мстятъ.
 Когда они Троянъ державу разрушили,
 Свирѣпствомъ и боговъ ко гнѣву побудили.
 Они ихъ отпустивъ отъ нашихъ береговъ,
 Хотятъ всѣхъ погубить среди крутыхъ валовъ.
 О ты объ нихъ, Мемнонъ, печалась, воздыхаешь;
 Ты Трою разоряешь, тираннамъ помогаешь.

МЕМНОНЪ.

Когда бы вѣдала намъ брѣня моя,
 Оставила бы ты ропсанія свои.
 Кто можетъ ближе вѣдѣть къ Пріамову быть трону
 Какъ шовъ, кому онъ самъ въ чершоль далъ. Иліону?

И

И кто Ликурговъ здѣсь наслѣдникъ долженъ быть,
 Какъ шотъ, кого могла Филлида полюбить?
 Я обое къ концу привесю желалъ, Царевна!
 Но вижу, рушитъ все въ конецъ судьбина гнѣвна.
 Въ коварныхъ умыслахъ успѣхъ имѣетъ Князь:
 Какъ можешь дать отвѣтъ Филлида возвращаясь?
 Флотъ нынѣ Греческой ему ужъ не ужасенъ:
 Въ желаніи своемъ онъ будетъ безопасенъ.
 Незбѣжимая тебѣ трезишь бѣда.
 И мнѣ, безсмертные, достойна ша ли мзда?
 Кшо нынѣ насъ спасешъ?

И Л І О Н А.

Тошъ бѣдство презираешь,
 Кто больше ужъ себѣ спасенія не чаешь.
 Ни молнія меня,—ниже Зевесовъ гнѣвъ,
 Не можешь устроить: ударъ не укосишь!

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

И Л І О Н А, ПОЛИМНЕСТОРЪ и МЕМНОНЪ.

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Аѳинской флотъ горитъ!

къ Иліонѣ.

Ты здѣсь! и гдѣ Филлида?

И Л І О Н А.

Гнушаясь твоего несносного ей вида,
 Ни пламени ни водъ бѣжитъ не устрашася,
 Я здѣсь, и чтобъ тебя тоской перзаетъ, спаслась.

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Нечаянная мнѣ и строга переменна,
 Коморою скорбитъ душа моя смущенна!

МЕМНОНЪ.

Теперь услышимъ мы, къ чему насъ рокъ влечетъ!

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ПОЛИМНЕСТОРЪ, ИЛІОНА, МЕМНОНЪ и
ВѢСТНИКЪ.

МЕМНОНЪ.

Какой судьба конецъ смятеніямъ даетъ
Чѣмъ пламень намъ грозитъ, свирѣпствуя надъ Понтомъ?
ВѢСТНИКЪ.

Филлиды больше нѣтъ съ любезнымъ Демофонтомъ!
Лишились жизни!

МЕМНОНЪ.

Ахъ!

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Несносной мнѣ ударъ!

ИЛІОНА.

Ахъ! какъ плачевныя погасъ любви жаръ?

ВѢСТНИКЪ.

Толь много бѣдствѣй сказать лишь шолько начинаю,
Ошкуду мнѣ начашъ, я въ ужасъ не знаю!
Когда покрыла ночь со флотомъ глубину,
Мы ждали на него Филлиду лишь одну.
Пославивъ Демофонтъ суда ко берегу строемъ,
Чшобы любезную привести на нихъ съ докосемъ,

На

На вѣстрѣчу къ пристани лишь ѣхашъ поспѣшалъ,
 Куда ее привести Драмеша онъ послалъ:
 Внезапно изъ за горъ тамъ весла зашумѣли,
 И стрѣлы огненны до облаковъ взлетѣли.
 Упали съ высоты на насъ какъ сильный градъ.
 Уже на корабляхъ снаряды всѣ горятъ!
 Пылають парусы, валящяся райны въ море,
 Въ дыму и въ шумѣ тамъ лишь только слышно: горе!

И Л І О Н А.

О коль великой страхъ!

М Е М Н О Н Ъ.

О люшая гроза!

П О Л И М Н Е С Т О Р Ъ.

Объемлетъ сердце хладъ и мракъ мои глаза!

В Ъ С Т Н И К Ъ.

Тамъ вихри по водѣ свирѣпы закружились.
 Противны двѣ на насъ стихіи согласились.
 И каждой тамъ ударъ огонь въ валахъ раждалъ,
 И влажною жаръ и пламень умножалъ.
 Иныхъ пожгла огня неукротима сила,
 Иныхъ несущая пучина поглотила.
 И какъ я съ корабля спарался въ ботъ сойши,
 Я Демофонша вдругъ увидѣлъ на пуши.
 Пронзенъ, окровавленъ едва уже дышетъ:
 Стрѣла еще въ груди зажженная пылетъ.
 Я въ страхъ возсѣнавъ, другихъ на помощь звалъ;
 Ошъ двухъ смертей испорбъ, и къ берегу съ намъ присталъ;
 Но въ сердцѣ шептѣя шепещущемъ осталась:
 Любезная душа ошъ тѣла разлучалась.

Еще

Еще онѢ, ахѢ! тогда изѢ глубины вздохнулѢ,
 И слабымѢ голосомѢ Филлиду помянулѢ.
 На берегѢ пламенемѢ шумящимѢ освященный,
 Филлида кѢ намѢ спѣшитѢ, ДраметѢ съ ней утѣрашенный.
 УвидѢла его-безгласна предѢ с бой,
 Старалась во слезахѢ поднять его рукой,
 И рѣчью возбудить хотѢла бесполезн ѣ:
 Промолви, ДемофонтѢ, промолви, мой любезной.
 ОнѢ мрачные еще глаза свой открылѢ,
 И на нѣе взглянуѢ въ послѣдни затворилѢ.
 Промолвить силится еще между стenanьемѢ,
 Но рѣчь свою пресѣкъ послѣднимѢ воздыханьемѢ!

И Л І О Н А.

Нещасливой любви нещасливой конецѢ!

М Е М Н О Н Ъ.

КакѢ будѣтъ возрыдать оставленный овецѢ!

В Ъ С Т Н И К Ъ.

Филлида съ горестнымѢ стenanьемѢ возгласила:
 На шоль, чтобы убить, себя я полюбила?
 И такѢ ли путь пресѣчь тебѢ хотѢла я?
 Не ты невѣренѢ я измѣнница твоя.
 АхѢ пусть бы ты ушолѢ, ты могѢ бы возвратишься.
 И я ещебѢ могла хошя надеждой льститься.
 Теперь тебя ко мнѢ никто не возвратитѢ,
 И шолько смерть одна съ тобой совокупитѢ.
 Промолвила, и вдругѢ кинжалѢ во грудь вонзила,
 И путь себѢ за нимѢ со свѣша отворила.
 Креуза рвенѢ власы; отчаянной ДраметѢ
 Вошше надѢ хладными шѢлами слѣзы льешѢ.

И Л І О Н А.

Мнѣ поздно смерть ея надежду возвращаетъ.

МЕМНОНЪ.

Ахъ въ ней теперь Ликургъ вторично умираетъ!

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Теперь мнѣ опята надежда до конца!
Презрѣла ты меня, послушала льстеца!
И съ нимъ въ гончяныи, о дерска! умираешь,
Однако тѣмъ моихъ желаній не скончаешь.
Я столько на землѣ тебѣ противенъ былъ,
Что свѣтъ тебѣ со мной, Филлида, сталъ не милъ.
И чшобы мною ты очей не раздражила,
Прекрасны очи ты во вѣки зашлорила.
Ты отъ меня бѣжишь за Демофонтомъ въ слѣдъ,
И чаешь, что ужъ тамъ меня твой взоръ минетъ?
Гнушаешься еще ты послѣ смерти мною?
Или не смѣю снать я тамъ передъ тобою?
Я слѣдовахъ тебѣ не устращусь во адъ,
И стану тамъ казать тебѣ противной взглядъ.
Я буду тамъ снать, шрястивъ въ несносной казни,
И къ жалости тебя подвигну и къ боязни.
Ты тамъ, чтобъ отъ меня могла себя укрыть,
Не можешь ужъ себя въ другой разъ умершвишь.
Чшо долго смерти ждешь?

Хотетъ заколотся.

ИЛІОНА.

схвативъ за руку.

Пожди еще минушу:

Не всю ты претерпѣлъ на свѣтѣ муку люту.

къ вѣстнику.

Младенецъ, что Драмешъ похищилъ на суда,
Спасенъ ли?

ВѢСТНИКЪ.

Погубилъ огонь или вода.

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Безсчастной Полидоръ!

ИЛІОНА.

Дейфилъ неповинной!

Ты лютошши моей, тираннѣ, былъ самъ причиною.
Раченіемъ моимъ закрылъ мой Полидоръ
Отъ злобы швоея Оракійскихъ далъ горь.
За наглости швой, за зло непостоянство,
За гордой мнѣ отказъ, за мерское тиранство,
Мнѣ промыслъ пособилъ въ сей часъ тебѣ опистить,
И сына швоего противникамъ вручить.
Но мечь сія легка явилась предъ богами,
Дейфила сожгли они между валами.
Мнѣ должно бы его на части растерзашъ,
И растерзавъ отцу на пищу сына дашъ:
Дабы къ тому швоя несышая ушроба
Рожденному шобой служила вмѣсто гроба.

ПОЛИМНЕСТОРЪ.

Ахъ, что еще въ мой глаза блистаетъ свѣтъ?
Филлиды больше здѣсь и Дейфила нѣтъ!
Я нынѣ скипетръ, власть и славу презираю,
И только громаго удара лишь желаю.
Еще я не могу боговъ къ тому склонить,
Прощеніемъ на казнъ и злобой побудить?
Но смерти что ищу на казнъ себѣ напрасно?
Я чувствую въ себѣ мученіе ужасно!

Филлида,

Филлида, Демофонтъ и ты, ахъ, Деифилъ!
Въ срединѣ сердца мнѣ геенну воспалилъ.
Какая кругъ меня бунтуетъ непогода?
То мерзостью моею гнушается природа!
Свѣтила идущъ всѣ обратно на востокъ,
Законы естества преобразуетъ рокъ.
Всѣ боги на меня, что Трою защищали,
За дочь Пріамову противъ меня возстали.
Непшунъ спремилъ на брегъ морскую глубину:
Пожрать меня бѣжатъ чудовища по дну:
И вѣчные Плутонъ заклёпы опровергаетъ,
Рыгаетъ въ воздухъ ядъ и звѣзды помрачаетъ.
Зіаетъ челюстями несышой Флегетонъ:
Тиранновъ слышу тамъ безчеловѣчныхъ стонъ.
Но что еще? между ревушихъ вѣтровъ споромъ
Является Зевесъ пламенною виднымъ взоромъ.
Межъ мрачныхъ и грозой осягощенныхъ тучъ,
Изъ рукъ его гремитъ быстрошекущій лучъ.
Суровая змѣя мнѣ сердце, ахъ! снѣдаетъ,
И внутрѣ и внѣ болѣзнь и страхъ меня шерзаетъ,
Развершая земля, кровавы небеса,
Кипящія моря, горящіе лѣса
На пагубу мою себя приготавливаютъ.
Но въ бездну долго что меня не погружаютъ?
Когда меня терять не можешь естество:
Скончай меня, скончай, о сильно Божество.

Концеѣ трагедіи.

Письмо о пользѣ стекла Генералу - Поруттику Ивану Ивановичу Шувалову 1752 году.

Неправо о вещахъ тѣ думаютъ, Шуваловъ,
Которые стекло чшущъ ниже менераловъ
Приманчивымъ лучемъ блистающихъ въ глаза:
Не меньше польза въ немъ, не меньше въ немъ краса.
Не рѣдко я для той съ Парнаскихъ горъ спускаюсь,
И нынѣ отъ нея на верьхъ ихъ возвращаюсь,
Пою передъ тобой въ возторгѣ похвалу
Не камнямъ дорогимъ, ни злашу, но стеклу.
И какъ я оное хваля воспоминаю,
Не ломкость лживаго я щасья представляю.
Не должно плѣнності примѣромъ тое бысть,
Чего и сильный огонь не можетъ разрушить,
Другихъ вещей земныхъ конечный раздѣлишель;
Стекло имъ рождено, огонь его родишель.

Съ натурой нѣкогда онъ произвешъ хощя
Достойное себя и оныя дѣля
Во мрачной глубинѣ, подъ шягостью землею,
Гдѣ вѣчно онъ живетъ и борещся съ водою,
Всѣ силы собралъ вдругъ, и хляби зашворилъ,
Въ которы Океанъ на брань къ нему входилъ.
Напрягся мышцами и рамена подвигнулъ,
И шягошу земли превыше облакъ вскинулъ.
Внезапно черный дымъ навелъ густую тѣнь;
И въ ночь ужасную переѣнился день.
Не басношворнаго здѣсь ради Геркулеса
Двѣ ночи сложены въ едину отъ Зевеса;
Но Елна правдѣ сей свидѣшель вѣчный намъ,
Кошорая дала пушъ чуднымъ симъ родамъ.

Изъ

Изъ ней разженная рѣка стекла въ пучину,
 И свѣтъ опчаясь, мнилъ, что зрѣтъ свою судьбину!
 Но ужасу тому послѣдовалъ конецъ:
 Довольна чадомъ мать, доволенъ имъ отецъ.
 Прогнали долгу ночь и жаръ свой погасили,
 И солнцу ясному рожденіе открыли.
 Но чшожь ошъ нѣдрѣ земныхъ родясь произошло?
 Любезное дитя, прекрасное стекло.
 Увидѣвъ смертные, о какъ ему дивились!
 Подобное тому сыскать искусствомъ щились.
 И было въ дѣлѣ хемъ удачно мастерство:
 Превысило своимъ раченьемъ естество.
 Тѣмъ стало житіе на свѣтѣ намъ щасливо;
 Изъ чистаго стекла мы пьемъ вино и пиво,
 И видимъ въ немъ примѣръ безхитросныхъ сердецъ,
 Кого лбзя видѣтъ сквозь шотъ подлинно не льстецъ.
 Стекло въ напѣнкахъ намъ не можетъ скрыть приѣсу;
 И чиста совѣсть рветъ прѣтворствъ гнилу завѣсу.
 Но сколько ли ужѣ, стекло, твоихъ похвалъ,
 Что намъ въ тебѣ вино и медъ самъ слаще сталъ?
 Никакъ! сіе твоихъ достоинствъ лишь начало;
 Которы мастерство тебѣ съ природой дало.

Исполненъ слабостями нашъ краткій въ мѣрѣ вѣкъ;
 Не рѣдко впадаетъ въ болѣзни человекъ!
 Онъ ищетъ помощи: хотя спасись ошъ муки,
 И жизнь свою продлишь, врачамъ дается въ руки.
 Не рѣдко намъ они отраду могутъ дать,
 Умѣвъ приличныя лѣкарства предписатьъ,
 Лѣкарства, что въ стеклѣ храняшъ и соснавляютъ,
 Въ стеклѣ одномъ онъ безвредны пребывающъ.
 Мы должны здравію и жизни часть стеклу:
 Какую надлежитъ ему принесть хвалу?

Хоть

Хошь вмѣсто онаго замысловаши Хины
 Сосуды составляшь нанали изъ чистой глины;
 Огромность тяжкую плода лишенныхъ горъ
 Художествомъ своимъ преобразовавъ въ фарфоръ,
 Красой его къ себѣ народы привлекаютъ.
 Что плавая, морей свирѣпость презираютъ.
 Однако былъ бы онъ почти простой горшокъ,
 Когда бы блескъ стекла дать помощи не могъ.
 Оно входъ жидкихъ тѣлъ отъ скважинъ ошвращаетъ,
 Вещей прекрасныхъ видъ на немъ изображаетъ.
 Имѣетъ отъ стекла часть крѣпости фарфоръ:
 Но тое, что на немъ увеселяетъ взоръ,
 Сады, гульбы, пиры, и все что есть прекрасно,
 Стекло являетъ намъ пріятно, чисто, ясно.

Искусство, коимъ былъ прославленъ Апеллесъ,
 И коимъ нынѣ Римъ главу свою вознесъ,
 Коль пользы отъ стекла приобрѣло велики,
 Доказываютъ то Финифши, Мозаики,
 Которы въ вѣкъ хранятъ Геройскихъ бодрость лицъ,
 Пріятность нѣжную, и красоту дѣвицъ;
 Чрезъ множество вѣковъ себѣ подобны зрятся,
 И вѣхой древности грезенья не боясь.

Когда неистовой свирѣпствуя Борей,
 Сжимаетъ мразомъ насъ въ упругости своей;
 Великой не терпя и строгой перемѣны,
 Скрываетъ человекъ себя въ толстые стѣны.
 Онъ былъ бы принужденъ безъ связи въ нихъ сидѣть;
 Или съ дрожаніемъ несносной хладъ терпѣть.
 Но солнечны лучи бы въ стекло впускаешь,
 И лютость холода чрезъ тоже отираешь.
 Ошворенному вдругъ и запертому быть,
 Не то ли мы зовемъ, что чудеса творишь?

Потомъ

Помощь какъ человекъ зной сталъ безопасенъ;..
 Еще при томъ желалъ, чтобъ цвѣлъ всегда прекрасенъ
 И въ сѣверныхъ странахъ въ снѣгу зеленой садъ,
 Цейлонъ бы посрамилъ, пренебрегая кладъ.
 И удовольствовалъ онъ мысли прихотливы;
 Зимой за стекломъ цвѣшны хранятся живы;..
 Даютъ пріятной духъ, увеселяютъ взоръ,
 И вамъ, красавицы, хранятъ себя въ уборъ.
 Позволь, любитель музъ, я рѣчь свою склоняю,
 И къ нѣжнымъ симъ сердцамъ на время обращаю.
 И музы съ оными единого сродства;
 Подобна въ нихъ краса и нѣжныя слова.
 Щастливой младостью твоей цвѣтущи годы
 И склонной похвала и ласковой природы
 Мой стихъ отъ оныхъ къ симъ пренесъ не возбранятъ.
 Прекрасной полъ, о коль любезенъ вамъ нарядъ!
 Дабы прельстить лицемъ любовныхъ суевѣровъ,
 Какое множество вы знаете манеровъ;
 И коль искусны вы уборъ перемѣнять,
 Чтобъ въ каждой день себѣ пріятность нову дать.
 Но былобъ ваше все старанье безъ успѣху,
 Наряды ваши бы достойны были смѣху,
 Когдабъ вы въ зеркалѣ не видѣли себя.
 Вы вдвое пригожи, стекло употребля.
 Когда блестяшъ на васъ горящіе алмазы,
 Двойной кипитъ въ насъ жаръ сугубыхъ заразы!
 Но больше красоты и больше въ нихъ цѣны,
 Когда кругъ ихъ стекломъ цвѣшки наведены;
 Вы кажешь намъ въ нихъ пріятною весною,
 Въ цвѣтахъ наряженной усыпанныхъ росю.

Во свѣшлыхъ зданіяхъ убранства шаковы.
 Но въ чемъ красуетесь, о сельски Нимфы, вы?

При-

Природа въ васъ любовь подобную вложила,
 Желанья нѣжны въ васъ подобна движетъ сила;
 Вы также украшаете желаете себя.
 За тѣмъ прохладные поля свои любя,
 Вы рвете розы въ нихъ, вы рвете въ нихъ, ~~лилии~~.
 Кладете ихъ на трудъ, и вяжете кругъ шеи.
 Таковъ уборъ даетъ вамъ нѣжная весна:
 Но чѣмъ вы краситесь въ другія времена,
 Когда лишася цвѣтовъ, поля у васъ блѣднѣютъ,
 Или снѣгами вкругъ глубокими бѣлѣютъ,
 Безъ оныхъ чтобы вамъ въ нарядахъ помогло,
 Когда бы бисеру вамъ не дало стекло?
 Любовниковъ онъ къ вамъ не меньше привлекаетъ,
 Какъ блещущій алмазъ богатыхъ уязвляетъ.
 Или еще на васъ въ немъ больше красота,
 Когда любезная въ васъ свѣтитъ простота.

× Такъ въ бисеръ стекло подобая жемчугу, ~~ваз~~.
 Любимо по всему земному ходитъ кругу.
 Имъ красится народъ въ полунощныхъ степяхъ,
 Имъ красится Арабъ на южныхъ берегахъ.
 Въ Америкѣ живутъ, мы даемъ, простаки,
 Что тамъ драгой металлъ изъ серебряной рѣки.
 Даюъ Европскому купечеству охотно,
 И бисеру беруъ количество нечестно;
 Но тѣмъ, я думаю, они разумнѣй насъ:
 Что гонятъ ошъ своихъ бѣдамъ причину глазъ;
 Имъ оны времена не будуъ въ вѣкъ забвенны,
 Какъ пали ихъ ошцы для злата побѣенны.
 О коль ужасно зло! На то ли человекъ
 Въ незнаемыхъ моряхъ имѣлъ опасный бѣгъ?
 На то ли разрушивъ естественны предѣлы,
 На ушломъ деревѣ обшелъ яругомъ свѣтъ дѣламъ?

За шѣмъ ли онъ сошелъ на красны берега,
 Чшобъ шамъ себя явишь свирѣпаго врага?
 По шягостномъ трудѣ снесенномъ на пучинѣ,
 Гдѣ предалъ онъ себя на произволъ судьбинѣ,
 Едва на твердый путь отъ бурь избышь успѣлъ,
 Военной бурей онъ внезапно зашумѣлъ.
 Уже горящъ царей шамъ древнѣя жилища;
 Вѣнды врагамъ корысть, и плоть ихъ вранамъ пища!
 И кости предковъ ихъ изъ золошыхъ гробовъ
 Чрезъ стѣны падаютъ къ смердящимъ трупамъ въ ровъ!
 Сѣ перстнями руки прочъ и головы сѣ убранствомъ
 Сѣкутъ насытые и златомъ и ширанствомъ.
 Иныхъ свирѣпствуя въ средину гонятъ горъ,
 Драгой металлъ изрыть изъ преглубокихъ норъ,
 Смяшеніе и страхъ, оковы, гладъ и раны,
 Чшо наложили имъ въ работѣ ихъ ширанны,
 Препяшествовали имъ подземну хлябъ крѣпиль,
 Чшобъ шягоша надъ ней могла недвижна быть.
 Обрушилась гора: лежатъ въ ней погребенны
 Безсчастные: или по истиннѣ блаженны,
 Чшо вдругъ избѣгли всѣ безчеловѣчныхъ рукъ,
 Работы шяжкѣ, ругательства и мукъ!

Оставивъ Каспилянъ невинность такъ погранну,
 Сѣ богатствомъ въ отечество спѣшитъ по Океану,
 Надѣясь онымъ всю Европу вдругъ купишь.
 Но златомъ воли морскихъ не можно ушелить.
 Подобный ихъ сердцамъ Борей поднявъ пучину,
 Навелъ ихъ живошу и варварству кончину,
 Погрязли въ глубинѣ сѣ сокровищемъ своимъ,
 На пищу преданы чудовищамъ морскимъ.
 То бури, то враги толь часто ихъ шерзали,
 Чшо рѣдко до береговъ желанныхъ достигали.

Часть II.

25

0

О коль великой вредѣ! отъ зла раждалось зло!
 Виною толикихъ бѣдъ бывало ли стекло?
 Никакъ! Оно вездѣ нашъ духъ увеселяетъ:
 Полезно молодымъ и старымъ помогаетъ.

По долговременномъ печенѣи нашихъ дней
 Тупѣетъ зрѣніе ослабленныхъ очей.
 Померкшее того не представляетъ чувство,
 Что кажется въ тонкоспяхъ натура и искусство.
 Велика сердцу скорбь лишиться чтенія книгъ;
 Скучнѣе вѣчной тьмы, тяжелѣе веригъ!
 Тогда противенъ день, веселіе досада!
 Одна лишь намъ стекло въ сей бѣдности отрада.
 Оно способствіемъ искусныя руки
 Подаетъ намъ зрѣніе умѣетъ чрезъ очки!
 Не даръ ли мы въ стеклѣ божественный имѣемъ?
 Что чести достойную воздашь ему коснемъ?

Взирая въ древности народы изумлены,
 Что грѣшѣ, топилѣ, льетѣ и свѣшилѣ огонь возженный,
 Иные божеску ему давали честь;
 Иные знашъ хотя, кто съ неба могъ принестъ,
 Представили въ своемъ мечтаніи Прометея,
 Что многи на земли художества умѣя,
 Различныя казалъ искусствомъ чудеса:
 За то Минервою былъ взятъ на небеса.
 Похишилъ съ солнца огонь и смертнымъ отдалъ въ руки.
 Зевесъ воздвигъ свой гнѣвъ, воздвигъ ужасны звуки.
 Продерзскаго къ горѣ великой приковалъ,
 И сильному орлу на разтерзанье далъ.
 Онъ сердце завсегда коварное терзаетъ,
 На коемъ снова плоть на муку вырастаетъ.
 Тамъ слышенъ страшный стонъ, тамъ тяжка цѣпь звучитъ,
 И кровь чрезъ камни въ низъ текущая шумитъ.

О коль несносна жизнь! позорище ужасно!
Но въ просвѣщенны дни сей вымыслъ видимъ ясно.
Пѣишы украшашъ хотя свои стихи,
Описывали казнь за мнимые грѣхи.
Мы пламень солнечный стекломъ адѣсь получаемъ;
И Прометею шѣмъ безбѣдно подражаемъ.
Ругаясь подлости нескладныхъ оныхъ вракъ,
Небеснымъ безъ грѣха огнемъ куримъ шабакъ;
И только лишь о томъ мы думаемъ, жалѣя,
Не свергла ль въ пагубу наука Прометея?
Не злясь ли на него невѣждѣ свирѣпыхъ полкъ,
На знашны вымыслы сложилъ неправой толкъ?
Не наблюда ль звѣздъ тогда сквозь телескопы,
Что нынѣ воскресилъ трудъ щастливой Европы?
Не огонь ли онъ стекломъ умѣлъ сводить съ небесъ,
И пагубу себѣ отъ варваровъ нанесъ,
Что предали на казнь обнесши чародѣемъ?
Коль много шаковыхъ примѣровъ мы имѣемъ,
Что зависть скрывъ себя подъ свяшости покровъ,
И груба ревность съ ней неправду строя ковъ,
Отъ самой древности воюютъ многократно,
Чѣмъ много знанія погибло невозвратно;
Коль точно зналибъ мы небесныя страны,
Движеніе планетъ, печеніе луны,
Когда бы Аристархъ завистливымъ Клеантомъ
Не названъ былъ въ судъ неистовымъ Гигантомъ,
Дерзнувшимъ землю всю отъ тверди потрясти,
Кругъ центра своего, кругъ солнца обнесши;
Дерзнувшимъ научать, что всѣ домашни боги
Терпятъ великой трудъ всегдашнія дороги;
Вертится вкругъ Нептунъ, Діана и Плутонъ:
И страждущъ ту же казнь, какъ дерзкой Иксіонъ;

И неподвижная земли Богиня Веста
Къ упокоенію сыскать не можетъ мѣста.
Подъ видомъ ложнымъ сихъ почтенія боговъ
Закрывъ былъ звѣздный міръ чрезъ множество вѣковъ.
Боясь паденія неправой оной вѣры,
Вели всегдашню брань съ наукой лицомъ ры:
Дабы она, открывъ величество небесъ,
И разность дивную невѣдомыхъ чудесъ,
Не показала всѣмъ, что непоспжна сила:
Единого Творца весь міръ сей сотворила.
Что Марсъ, Нептунъ, Зевесъ, все сонмище боговъ,
Не стоявъ тучныхъ жертвъ, ниже подъ жертву дровъ!
Что агнцовъ и воловъ жрецы бдятъ напрасно;
Сіе одно, сіе казалось быть опасно..
Оштолѣ землю всѣ счисляли посредѣ..
Астрономъ весь свой вѣкъ въ безплодномъ былъ трудѣ,
Запушанъ циклами, пока возсталъ Коперникъ,
Презришель зависти и варварству соперникъ:
Въ срединѣ всѣхъ планетъ онъ солнце положилъ,
Сугубое земли движеніе открылъ..
Однѣмъ кругъ центра путь всеневный совершаетъ,
Другимъ кругъ солнца годъ теченьемъ составляетъ,
Онъ циклы истинной Системой разшерзалъ,
И правду точностью явленій доказалъ..
Потомъ Гугеній, Кеплеры и Невтоны,
Преломленныхъ лучей въ стеклѣ познавъ законы,
Разумной подлинно увѣрили весь свѣтъ,
Коперникъ что училъ, сомнѣнія въ томъ нѣтъ.
Клеантовъ не боясь мы пишемъ всѣ согласно,
Что истинны они прошиваясь напрасно..
Въ безмѣрномъ углубя пространствѣ разумъ свой,
Изъ мысли ходимъ въ мысль; изъ свѣта въ свѣтъ иной.

Вездѣ.

Вездѣ божественну премудрость почишаемъ,
 Въ благоговѣннѣи весь духъ свой погружаемъ.
 Чудимся быстринѣ, чудимся тишинѣ,
 Что Богъ устроилъ намъ въ безмѣрной глубинѣ.
 Въ ужасной скорости, и купно бытъ въ покоѣ,
 Кшо чудо сотворишь кромѣ Его такое?
 Насъ больше таковы идеи веселятъ,
 Какъ Божій нѣкогда описывая градъ
 Вечерній Августинъ. (*) душою веселился.
 О коль великимъ онъ возторгомъ бы плѣнился,
 Когдабъ разумну шваръ шоль шѣно не включалъ,
 Подъ намибъ жителей, какъ здѣсь, не отрицалъ,
 Безъ Мешемашики вселенной бы не мѣрилъ!
 Что есть Америка, напрасно онъ не вѣрилъ.
 Доказываетъ то подземной Каполикъ,
 Кады златой его въ костелахъ новыхъ ликъ.
 Уже Колумбу въ слѣдъ, уже за Мателланомъ
 Кругъ свѣта ходишь мы великимъ Океаномъ,
 И видимъ множество божественныхъ тамъ дѣлъ,
 Земель и острововъ, людей, градовъ и селъ,
 Незнаемыхъ предъ шѣми и странныхъ тамъ живошныхъ,
 Звѣрей и птицъ и рыбъ, плодовъ и травъ несчетныхъ.
 Возмите сей примѣръ, Клеаншы, ясно вявъ,
 Коль много Августинъ въ семъ мнѣннѣи неправъ,
 Онъ слово Божіе упошреблялъ (**) напрасно,
 Въ Системѣ свѣта вы шожъ дѣлаете власно.
 Во зрительныхъ трубахъ стекло являетъ намъ,
 Колико далъ Творецъ пространство небесамъ.

Толъ.

 (*) О градѣ Божіи., книга 16., гл. 91.

(**) Тамъ же..

Толь много солнцевъ въ нихъ пылающихъ сіяетъ,
Недвижныхъ сколько звѣздъ намъ ясна ночь являетъ.
Кругъ солида нашего, среди другихъ планетъ,
Земля съ ходящею кругъ ней Луной течетъ.
Которую хотя весьма пространну знаемъ,
Но къ свѣту примѣнивъ, какъ точку представляемъ.
Коль созданныхъ вещей пространно естество!
О коль велико ихъ создавшее Божество!
О коль велика къ намъ щедротъ Его пучина,
Что на землю послалъ возлюбленного Сына!
Не погнушался Онъ на малой шаръ сойши.
Чтобы погибшаго спрѣданіемъ спасти.
Чѣмъ меньше мы Его щедротъ достойны зримся,
Тѣмъ больше благости и милости чудимся!
Стекло приводишь насъ чрезъ Оптику къ сему,
Прогнавъ глубокую невѣденія тьму!
Преломленныхъ лучей предѣлы въ немъ не ложны,
Поставлены Творцемъ; другіе не возможны.
Въ благословенной нашъ и просвѣщенной вѣкъ
Чего не могъ дойти по онымъ человекъ?

Хоть острѣмъ взоромъ насъ природа одарила,
Но близокъ онаго концѣ имѣетъ сила.
Кромѣ, что въ дадекъ не кажетъ намъ вещей,
И собранныхъ трубой онъ требуетъ лучей;
Коль многихъ тварей онъ еще не достигаетъ,
Которыхъ малой ростъ предъ нами сокрываетъ!
Но въ нынѣшнихъ вѣкахъ намъ Микроскопъ открылъ,
Что Богъ въ невидимыхъ животныхъ сотворилъ!
Коль тонки члены ихъ; составы, сердце, жилы,
И нервы, что хранятъ въ себѣ животны силы!
Не меньше, нежели въ пучинѣ тяжкій кипъ,
Насъ малый червь частей сложеніемъ дивитъ.

Великъ

Великъ Создатель нашъ въ огромности небесной!
 Великъ въ строеніи червей, скудели тѣсной!
 Стекломъ познали мы толики чудеса,
 Чѣмъ Онъ наполнилъ Понть, и воздухъ и лѣса.
 Прибавивъ ростъ вещей оно коль намъ потребно,
 Являетъ шравъ разборъ, и знаніе врачебно;
 Коль много микроскопъ намъ тайностей открывъ,
 Невидимыхъ частицъ и тонкихъ въ тѣлѣ жилъ!

Но что еще? Уже въ стеклѣ намъ барометры,
 Хотятъ предвозвѣщать, коль скоро будутъ въшры;
 Коль скоро дождь густой на нивахъ зашумитъ,
 Иль облаки прогнавъ ихъ солнце оеушитъ.
 Надежда наша въ томъ обманами не льстился,
 Стекло поможетъ намъ, и дѣло совершится.
 Открылись почто имъ движенія свѣтилъ:
 Чрезъ тожъ откроется въ погодахъ разность силъ,
 Коль могутъ щасливы селяне бытъ отшолъ!
 Когда не будешь зной, ни дождь опасенъ въ полъ!
 Какой способности ждешь должно кораблямъ,
 Узнавъ, когда шумѣшь или молчаешь волнамъ,
 И плавать по морю безбѣдно и спокойно!
 Велико дѣло въ семъ и горъ злыхъ досдойно!

Далече до конца стеклу достойныхъ хвалъ,
 На кои цѣлый годъ едва бы мнѣ досталъ.
 За шѣмъ уже словъ похвальныхъ оставляю,
 И что объ немъ писалъ, то дѣломъ начинаю:
 Однако при концѣ не можно преминушь,
 Чтобъ новыхъ мнѣ его чудесъ не помянушь.

Что можешь смертнымъ бытъ ужаснѣ удара;
 Съ которыми молнія изъ облакъ блещетъ яра?

Услышавъ

Услышавъ въ темнотѣ внезапной трескъ и шумъ,
 И видя быстрой блескъ, мящется слабый умъ;
 Отъ гнѣвнаго часа желаетъ, гдѣбъ укрыться;
 Причины онаго изслѣдовать страшился;
 Дабы изтолковать, что молнія и громъ,
 Такія мысли всѣ счищаетъ онъ грѣхомъ.
 На бичъ, онъ говоритъ, я посмотрѣть не смѣю,
 Когда грозитъ Отецъ намъ яростью своею.
 Но какъ Онъ насъ казнитъ, поднявъ въ пучинѣ валъ,
 То грѣхъ ли то сказать, что въшромъ Онъ нагналъ?
 Когда въ Египтѣ хлѣбъ довольный не родился,
 То грѣхъ ли то сказать, что Нилъ тамъ не разлился?
 Подобно надлежитъ о громѣ разсуждать.
 Но блескъ и звукъ его не давъ главы поднять,
 Держалъ ученыхъ смыслъ въ смущеніи толикомъ,
 Что въ заблужденіи теряли путь великомъ,
 И истинныхъ причинъ достигнуть не могли,
 Поколѣ дѣйствъ въ стеклѣ подобныхъ не нашли.
 Вертясь стеклянный шаръ, даетъ удары съ блескомъ,
 Съ громовымъ сходственнымъ сверканіемъ и трескомъ
 Дивился сходству умъ: но видя малость силъ,
 До лѣта прошлаго сомнишеленъ въ томъ былъ,
 Довольствуя однѣ чрезъ любопытство очи,
 Искалъ въ томъ перемѣнъ пріятныхъ дни и ночи;
 И больше въ томъ одномъ раченія имѣлъ,
 Чтобъ силою стекла болѣзни одолѣлъ;
 И видѣлъ часно въ томъ успѣхи вождѣльны.
 О коль со древними дни наши несравненны!
 Внезапно чудный слухъ по всѣмъ странамъ шепчетъ,
 Что онъ трюмовыхъ стрѣлъ опасности ужъ нѣтъ,
 Что таже сила тучъ гремящихъ вракъ наводитъ,
 Котора отъ стекла движеніемъ изходитъ,

Что

Что зная правила избисканны стекломъ,
 Мы можемъ отвращишь отъ хрании нашихъ громъ.
 Единство оныхъ силъ доказано стократно:
 Мы лѣша нынѣ ждемъ пріятнаго обрашно.
 Тогда о истиннѣ стекло увѣришь насъ,
 Ужасный будетъ ли безбѣденъ грома гласъ?
 Европа нынѣ въ шо всю иысль свою вперила,
 И махины уже пристойны учредила.
 Я слѣдуя за ней, съ Парнаскихъ горъ схожу.
 На время ко стеклу весь шрудъ свой приложу.

Ходя за тайнами въ искусствѣ и природѣ,
 Я слышу возхищенъ веселый гласъ въ народѣ.
 ЕЛИСАВЕТИНА повсюду похвала
 Гласишь премудрости и щедрости дѣла
 Злашья времена! О крошкѣе законы!
 Народу своему прощаетъ миліоны;
 И пользу общую отечества прооря,
 Ученію великъ разшириться въ моря,
 Умноживъ бодрость въ немъ щедрошою своею!
 А ты, о Меценашъ, предшательствомъ предъ Нею,
 Какой наукамъ путь сшараешься открыть,
 Предъ свѣтомъ въ томъ могу свидѣтель вѣрной быть.
 Тебѣ похвальны всѣ, пріятны и любезны,
 Что щадатся постигать ученія полезны.
 Мой посильные и малые шруды
 Коль часто передъ Ней воспоминаешь ты!
 Услышанному быть Ея крошчайшимъ слухомъ,
 Есть новымъ въ бытіи живошвориться духомъ!
 Кшо кажетъ старыхъ смыслъ во дняхъ еще молодыхъ,
 Тотъ будетъ всѣмъ примѣръ, доживъ власовъ сѣдыхъ.

Кто склоннось въ щастіи и добротѣ являешъ,
Тотъ щастіе себѣ недвижно ушверждаетъ.
Всякъ чувствуетъ въ Тебѣ и хвалишь обое,
И небо часныхъ покажетъ сбытіе.

СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ

ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВУ

ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ

ЕЛИСАВЕТѢ ПЕТРОВНѢ,

САМОДЕРЖИЦѢ ВСЕРОССИЙСКОЙ,

Говоренное Ноября 26 дня 1749 года.

Естьли бы въ сей пресвѣплый праздникъ, Слушатели! въ которой подѣ благословенною державою всемилоспѣвѣйшїа Государыни нашея покоящїеся многочисленныя народы торжествуютъ, и веселятся о преславномъ ЕЯ на Всероссійскій престолѣ возшествїи, возможно было намъ радостїю восхищеннымъ вознестись до высошїи поликой, съ которой бы могли мы обозрѣть обширность пространнаго Ея Владычества, и слышать отъ восходящаго до заходящаго солнца непрерывно простирающїяся восклицанїя и воздухъ наполняющїя именоваїемъ ЕЛИСАВЕТЫ; коль красное, коль великолѣпное, коль радостное позорище намъ бы отъкрылось! Коль многоразличными празднующихъ видами духъ бы нашъ возвеселился, когда бы мы себѣ чувствами представили, что во градѣхъ крѣпче миромъ нежели стѣнами огражденныхъ, въ селахъ плодородїемъ благословенныхъ, при моряхъ отъ военной бури и шума свободныхъ, на рѣкахъ изобилїемъ прошекающихъ между веселящимися берегами, въ поляхъ довальствовомъ и безопасностїю украшенныхъ, на горахъ верхи

свои благополучіемъ выше возносящихъ, и на холмахъ радостію препоясанныхъ, разные обитатели разными обра́зы, разные чины разнымъ великолѣпіемъ, разныя племена разными языками едину превозносятъ, о единой веселятся, единою всемилостивѣйшею своею Самодержицею хвалятся! Тамъ со благоговѣніемъ предстоя олтарю Господню чинъ священный, съ куреніемъ благоуханій возвышаешь молитвенные гласы и сердце свое къ Богу о покрывающей, и украшающей церковь его въ тишинѣ глубокой; индѣ при радостномъ звукѣ мирнаго оружія достигаютъ до облаковъ торжественныя плески Россійскаго воинства, показующаго свое усердіе къ благополучной и щедрой своей Государынѣ. Тамъ сошедшись на праздничное пиршество градоначальники и граждане въ любовной бесѣдѣ воспоминаютъ труды ПЕТРОВЫ совершаемые нынѣ бодростію Августѣйшей Его ДЩЕРИ; индѣ по прошествіи плодоноснаго лѣта, при полныхъ житницахъ, ликуя скачутъ земледѣльцы, и простымъ нѣ усерднымъ пѣніемъ Покровительницу свою величаютъ. Тамъ плователи покоясь въ безопасномъ пристанищѣ, въ радости волненіе воспоминаютъ, и сугубымъ веселіемъ день сей препровождаютъ; индѣ по пространнымъ полямъ Азійскимъ разбѣжжая степныя обитатели, хитрымъ искусствомъ стрѣлы свои весело пускаютъ, и показываютъ, коль дни гошovy устремить ихъ на враговъ своѣя Повелительницы. Но хотя естественныя предѣлы силъ человѣческихъ не дозволяютъ радостному взору нашему до того высокаго возвышенія достигнуть, и толикимъ зрѣніемъ насладиться; однако духомъ возносимся,

симся, ревностными крилами мыслей возлетаемъ, и всеобщія увеселенія повсюду видимъ умными очами; которыхъ наипаче къ древнему царствующему граду, вожделѣннымъ присушествіемъ Всепресвѣтлѣйшія Государыни нашей осіянному, простираются. Часто мысленный взоръ нашъ, обозрѣвъ разные торжествъ образы, благословенное Ея владѣніе въ день сей украшающіе, на пресвѣтлое Ея лице обращается, и рассѣянные повсюду увеселенія на немъ единомъ находятъ. На немъ истинное благочесніе веселящее церковь, на немъ мужественную бодрость укрѣпляющую воинство, на немъ крошкое правосудіе, примѣръ судящимъ и опраду судимымъ дающее, на немъ прозорливую премудрость на отдаленныя мѣста и на грядущія времена взирающую, ясно и въ отсутствіи видимъ, и равно какъ въ присуствіи благоговѣнно почитаемъ. Но кто ревностнымъ усердіемъ зрѣніемъ яснѣе оный видитъ, какъ сіе для распространенія наукъ въ Россіи ПЕТРОМЪ Великимъ установленное общество, несказаннымъ Ея великодушіемъ обновленное? Ни горы, ни дѣса закрытъ не могутъ божественнаго Ея зрака начертаннаго въ душахъ нашихъ. Обращаются предъ нами живо Ея сладчайшія уста повелѣвающія насъ восставити, и очи челоуѣколюбно къ намъ сіяющія, и щедрзя рука подписующая благополучіе наше. Ободритъ начинающіяся науки, не щадя своихъ иждивеній; утвердитъ ихъ благосостояніе, предписавъ полезные законы; оградитъ своею милостію, принявъ въ собственное свое покровительство; отворишь имъ къ себѣ свободной доступъ, поручивъ ихъ доброхотному Предпашелю изъ
своихъ

своихъ ближайшихъ, есть только великое благодареніе, которое въ мысляхъ и сердцахъ нашихъ во вѣки незагладимо пребудетъ, и за которое мы, по всей возможности и силѣ нашей, стараясь о приращеніи наукъ, и превознося великую Благодаршельницу похвалами, дѣломъ и словомъ благодареніе приносить должны.

Но когда наипаче къ изъявленію благодарности нашей должно быть намъ возбужденнымъ, какъ въ сей торжественный день пресвѣтлымъ Ея на Отеческій престолъ возшеснвѣемъ осіянный, въ который съ нашимъ особливимъ веселѣемъ общее празднество соединяется? Не можетъ неописанная радость наша въ шѣсныхъ предѣлахъ сердца нынѣ удержаться, но на лице и на языкъ изливаешь. Напрягаются крайнія силы разума и слова изобразить Монаршескія Ея добродѣтели, увеселеніе поданныхъ, удивленіе свѣта, славу и украшеніе времени нашихъ.

Велико дѣло и мѣру моего разума превосходящее предпріемлю, когда при столь знатномъ собраніи, именемъ сего ученаго общества, за несказанное благодареніе, величайшей на свѣтѣ Государынѣ, благодареніе и похвалу приносить начинаю. Но разсудивъ прилѣжно, обрѣтаю оное легко и способно: ибо гдѣ обильнѣйшую матерію сыскаешь краснорѣчіе, гдѣ обширнѣе разпространиться разумъ, гдѣ быспрѣе устремиться искренняя ревность можешь, какъ въ преславныхъ добродѣтеляхъ столь великія Монархини? Когда языкъ мой щедрошами Ея ободренный удобнѣе обращаться, когда голосъ мой великодушнымъ

ко́душемъ Ея укрѣпленный громчае возвыситься можешъ, какъ проповѣдуя и превознося несравненныя Ея достоинства? Не снисканіемъ многословнаго мыслей распространенія увеличено, не витѣватымъ сложеніемъ замысловъ, или пестрымъ преложеніемъ реченій украшено, ниже риторскимъ пареніемъ возвышено будетъ сіе мое слово: но все свое пространство и величество отъ несравненныхъ свойствъ Монархини нашей, всю свою красоту отъ прекрасныхъ Ея добродѣтелей и все свое возвышеніе отъ устремленія къ Ней искреннія ревности приметъ. Ибо приносятся благодареніе Государынѣ благочестивѣйшей свидѣтельствуютъ созидаемые и украшаемые храмы Господни, пощенія, молебства и трудныя путешествія благоговѣнія ради. Приносятся благодареніе Государынѣ мужественной: свидѣтельствуютъ надъ внутренними и внѣшними врагами Ея преславныя побѣды. Приносится благодареніе Государынѣ великодушной: свидѣтельствуютъ прощенные пресупленія внутреннихъ и продержоспи внѣшнихъ непріятелей, и кроткое наказаніе Ея злодѣевъ. Приносятся благодареніе Государынѣ премудрой: свидѣтельствуютъ прозорливо предприемлемыя учрежденія, внутреннее и внѣшнее спокойство утверждающія. Приносятся благодареніе Государынѣ челоѣколюбивой: свидѣтельствуютъ матернее къ подданнымъ Ея снисходительство и возлюбленная къ нимъ кротость. Приносятся благодареніе Государынѣ премилосердой: свидѣтельствуютъ безчисленное множество свободенныхъ отъ смерти и даннѣй. Ей отъ Бога мечъ на казнь повинныхъ

ныхъ кровію еще необагранный. Приносится благодареніе Государынѣ прецедрой: свидѣтельствующе преизобильное снабдѣніе вѣрности, избыточествующее заслугъ награжденіе, вспоможеніе добродѣтельной скудости, и возстановленіе нещастіемъ раззоренныхъ. Въ приятномъ и великолѣпномъ раю разумъ мой нынѣ обращается, и отъ одной цвѣтущей добродѣтели отвлекается красотою другія! всѣ преславы, всѣ прелюбезны. Изъ всѣхъ явствуешь, коль благороденъ есть корень, отъ котораго сей насажденный добродѣтелями виноградъ произрасши процвѣтаетъ. Изъ всѣхъ достоинствъ Монархини нашея показуется, коль велики были Ея предки, которыми оживленная, возставленная, укрѣпленная, возвеличенная, просвѣщенная Россія нынѣ надъ всѣми земными царствами главу свою возноситъ, которыхъ славныя дѣла и заслуги къ ошечеству не меньше надлежатъ къ похвалѣ Ея Величества, нежели кровь оныхъ къ Ея рожденію послужила. Для того описалъ бы я нынѣ вамъ младаго МИХАИЛА, для сшенанія и слезъ прадѣдовъ нашихъ пріемлющаго съ вѣндемъ Царскимъ тяжкое бремя поверженныхъ Россіи, обновляющаго разсыпанныя стѣны, сооружающаго раззоренныя храмы, собирающаго распотченныхъ гражданъ, наполняющаго расхищенные государственныя сокровища, исторгающаго корень богоотступныхъ хищниковъ Россійскаго престола, и Москву отъ жестокаго пораженія и глубокихъ ранъ исцѣляющаго; изобразилъ бы я нынѣ премудраго и мужественнаго АЛЕКСѢЯ, бодрымъ своимъ духомъ ободряющаго Россію, начавшую паки двигать свои мышцы, утверждающаго благополучіе

поддан-

подданныхъ спасительными законами, полкъ военною наукою, церковь испребленіемъ ереси, проспирающаго побѣдоносный мечъ свой на Сармацію, и Россіи издревле принадлежащія великія княжества праведнымъ оружіемъ Россіи возвращающаго; представилъ бы я ПЕТРА именемъ Великаго, дѣлами большаго, вліянною себѣ отъ Бога премудростію просвѣщающаго Россію и мужествомъ вселенную устрашающаго, единою рукою мечъ и скипетръ обращающаго, къ художествамъ проспирающаго другую, правленіемъ всѣхъ земныхъ Монарховъ, трудами рабовъ своихъ превосходящаго, искоряющаго невѣжество и науки насаждающаго, наполняющаго новыми полками землю, и море новымъ флотомъ покрывающаго, военные свои законы собственнымъ примѣромъ утверждающаго, и славу свою со славою общества до небесъ возносящаго; начерпалъ бы я въ умахъ вашихъ Героиню прекрасную Августѣйшую ЕКАТЕРИНУ, среди варварскихъ набѣговъ, среди гремящаго оружія, среди шумящихъ ядръ, непоколебиму духомъ, премудрому Государю премудрыя совѣты дающую, вѣнчаему потомъ его рукою, и пресѣченныя смертію предпріятыя дѣла многотрудившаго Россійскаго Геркулеса на рамена свои пріемлющую: но слово мое къ собственнымъ добродѣтелямъ и достоинствамъ Монархини нашея поспѣшаетъ на нихъ единыхъ истощить всю свою силу, не исчисляя подробну, но шокмо значнѣйшія представляя. Того ради не изображаю словомъ блистающія лѣпоты лица Ея, являющія прекрасную душу, ни сановитаго возраста Монархинѣ приличнаго, ни величественной главы къ ношенію вѣнца рож-

денной, ни устъ щедроту источающихъ, ни очей возрѣнїемъ оживляющихъ. Ибо ко всѣмъ челоуѣколюбивая Государыня взоръ Свой обращаетъ. Всякъ видишь, всякъ въ умѣ своемъ изображаетъ, что такъ Великій ПЕТРЪ обращалъ свои очи, взирая на обновляющуюся Россїю; такъ произносилъ свой голосъ, укрѣпляя воинство и ободряя къ трудамъ подданныхъ; такъ простираетъ Свою руку, учреждая художества и науки, повелѣвая устроить полки ко брани и выходить флоту въ море; такъ возносилъ главу, въѣжая въ побѣжденные грады и попирая поверженное непрїятельское оружіе; толь бодро шествовалъ, осматривая свои начинающїяся сѣбны, строящїеся корабли, исправляющїеся суды, и среди моря со дна встающїя пристани и крѣпости: не представляю внѣшнихъ Монархини наша достоинствъ, но внутреннїя душевныя токмо изобразить попысусъ Ея дарованїя, копорыхъ лику предходить любезное Богу, любезное челоуѣкомъ благочестїе, крѣпкое утвержденїе государствъ, красота вѣнцевъ Царскихъ, непостыдная надежда во брани, неразрывное соединенїе челоуѣческаго общества. Коль великїя нестроенїя, брани и челоуѣкоубїйства въ народахъ единой крови и единого языка отъ раздѣленїя вѣры происходятъ; толь напрошивъ шого крѣпко взаимнымъ любви союзомъ сопрягаешь ихъ единство вѣры, которая хотя много ученїемъ, однако больше примѣрами укрѣпляется. Благополучна Россїя, что единымъ языкомъ едину вѣру исповѣдуетъ, и единою благочестивѣйшею Самодержицею управляема, великій въ Ней примѣръ къ утвержденїю въ православїи видишь. Видишь повсюду
какъ

какъ звѣзды небесныя блистающія и Ею сіянїе свое умножающія церкви: съ удивленіемъ взираешь, что столь многихъ государствъ Повелишельница, которой земля, море и воздухъ къ удовольствію служатъ, часто швердостію вѣры укрѣпляема, строгимъ пощеніемъ и сухояденіемъ шѣло свое изнуряетъ: которой не токмо великолѣпныя колесницы и избранные кони, но и руки и главы сыновъ Россійскихъ къ ношенію тошovy, вперенна усердіемъ купно съ подданными далекій путь къ мѣстамъ священнымъ пѣшешествуетъ. Коль горячимъ усердіемъ воспаляются сердца наши къ Вышнему, и коль несомнѣнно милосердія Его себѣ ожидаемъ, когда купно съ нами предстоящую и молящуюся съ крайнимъ благоговѣніемъ свою Самодержицу предъ очами имѣемъ! Коль мужественно дерзають противъ сопостатовъ Россійскіе воины, зная, что Богъ крѣпкій во брани, Богъ благочестивѣйшую ихъ Государыню любящій, купно съ ними на сраженіе выходить! Коль великою радостію восхищаются мѣста священныя, посѣщаемыя часто Ея богоугоднымъ присутствіемъ! Украшенная святымъ Ея усердіемъ аки невѣста въ день брачный торжествующая Россійская церковь, блистая порфиною и златомъ, и паче радостію сіяя, возвышается окруженна славою къ пресвѣплому жениха своего престолу, и показуя ему свое великолѣпіе вѣщаетъ: такъ украшаетъ меня на земли возлюбленная Твоя ЕЛИСАВЕТА: украси державу и вѣнецъ Ея неувядающею доброю славою; возносишь рогъ мой въ поднебесной: вознеси Ея надъ всѣми обладателями земными; посѣщаетъ меня посѣщеніемъ усерднымъ:

посѣпи Ея благодатію твоею неотступно; утверждаетъ столпы мои въ Россіи: утверди здравіе Ея непоколебимо; споспѣшествуй мнѣ въ побѣжденіи невѣрія; споспѣшествуй Ей въ побѣжденіи гордыхъ и завистливыхъ сопостатовъ, и благословеніемъ своимъ и силою твоею выше осѣни Ея воинство. Сему священному церкви святыя гласу соглауется всѣхъ подданныхъ желаніе; по сему вѣруемъ, что непобѣдимый благочестивыхъ поборникъ славы Господь во всѣхъ предпріятіяхъ и дѣлахъ Августѣйшія Единодержицы наша есть предводитель и защитникъ, и высокою десницею своею управляешь Ея мужество, которому ни внутри Россіи вкоренившіеся, ни ошвиѣ наступающіе непріятели не могли стаять противу. Сіи побѣждены въ едино лѣто; а оныя въ едину ночь низвержены. Окруженный крѣпкою спражею вѣнецъ ошеческій, и Скипетръ вильною рукою держимый и великою властію обьящую Россію: взяты въ свое повелительство, есть дѣло и мужескому сердцу страшное, и великому Герою едва преодолимое. Но Богомъ предводимая Героиня наша, съ маалымъ числомъ вѣрныхъ сыновъ ошечества презираетъ всѣ препяшства, безъ проливанія крови торжествуетъ, и къ общей нашей радости пріемлетъ свое наслѣдство. Чудное и прекрасное видѣніе въ умѣ моемъ изображается, когда себѣ представляю, чино-предходитъ со крестомъ Дѣвица, послѣдующъ вооруженные воины. Она ошеческимъ духомъ и вѣрою къ Богу воспаляется, они ревностію къ Ней пылаютъ; Она исполнитъ желаніе всѣхъ Россіанъ, они изволеніе Тоя совершитъ поспѣшающъ; Она приближаясь

жаясь къ побѣдѣ, кровопрлитной побѣды не желаетъ, они всему свѣту спать противу за Оную усердствуютъ. Но что сему послѣдуетъ? омертвѣли спрегущіе, видя пришествіе Петровой Дщери, и безчувственное оружіе предъ законною своею Государынею изъ шрепещущихъ рукъ падши преклонилось! Просвѣтился Монаршескій домъ Ея входомъ, воссѣялъ пресполъ вступленіемъ, и веселящимся Россіанамъ казалось, что и стѣны Петровы двигались радостію оживленны. Ужаснулись тогда вѣроломные Балшійскіе бреги; приступающіе уже къ предѣламъ нашимъ кичливые сопоспашы оцenenѣли, и зависпавый взоръ свой вспяшь обращая больше о бѣгствѣ, нежели о сраженіи помышляли. Изображался въ устрашенныхъ умахъ ихъ ПЕТРЪ Великій въ мужественной Своей ДЩЕРИ живущій, представлялись имъ опщы ихъ въ мысли, лежащіе въ крови своей на поляхъ Полтавскихъ, и многія тысячи ихъ народа ведомаго въ пльнѣ на отдѣленные половиною свѣпа сшепи; мечшались имъ горящіе ихъ грады и веси, приготовленные Россійскія галеры ходишь по суку, какъ по морю; Россійскія галеры и выѣжающіе противъ нихъ изъ волнь морскихъ всадники. Правда, что побѣждены уже были непріатели при сѣнахъ Вильманспрандскихъ, однако сраженіе было жестоко; чувствовали храбрыя Россійскія руки сопротивленіе, и побѣда куплена немалымъ пролитіемъ крови. Но когда Опеческій скипетръ и мечъ приняла мужественная ЕЛИСАВЕТА, тогда какъ нѣкопорымъ бурнымъ дыханіемъ возмешаемы непріатели, съ шрепешомъ въ бѣгство обратились; и при защищеніяхъ своихъ,

при

при крѣпкихъ стѣнахъ, при непроходныхъ засѣкахъ при рѣкахъ быспрыми водами стремящихся, не шокмо противиться не дерзнули, но и оглянувшись на нихъ едва смѣли, видя, что ни шоккія болота, ни мшистыя озера, ни стремнины крушыя не могутъ препяшествовать праведному Елисаветину гнѣву, и ревности моліеносныхъ Ея воиновъ. Наконецъ такъ ушѣснены отъсюду, такъ окружены были моремъ и землею отъ Россійской силы, что естѣли бы не шоль великодушную Побѣдительницу имѣли, то никто бы изъ нихъ спасень не былъ, и о конечной бы ихъ погибели въ опечесствѣ ихъ возвѣсннть было не кому, кромѣ звучныя славы Ея Величества. Сія побѣда шѣмъ паче прочихъ была предивна, что казалось, якобы и Марсъ, подражая кроткому Государыни нашея нраву, ненавидѣлъ пролитія человѣческія крови; и вся Европа разсуждала, что Россія не войну съ непріятельми имѣла, но шокмо продерскихъ вѣроломцовъ за неистовство наказала. За сродное Государыни нашея свойство вселенная почитаетъ поступать со врагами великодушно. Сего не шокмо при совершенномъ внѣшнихъ непріятелей посрамленіи, но еще во время преславнаго Ея на Опеческій престолъ вступленія великій примѣръ надъ внутренними сопосшашами Ею показанъ. Прибѣгла къ Ней смущенная Россія и гласомъ избранныхъ сыновъ своихъ вѣщала пріими меня въ матернія Твои объятія, пріими наслѣдную Твою державу, и врожденнымъ Тебѣ бодрымъ Опеческимъ духомъ презирай всѣ препяшства. Надѣйся на Бога: онъ праведному Твоему предпріятію предводитель будешь. Надѣйся на Себя :

Себя: Ты едина истинная наслѣдница; Ты Дщерь моего Просвѣщенія. Надѣйся на меня я всѣ свои силы подвигну къ Твоему защищенію, и чрезъ главы и друпы Твоихъ непріятелей отворю путь къ престолу. Но великодушная Государыня паче изволила наслѣдной Своей короны до времени лишаться, нежели оной достигнуть пролитіемъ крови, и наконецъ больше опасаясь бѣдствія Отечеству, нежели себѣ Величества желая, склонилась къ правленію, или вѣще къ сохраненію государства. Возшедъ на высоту поликія власи, ошлучившимъ Ея отъ законнаго наслѣдства, согрубившимъ неистовою гордостію и безсовѣстнымъ утѣсненіемъ огорчившимъ кое мщеніе наноситъ? По закону Божію, по государственнымъ правамъ и по желанію Россійскаго народа, на люшую смерть и на расперзаніе осужденныхъ, токмо удаленіемъ отъ пресвѣтлаго лица Своего наказуетъ; недостойныхъ жизни токмо самовольныя жизни лишаетъ, и великое восшествіе Своего геройское дѣло украшаетъ крайнимъ Своимъ великодушіемъ. Которымъ такъ обильно одарена Монархиня наша, что оное въ пространной Россіи не вмѣщается, но истекаетъ и ко внѣшнимъ народамъ. Побѣждена Швеція Ея оружіемъ, но больше побѣждена великодушіемъ; спрашивая Ея непобѣдимыя силы, но больше чудится великому и благородному духу. Ибо пріобрѣтши полъ великія преимущества непобѣдимая Государыня, съ побѣжденными въ конецъ миръ заключаетъ; но справедливѣе сказать, преступившимъ вину прощаетъ. Кто всю врага своего силу въ рукахъ имѣетъ, и всю свою волю надъ нимъ исполнишь можетъ, однако

однако отдаетъ все обратно, и уже поверженнаго и прошивишься не могущаго возсталяетъ, шотъ не больше ли прощаетъ, нежели примиряется? Но далѣе простирается прехвальная сія Монархини наша добродѣтель, большій примѣръ великодушія показываетъ Россійская Героиня. Ибо не шокмо, опустивъ вратамъ своимъ дерзость, миръ и тишину и земли покоренныя возвращаетъ, но и оружіе свое простираетъ къ ихъ зашитѣ; отвращаетъ съ другой страны грозящую имъ войну, и наслѣдство ихъ престола купно съ вольностію утверждаетъ. Сіе разсуждая, и взирая на цвѣтущее состояніе Россійскаго государства, на изобиліе простираннаго нашего Отечества, и на умѣренность, которою Государыня наша шолікое множество покланяющихся Ей народовъ управляетъ, возможно ли помыслишь вамъ, сосѣды наши, чтобы Ея благородное сердце къ присвоенію чужихъ земель склонилось? Имѣющая шолікое пространство полей плодородныхъ, болотъ ли непроходимыхъ пожелаетъ? Простирающая Скипетръ Свой на протекающія въ Ея послушаніи изобильныя и великій Нилъ превосходящія рѣки, на зыбучіе ли мхи польстится? Господствующая въ земли медъ и млеко шочащей, на камни ли неплодные съ желаніемъ взирать будешь? Что храброе Россійское воинство ко брани устроено, что флотъ готовъ къ покрывію водъ Балтійскихъ, что всѣ военныя пріугошвленія усиѣваютъ; сіе все не войну отъ Россіи наносимую предвозвѣщаетъ, но показываетъ премудрость прозорливья наша Героини. Искусный мореплаватель не шокмо въ страшное волненіе и бурю, но и во время

крошчай-

крошчайшія шишины бодрствуетъ, укрѣпляетъ орудія, готовитъ парусы, наблюдаетъ звѣзды, примѣчаетъ перемѣны воздуха, смотритъ на восстающія тучи, исчисляешь разстояніе отъ береговъ, мѣришь глубину моря и отъ пощаенныхъ водою камней блюдеши. Подобнымъ образомъ премудрая ЕЛИСАВЕТА, хотя радуясь взираетъ на Своихъ подданныхъ наслаждающихся дарованнымъ отъ Ней возлюбленнымъ покоемъ; однако и о будущей ихъ безопасности печется: ограждаетъ ихъ распростертымъ по землі и по морю оружіемъ, и тѣхъ, которые мечемъ не могутъ, мыслями воюющихъ проникашеть окомъ назираетъ; открываетъ пощаенныя тихими струями лести непріятельскія коварства; разсуждаешь о прошедшемъ, разсмаприваешь настоящее, и будущее прелвидишь. Того ради, естли кто изъ завистниковъ благополучія нашего дерзнетъ неистовымъ, или коварнымъ озлобленіемъ миролюбивое Монархини нашея сердце на инѣвъ подвигнуть, то познаешь о всемъ премудрый Ея промыслъ, и хотя онъ пространными морями, великими рѣками, или превысокими горами отъ насъ покрытъ и огражденъ будетъ; однако почувствовавъ свое наказаніе, подумаешь, что иссякло море, прекратили теченіе рѣки, и горы опустившись въ равныя поля претворились; подумаешь что не флотъ Россійскій, но цѣлая Россія къ брегамъ его пристала. Покойся въ радости возлюбленное отечество, и безмятежнымъ вѣкомъ подъ кровомъ Премудрыя твоея Повелительницы наслаждайся. Колѣ безопасно твое благополучіе! Колѣ несравненно съ прошчими твое блаженство! Другіе на

дымящіяся развалины раззоренныхъ отъ непріятеля городовъ своихъ со слезами взирають; но ты на восходящія къ облакамъ новыя великолѣпныя зданія радостный взоръ возводишь. Другіе день и ночь страхомъ объявы перепещутъ, видя съ обнаженными мечами бѣгающихъ другъ за другомъ гражданъ и единородную кровь по спогнамъ проливающихъ; но ты единокрушныхъ сыновъ единыя общія, всѣхъ Матери согласнымъ подданствомъ украшаешь. Иные отъ пресѣченія купечества, отъ разрушенія художества, отъ погранія земледѣльства, наготу и алчбу претерпѣвають; но въ тебѣ купечеству пути открыты, отворены пристани, наполнены богатствомъ торжища, возрастають науки и художества, и жишницы твои преизобилуютъ. Иные хотя отъ военнаго шума и страха свободились, однако видятъ плачевныя слѣды своихъ сопосланныхъ, и суровой оныхъ видъ ясно еще изображается въ ихъ мысляхъ; но тебя въ непрерывной тишинѣ покоящуюся ниже въ сонныхъ привидѣніяхъ военныя страхи возмущаютъ. Сіе твое дражайшее и святое спокойствіе отъ единого премудраго попеченія Прозорливыхъ твоихъ Государыни происходитъ. Ея провидѣніе и промыслъ довольствуешь тебя изобиліемъ, увеселяешь общимъ согласіемъ, обогащаетъ купечествомъ и безмятежнымъ земледѣльствомъ, украшаешь возлюбленнымъ миромъ, и громкою твоею славой вселенную наполняешь. Сіе совершенное наше удовольствіе, общее увеселеніе, обильное обогащеніе, пріятное украшеніе, сію всемирную нашу славу умножаетъ несравненная Монархія божественнымъ Своимъ челоуколюбіемъ ,
когда

Когда возвышенная до толикой высоты власти и величества, которой уже человеческое могущество превзойти не можешь, крайнимъ къ подданнымъ Своимъ снисходительствомъ превыше смертныхъ жребія восходишь. Что пріятнѣе человеческому сердцу, и что чрезвычайнѣе на свѣтѣ быть можешь, какъ Государыню, Повелительницу величайшей части свѣта, отъ всѣхъ племенъ и владыкъ земныхъ почитаемую, ласковымъ взоромъ, крошкою бесѣдою и милосерднымъ пріятіемъ рабовъ своихъ удостаивающую видѣть? Но мы таковымъ пріятнымъ зрѣніемъ услаждаемся по вся дни. Отличается Человѣколюбивая Государыня наша отъ великаго множества окружающихъ Ея подданныхъ не кичливымъ воззрѣніемъ, не уничтожительнымъ гласомъ, не страшнымъ повелѣніемъ, но прекраснымъ Величествомъ, тихою властію, благороднымъ снисходительствомъ и нѣкоторою божественною силою вливающею несказанную радость въ сердца наши. Обращаясь при врагахъ пресвѣтлаго Ея дому не ужась и трепещъ, но крошкое человѣколюбіе, привлекающая сердца всѣхъ милость, и надежный стражъ Величества вѣрная любовь подданныхъ. Входящіе въ него не озираются безпрестанно, спѣшь самихъ ужасаясь, никѣ трепещущія стопы сомнительно простираютъ; но предваряющему ихъ веселію едва въ слѣдъ успѣвая, въ священные Ея чертоги свѣтлымъ лицомъ шествуютъ. Нѣтъ нужды испытывать сокровенныя ихъ мысли: являюща на каждаго очахъ красота общаго удовольствія, и на расширенныхъ челахъ радостныхъ сердець знаки написаны. Коль пріятнымъ чувствіемъ обливаются сердца

28 *

взираю-

взирающихъ на шоль снисходительное Величество! И кое прохладѣнїе втекаетъ въ кровь оцѣнѣвающихъ повинныхъ; когда о милосердіи своя Государыни помышляють, къ котораго изображенію человѣческое слово едва довольно быть можеть! Ни что есть шоль похвально, какъ крошость, ни единой добродѣтели благоушробя нѣтъ любезнѣ, ни чѣмъ естество человѣческое къ божественнымъ свойствамъ не подходитъ ближе, какъ прощеніемъ повинныхъ и свободженіемъ отъ надлежащей казни. Но гдѣ велелася милость на судѣ хвалился, гдѣ крѣпче объемлется правосудіе и милосердіе, гдѣ обвиненіе и прощеніе тѣснѣ сопрягаются, гдѣ осужденіе и свободженіе союзнѣ другъ друга лобзають, какъ предъ высочайшимъ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА престоломъ? Пускай другіе лишая жизни, обгаоря мечъ свой кровію, умалая число подданныхъ, повергая предъ народомъ растерзанные человѣческіе члены, устрашишь злыхъ и пороки истребить тщаяся; но премилосердая Монархія наша больше благоушробіемъ и щедрою успѣваетъ. Пускай другіе ужасными; но Мати Россійская радостными примѣрами исправляетъ человѣческіе нравы. Иные строго и не рѣдко безчеловѣчною казню холятъ искоренить злобу; но Она щедрымъ награжденіемъ вкореняетъ добродѣтель. Естьли кто имѣя великій садъ, шолько объ одномъ истребленіи шернїа печется, забывъ плодоносныя дрѣва и прекрасныя цвѣшны напаять потребною влагою, тошъ не въ долгомъ времени увидишь дрѣва свои сухи и безплодны и цвѣшны увянувшіе отъ зноя; напрошивъ шого, кто дрѣва

плодо-

плодоносныя и процвѣтающія травы въ пристойное время орошаешь, презирая плевы и шокмо прохожденіемъ попирая, шопъ насладишься изобиліемъ дровъ плодоносныхъ и красотою цвѣшовъ возвеселишься, которые усилившись изсушаютъ тучность и соки негодныхъ и вредныхъ прозябѣній, прекратишься шѣхъ ращеніе и корень исплѣешь. Подобнымъ образомъ хотя и полезно есть строгое надъ повинными исполненіе законовъ, но безъ награжденія добродѣтели ищещно, и больше приводитъ въ уныніе добрыхъ, нежели злыхъ исправляетъ; напрошивъ шого награжденіе добродѣтели и снабженіе заслугъ при крошкѣ наказаніи пороковъ, едино сильно, едино къ исправленію нравовъ человѣческихъ довольно: ибо чувствуя себя презрѣнныхъ и поправныхъ злые, и видя возвышенную добродѣтель наслаждающуюся праведною своею мздою, завистію угрызаемы ищающъ, или обратившись, ревностнымъ подражаніемъ шого же достойными себя учинишь стараться будутъ. Таковымъ благо-разумнымъ милосердіемъ щедрая Государыня въ широко распространяющейся Россіи расплодитъ добродѣтель и пороки искоренитъ щдится! Наказуетъ Машерски, Монаршески снабждаетъ, исправляетъ безъ строгости, съ избыткомъ награждаетъ, воскрешаетъ избавленіемъ преступившихъ, заслужившихъ благодѣяніемъ - ободряетъ. Таковую ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА особливую добродѣтель хотя всякъ вѣрный подданный, хотя все Россійское государство чувствуетъ, хотя повсюду щедрая Ея рука обильные дары изливаетъ, такъ что скорѣе голосъ мой ослабѣетъ, языкъ пришупится и слово оскудѣетъ, нежели
подробну

подробну Ея благодѣянїя исчислишь; однако учрежденное отъ дражайшихъ Ея Родителей сіе собраніе, великодушнымъ щедролубивымъ Государыни призрѣніемъ, такъ удовольствовано и такъ снабдено, что крайнѣйшею благодарностію усердствуя, ни вящшаго себѣ благополучїя представить, ниже къ засвидѣтельствванію своего удовольствїя и рабской искренности удобныхъ способовъ изобрѣсти можетъ. Сіе благодѣянїе тѣмъ больше, тѣмъ преславнѣе и ПЕТРОВОЙ ДЩЕРИ достойнѣе, что не токмо до насъ единыхъ, не токмо до учащагося здѣсь юношества, но до всякаго чина и званїя, до всего Россійскаго государства, до всего рода человѣческаго касается. Ибо не токмо мы довольствуясь ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА щедротами, иные въ опкровенїи естественныхъ шайнъ, и въ изслѣдованїи пречудныхъ дѣлъ Премудраго Создателя въ спокойствїѣ услаждаемся; иные преподавая наставленїе учащимся, съ радостію чувствуемъ являющіеся плоды трудовъ нашихъ; не токмо учащіеся питаемы обильною Ея рукою безъ попеченїя о своихъ потребностяхъ, только о наученїи стараться могутъ; но общее благополучїе предлагается. Нѣтъ ни единого мѣста въ просвѣщенной ПЕТРОМЪ Россїи, гдѣ бы плоды своихъ не могли принести науки; нѣтъ ни одного человѣка, которой бы не могъ себѣ ожидать отъ нихъ пользы. Что святѣе и что спасительнѣе быть можетъ, какъ поучаясь въ дѣлахъ Господнихъ, на высокій славы Его престолъ взираешь мысленно, и проповѣдывать Его величество, премудрость и силу? Къ сему отворяетъ Астрономїя пространное рукъ Его зданїе: весь видимый міръ сей, и чудныхъ

чудныхъ дѣлъ Его многообразную хитрость Физика показываетъ, подая обильную и богашую маперію къ познанію и прославленію Творца отъ твари. Что полезнѣе есть человѣческому роду къ взаимному сообщенію своихъ избытковъ, что безопаснѣе плавающимъ въ морѣ, что путешествующимъ по разнымъ государствамъ нужнѣе, какъ знать положеніе мѣстъ, теченіе рѣкъ, разстояніе градовъ, величину, изобиліе и сосѣдство разныхъ земель, нравы, обыкновенія и правительства разныхъ народовъ? Сіе ясно показываетъ Географія, которыя вся вселенная обширность единому взгляду подвергаетъ. Чѣмъ военныя сердца вѣще къ мужественному противъ враговъ дѣйствию и къ храброму защищенію опечесства побуждаются, какъ славными примѣрами великихъ Героевъ? Сіи приводятъ на память Исторія и Стихотворство, которое прошедшія дѣянія живо описуя, какъ настоящія представляетъ: обоими прехвальныя дѣла Великихъ Государей изъ иранныхъ челюстей ѣдкія древности исторгаются. Что превосходнѣе себѣ представить можно, какъ такое средство, которое управляетъ разумъ, показываетъ не прелестный путь произволенію, укрощаетъ человѣческія страсти и естественныя и гражданскіе законы утверждаетъ? Сіе исполняетъ Философія. Что есть человѣку жизни своей дороже и что любезнѣе здравія? Обои сїи Медициною сохраняются и продолжаются. Что въ человѣческомъ обществѣ нужнѣе есть употребленія разныхъ машинъ, и знанія внутренняго вещей сложенія? Сіе открываетъ Химія; Механика оныя составляетъ. Всѣ сїи точною и осторожною Математикою управляются. Всѣ

къ

къ приращенію блаженства человѣческаго хотя разными образы, однако согласною пользою служатъ. Но всѣ сѣи чрезъ особливое щедролубивыя Государыни нашея благодѣяніе въ Россіи умножатся, процвѣтушъ, и принесутъ обильные плоды въ свое время. Произрастетъ здѣсь насажденное ПЕТРОМЪ, огражденное милосшію и напоенное щедрою достойныя толкаго Родителя ДЩЕРИ, прекрасное премудрости древо; возрастетъ и вѣтви свои распростретъ по всей вселенной. Отверста богатою ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА рукою широкая дверь наукамъ въ пространную Россію, въ которой онѣ во всякомъ довольствіи и въ полной безопасности распростираясь, новое приращеніе, новое украшеніе, новое просвѣщеніе и новую славу пріобрѣтутъ, и въ новомъ великолѣпїи на нечаянной высотѣ, на самомъ верьху своего совершенства поставленныхъ себя всему свѣту покажутъ, и полнымъ своимъ сіяніемъ оставшуюся ночь варварства изъ самыхъ отдаленныхъ и нынѣ еще едва извѣстныхъ мѣстъ разсыплютъ. Ибо гдѣ удобнѣе совершиться можетъ звѣздочетная и землемѣрная наука, какъ въ обширной ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА державѣ, надъ которою солнце цѣлую половину своего теченія совершаетъ, и въ которой каждое свѣтило восходящее и заходящее въ едино мгновеніе видѣть можно? Многообразные виды естественныхъ вещей и явленій гдѣ способнѣе изслѣдовать, какъ въ поляхъ великое свое пространство различнымъ множествомъ цвѣтущихъ украшающихъ, на верьхахъ и въ нѣдрахъ горъ выше облаковъ восходящихъ и разными сокровищами насыпанныхъ, въ рѣкахъ ошъ знойныя Индіи до вѣчныхъ льдовъ

льдовъ пропекающихъ, и на многихъ пространныхъ моряхъ полныхъ дивными Божіими чудесами, подъ ЕЛИСАВЕТИНОЮ державою волны свои преклоняющихъ? Гдѣ безопаснѣйшее жилище Музы обрѣсти могутъ, какъ въ пространной и безмятежной Россіи, прозорливостію Монархини нашея успокоенной и непобѣдимой Ея силою огражденной? О коль великое благодѣяніе отъ сего Монархини нашея щедролюбія во весь свѣтъ распространится! О коль вождельбно благополучіе ваше, Россійскіе юноши, которые толикою милостію щедрія Государыни питаемы, въ радостныхъ трудахъ упражняетесь! Представте себѣ будущее ваше состояніе, къ которому вы избраны, со благоговѣніемъ внимайте, что Августѣйшая ИМПЕРАТРИЦА, довольствуя васъ своею казною, матерски повелѣваетъ: Обучайтесь прилѣжно; Я видѣть Россійскую Академію изъ сыновъ Россійскихъ состоящую желаю; поспѣшайте достигнуть совершенства въ наукахъ: сего польза и слава отечества, сего намѣреніе Моихъ Родителей, сего Мое произволеніе требуетъ. Не описаны еще дѣла Моихъ предковъ, и не воспѣта по достоинству ПЕТРОВА великая слава. Простирайтесь въ обогащеніи разума и въ украшеніи Россійскаго слова. Въ пространной Моей державѣ неоцѣненные сокровища, которыя натура обильно произноситъ, лежатъ погашенны и только искусныхъ рукъ ожидаютъ; прилагайте крайнее стараніе къ естественныхъ вещей познанію, и ревностно старайтесь заслужить Мою милость. Сіе щедрое ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА повелѣніе слыша, дерзайте, бодрствуйте, успѣвайте въ шеніи вашемъ. И вы, которые

Часть II.

29

входѣ

входъ къ наукамъ свободно отворенъ, употребляйте сію щедрошу въ пользу сыновъ вашихъ, и намѣренія Пешрова, попеченія Екашеринина и Елисаветина великодушія щедно не оставляйте. Не всуе среди сего царствующаго града жилище наукамъ воздвигнуто, но чѣмъ управляющіе гражданскія дѣла изъ мѣстъ судебныхъ; упражняющіеся въ военномъ дѣлѣ со стѣнъ Пешровыхъ, предстоящіе Монаршескому лицу изъ пресвѣплаго Ея дому, строящіе и управляющіе флотъ Россійскій съ верховъ корабельныхъ, и обращающіеся въ купечествѣ съ судовъ и съ пристанища на сіе зданіе взирали, среди своихъ упражненій о наукахъ помышляли, и къ нимъ бы любовію склонялись. Правда чѣмъ прекрасное сіе музѣ жилище къ несказанной нашей крайней горести, печали и сокрушенію нечаяннымъ злоключеніемъ отъ грознаго пожара пріятный видъ свой на плачевное позорище премѣнило, на которое мы едва безъ спенанія и слезъ взиравъ можемъ; но въ сей нашей скорби едино имѣемъ утѣшеніе, на едино щедролюбіе Всемилоштивѣйшій Государыни нашей уповаемъ, вѣдая, что нѣтъ такой напасти, нѣтъ такого щастія, которое бы великодушнѣмъ Ея превышено и щедрою рукою отвращено не было. Толь велико есть щедролюбіе несравненныхъ МОНАРХИНЪ наша! толикою добродѣтелью украшенъ престолъ Всероссійскій! Таковыхъ Монарховъ посылаетъ Богъ на землю, когда онъ смертныхъ милуетъ; толь благочестивыхъ, когда моленія ихъ слышатъ и приношенія пріимать соизволяетъ; толь мужественныхъ и великодушныхъ, когда враговъ ихъ повертнувъ и по-
срамишь

срамить хочеть ; шоль премудрыхъ , когда блаженство ихъ умножить предприемлетъ ; шоль человеколюбивыхъ , шоль милосердыхъ и шоль щедрыхъ , когда ихъ утѣшить, умножить и ущедрить преклоняется. Красуйся великими сими Вышняго дарами, ВСЕМИЛОСТИВѢЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ! и божественными Твоими благодѣянїями увеселяйся. Куда Твое пресвѣтлое око ни обратишся , вездѣ радостныя лица Твоихъ подданныхъ , вездѣ избавленныхъ Твоимъ великодушїемъ , и шолько милосердїемъ Твоимъ живущихъ , вездѣ обильно Тобою награжденныхъ и Тобою возвышенныхъ видишь. Вся сѣверная страна хотя во всякое время, однако особливо въ сей пресвѣтлый прѣзидникъ , по прошествїи плодоноснаго лѣта и при окончанїи благословенной осени , отъ земли плодами, отъ моря богатствомъ , отъ всюду Твоимъ щастїемъ изобилующая , многочисленными торжествующихъ гласы превозноситъ Твое преславное на отеческїй престолъ возшесшїе, и оныя восклицанїя , которыя тогда отъ внезапной радости и отъ истинной любви происходили, нынѣ многократно повторяешь. Наше необписанное удовольствїе и крайняя благодарность хотя никоимъ краснорѣчїемъ изображены бытъ не могутъ ; однако искреннюю ревность и рабскую вѣрность нашу ВЕЛИЧЕСТВУ ТВОЕМУ симъ засвидѣтельствовать щдимся по мѣрѣ силъ нашихъ, вѣдая, что Богъ и Божїю власть на земли имѣющїе не столько на хитросплетенныя риторическїя сложенїя, сколько на чистое усердїе взираютъ.

СЛОВО ПОХВАЛЬНОЕ
БЛАЖЕННЫЯ ПАМЯТИ
ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ
ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ,

Говоренное Апрѣля 26 дня 1755 года.

Священнѣйшее помазаніе и вѣнчаніе на Всероссійское государство Всемилостивѣйшій Самодержицы нашей празднуя, слушатели, подобное видимъ къ Ней и къ общему опеческву Божіе снисхожденіе, каковому въ Ея рожденіи и въ полученіи опеческаго достояніа чудимся. Дивно Ея рожденіе предзнаменованіемъ царства; преславно на престолъ возшествіе повроченнымъ свыше мужествомъ; благоговѣйныя радости исполнено пріятіе Опеческаго вѣнца съ чудными побѣдами отъ руки Господни. Хотя бы еще кому сомнительно было, отъ Бога ли на земли обладатели поставляются, или по случаю державы достигаютъ; однако единымъ рожденіемъ Великія Государыни нашей увѣришься о томъ должно, видя что Она уже тогда избрана была владычествовать надъ нами. Не астрологическія сомнительныя гаданія, отъ положенія планетъ произведенія, ниже другія по шеченію натуре бывающія перемѣны и явленія, но ясныя признаки Божія провидѣнія послужашъ сему въ доказательство. Преславная надъ непріятелями Пешрова подъ Полшавою побѣда съ рожденіемъ сея Великія Дщери Его въ единъ годъ приключилась, и въѣжающаго въ Москву съ шоржествомъ Побѣдителя приходящая въ миръ встрѣтила ЕЛИСАВЕТА. Не першомъ ли здѣсь указующій является Про-

Промыслъ? не слышимъ ли мысленнымъ ухомъ вѣщающаго гласа? видимъ, видимъ исполненіе обѣщаннаго вамъ предзнаменованіями благоденства. ПЕТРЪ торжествовалъ, побѣдивъ внѣшнихъ непріятелей, и своихъ искоренивъ измѣнниковъ; ЕЛИСАВЕТА для подобныхъ родилась пріумфовъ. ПЕТРЪ возвративъ законному Государю корону, въ отеческій градъ шествовалъ; ЕЛИСАВЕТА въ обществѣ человеческое вступила, для возвращенія себѣ пощомъ Отеческой короны. ПЕТРЪ сохранивъ Россію отъ расхищенія, вмѣсто мрачнаго страха принесъ безопасную и пресвѣтлую радость; ЕЛИСАВЕТА увидѣла свѣтъ, дабы пролить на насъ сіяніе опрады, избавивъ отъ мрака печалей. ПЕТРЪ велъ за собою многочисленныхъ плѣнниковъ, не меньше великодушіемъ, нежели мужествомъ побѣжденныхъ; ЕЛИСАВЕТА отъ утробы разрѣшилась, дабы послѣ плѣнныя сердца подданныхъ человеколюбіемъ, крошестію, щедрошю. Коль чудныя Божія судьбы видимъ, Слушатели! съ рожденіемъ побѣду; съ облегченіемъ Родительницы избавленіе отечества; съ обыкновенными при рожденіи обрядами чрезвычайное торжественное вшествіе; съ пеленами побѣдительныя лавры, и съ первымъ младенческимъ гласомъ всерадостныя плески и восклицанія! Не всѣмъ ли сими рожденной тогда ЕЛИСАВЕТѢ предвозвѣщены Отеческія добродѣтели, предвозвѣщено Отеческое царство?

Въ доступленія онаго сколь много Всемогущій Промыслъ споспѣшествовалъ Ея геройству, о томъ радостныя воспоминанія во вѣки не умолкнутъ. Ибо Его
силою

силою и духомъ подвижница Героиня наша, Всѣроссійскому государству, достойной Его славы, великимъ дѣламъ и намѣреніямъ Петровымъ, внутреннему сердцу нашихъ удовольствію, и общему блаженству знатной чаши свѣта, принесла спасеніе и обновленіе. Велико дѣло есть избавленіе единаго человѣка; но коль несравненно больше спасеніе дѣлаго народа! Въ тебѣ, дражайшее отечество, въ тебѣ видимъ сего довольные примѣры. Междоусобными предковъ нашихъ враждами, неправдами, грабленіями и братоубійствами раздраженный Богъ, поработилъ тебя нѣкогда чужому языку; и на пораженное глубокими язвами швое шѣло наложилъ тяжкія вериги! Пошомъ стenanіемъ твоимъ и воплемъ преклоненный, послалъ тебѣ храбрыхъ Государей, свободи пелей отъ порабоженія и пошленія, которые соединивъ твои раздробленные члены, возвращаи тебѣ и умножили прежнюю силу, величество и славу. Не меньшаго паденія избавила Россійскій народъ предводимаа Богомъ на Отеческій престолъ Великая ЕЛИСАВЕТА; но большаго удивленія достойнымъ образомъ. Внутреннія болѣзни бывающъ бѣдешвеніе наружныѣ; такъ и въ нѣдрахъ государства воспитанная опасность вредительнѣ внѣшнихъ нападеній. Удобнѣ наружныя язвы исцѣляются, нежели внутреннія поврежденія. Но сличивъ исцѣленіе Россіи отъ пораженія варварскимъ оружіемъ извнѣ нанесеннаго, съ удивительнымъ крыющагося внутри вреда врачеваніемъ Елисаветиною рукою произведеннымъ противное находимъ. Тогда для исцѣленія ранъ наружныхъ обогрены были поля и рѣки не меньше Россійскою, нежели

Жели Агарянскою кровію. Въ благословенные дни наши великодушная ЕЛИСАВЕТА вкоренившійся вредъ внутрь Россіи безъ всѣхъ нашихъ шомленій истребила въ краткое время; и болѣзнующее отечество яко бы единымъ божественною силою исполненнымъ словомъ исцѣлила, сказавъ: *возстани и ходи; возстани и ходи, Россія. Оттряси свои сомнѣніи и страхи; и радости и надежды исполненна, красуйся, ликуй, возвышайся.*

Таковыя изображенія въ мысляхъ представляеть намъ, Слушатели, воспоминаніе тогдашней радости! Но оныя усугубляются, когда подумаемъ, что мы не токмо отъ утѣшенія, но и отъ презрѣнія тогда свободились. Что прежде избавленія нашего народы о насъ разсуждали? Не отзываются ли еще ихъ рѣчи въ памяти нашей? Россіяне, Россіяне, ПЕТРА Великаго забыли! За Его труды и заслуги не воздаютъ должнаго благодаренія; не возводятъ Дщерь Его на престолъ Опеческій; Она оставлена, не помогаютъ; Она оптринуша, не возвращаютъ; Она пренебрегаема, не ошмщаютъ. О коль великъ стыдъ и посмѣяніе! Но несравненная Героиня возшествіемъ Своимъ ошняяла поношеніе отъ сыновъ Россійскихъ и передъ всѣмъ свѣтомъ оправдала, что не нашего усердія не доставало, но сносило Ея великодушіе; не наша ревность оскудѣвала, но Она не хотѣла пролитія крови; не нашему малодушію оно приписывать должно, но Божескому промыслу, которой благоволилъ показати шбмъ свою власть, Ея мужество, и нашу радость усугубить. Таковыя благодаренія усстроилъ намъ Вышній вступленіемъ на Опеческій престолъ Великія ЕЛИСАВЕТЫ!

Чтожь

Чтожь нынѣшній праздникъ? Верхъ и вѣнецъ прежде-реченныхъ. Вѣнчалъ Господь Ея чудное рожденіе, вѣнчалъ преславное восшествіе, вѣнчалъ безприкладныя добродѣтели. Вѣнчалъ благодатию, ободрилъ благонадежною радостію, и благословилъ громкими побѣдами, восшествію Ея подобными. Ибо какъ внутренніе врати поѣждены безъ пролитія крови; такъ и внѣшныя съ малымъ урономъ преодолены были.

Облачается Монархія наша въ порфиру; помазуется на Царство, вѣнчается, пріемлетъ Скипетръ и Державу. Радуются Россіяне, и плесками и восклицаніями воздухъ наполняютъ; ужасаются сопостатны и блѣднѣютъ; уклоняются, даютъ хребетъ Россійскому войску, укрываются за рѣки, за горы, за болота; но вездѣ ушѣсляетъ ихъ сильная рука вѣнчанная ЕЛИСАВЕТЫ; оныя единого Ея великодушія ослабу получаютъ. Коль лонныя предзнаменованія благословеннаго Ея владѣнія во всемъ вышереченномъ видимъ, и вождельнному сбытію ихъ съ радостію чудимся! По примѣру Великаго Своего Родителя даетъ Государямъ короны, успокоеваетъ мирнымъ оружіемъ Европу, утверждаетъ Россійское наслѣдство; исшекаетъ злато и серебро изъ нѣдръ земныхъ къ Ея и къ общему удовольствію; избавляются подданные отъ шатости; земля не обаграется Россійскою кровію ни внутри ни внѣ государства, умножается народъ, и доходы приращаютъ; возвышаются великолѣпныя зданія, исправляются суды, насаждаются науки среди Государства, повсюду возлюбленная пищина и Монархія нашей подобное время тосподствуетъ.

И

И такъ когда несравненная Государыня наша предзнаменованное въ рожденіи, полученное мужествомъ, утвержденное побѣдоноснымъ вѣнчаніемъ, и украшенное преславными дѣлами Отеческое царство возвысила; то по справедливости всѣхъ дѣлъ и похвалъ Его истинная Наслѣдница. Слѣдовашельно похваляя ПЕТРА, похвалимъ ЕЛИСАВЕТУ.

Давно долженствовали науки представить славу Его ясными изображеніями, давно желали въ нарочномъ торжественномъ собраніи превознести несравненныхъ дѣла своего основателя: но вѣдая, коль великое искусство требуется къ сложенію слова, ихъ достойнаго, понушѣ умолчали. Ибо о семъ Герое должно предлагать, чего о другихъ еще не слыхано. Нѣтъ въ дѣлахъ Ему равнаго: нѣтъ равныхъ примѣровъ въ краснорѣчіи, которымъ бы мысль послѣдуя, могла безопасно пуститься въ толикую глубину ихъ множества и величества. Однако на конецъ разсудилось, лучше въ краснорѣчіи, нежели въ благодарности показать недостатокъ; лучше съ произносимыми отъ усердной простоты разговорами, соединить искренностію украшенное слово, нежели молчать между толикими праздниственными восклицаніями; наипаче когда Всевышній Господь всѣхъ торжествъ нашихъ красоту усугубилъ, пославъ во младомъ Государѣ Великомъ Князѣ ПАВЛѢ ПЕТРОВИЧѢ всевождебный залогъ Своея къ намъ Божественныя милости, которую въ продолженіи Пѣтрова племени почишаемъ. И такъ оставивъ боязливое сомнѣніе, и уступивъ ревностной смѣлости мѣсто, сколько есть духа и голоса, должно употребить, или

Часть II.

30

паче

паче, истощивъ на похвалу нашего Героя. Сіе предпринимая, откуда начну мое слово? Онь шѣлесныхъ ли Его дарованій? онь крѣпости ли силъ? Но оныя явсшуютъ въ преодоленіи трудовъ тяжкихъ, трудовъ неисчетныхъ, и въ разрушеніи ужасныхъ препятствій. Онь Геройскаго ли виду и возраста, съ величественною красотою соединеннаго? Но кромѣ многихъ, которые начертанное въ памяти его изображение живо представляющъ. удостовѣряющъ разныя государства и города, которые славою Его движимы, во срѣшеніе спекались, и дѣламъ Его соотвѣствующему и великимъ Монархамъ приличному взору чудились. Онь бодрости ли духа приему начало? Но доказываетъ его неусыпное бдѣніе, безъ котораго не возможно было произвести дѣлъ столь многихъ и великихъ. Того ради непосредственно приступаю къ ихъ предложенію, вѣдая, что удобнѣе принять начало, нежели конца достигнуть; и что великій сей Мужъ ни онь кого лучше похваленъ быть не можетъ, кромѣ того, кто подробно и вѣрно труды Его исчислишь; естли бы только исчислишь возможно было.

И такъ сколько сила, сколько краткость опредѣленнаго времени позволить, важнѣйшія токмо дѣла Его упомянемъ; пошомъ преодоленныя въ нихъ сильныя препятствія; на конецъ его добродѣтели, въ шаковыхъ предпріятіяхъ споспѣшествовавшія.

Къ великимъ Своимъ намѣреніямъ премудрый Монархъ предусмотрѣлъ за необходимо нужное дѣло, чтобы всякаго рода знаніе разпространишь въ опшество; и
людей

людей искусныхъ въ высокихъ наукахъ, также художниковъ и ремесленниковъ размножить; о чемъ Его опеческое попеченіе хотя прежде сего мною предложено, однако ежели оное описать обстоятельно, то цѣлое мое слово еще къ тому не достанетъ. Ибо неоднократно облетая, на подобіе Орла быстпропарящаго, Европейскія государства, опчассти повелѣніемъ, опчассти важнымъ своимъ примѣромъ побудилъ великое множество своихъ подданныхъ, оставивъ на время опечество, и искусствомъ увѣриться, коль великая происходитъ польза человѣку и цѣлому государству отъ любопытнаго путешествія по чужимъ краямъ. Тогда отворились широкія врата великія Россіи; тогда чрезъ границы и пристани, на подобіе прилива и отлива въ пространномъ Океанѣ бывающаго, то выѣзжающіе для пріобрѣтенія знаній въ разныхъ наукахъ и художествахъ сыны Россійскіе, то приходящіе съ разными искусствами, съ книгами, съ инструментами иностранные, безпресшаннымъ текли движеніемъ. Тогда машемашическому и физическому ученію, прежде въ чародѣйство и волхование вѣнчанному, уже одѣянному порфиною, увѣнчанному лаврами и на монаршескомъ престолѣ посажденному, благоговѣнное почитаніе, въ освященной Пешровой Особѣ приносилось. Таковымъ сіяніемъ величества окруженные науки и художества всякаго рода какую принесли намъ пользу, доказываетъ избыточествующее изобиліе многоразличныхъ нашихъ удовольствій, которыхъ прежде великаго Россіи Просвѣтителя предки наши не токмо лишались; но о многихъ и понятія не имѣли. Коль многія нужныя вещи,

которыя прежде изъ дальнихъ земель съ трудомъ и за великую цѣну въ Россію приходили, нынѣ внутри государства производятся, и не токмо насъ довольствуютъ, но избыткомъ своимъ и другія зѣмли снабждаютъ. Похвалялись нѣкогда окрестные сосѣди наши, что Россія, государство великое, государство сильное, ни военного дѣла, ни купечества безъ ихъ спомоществованія надлежащимъ образомъ производить не можетъ, не имѣя въ нѣдрахъ своихъ не токмо драгихъ металловъ для монетнаго чистенія, но и нужнѣйшаго желѣза, къ пріуготовленію оружія, съ чѣмъ бы стасть противъ непріятеля. Изчезло сіе нареканіе отъ просвѣщенія Петрова: отверсты внутренности горъ сильною и трудолюбивою Его рукою. Проливаются изъ нихъ металлы, и не токмо внутри отечества обильно разпространяются, но и обратнымъ образомъ, яко бы заемныя вѣшнимъ народамъ отдаются. Обращаетъ мужественное Россійское воинство противъ непріятеля оружіе, пріуготованное изъ горъ Россійскихъ, Россійскими руками.

О семъ для защищенія отечества, для безопасности подданныхъ и для безпрепятственнаго произведенія внутри государства важныхъ предпріятій, о семъ нужномъ учрежденіи порядочно войска, коль великое имѣлъ Великій Монархъ попеченіе, коль стремительное рвеніе, коль рачительное всѣхъ способствъ, всѣхъ путей изысканіе, шому всему когда надивишься довольно не можемъ, возможемъ ли изобразить оное словомъ? Родитель Премудраго Нашего Героя, блаженныя памяти Великій Государь Царь АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЬ, между многими преславными

славными дѣлами, положилъ начало регулярнаго войска, котораго спомоществованіемъ сколько на войнѣ имѣлъ успѣху, свидѣтельствующъ счастливые его походы въ Польшѣ и пріобрѣщенные обратно къ Россіи Провинціи. Но все Его о военномъ дѣлѣ попеченіе съ жизнію пресѣклось. Возвратились старинные безпорядки, и Россійское воинство больше въ многочислѣ, нежели въ искусствѣ показавъ могло свою силу, которая сколько по шомъ ослабѣла, явствуетъ изъ бывшихъ тогда противъ Турокъ и Татаръ бесполезныхъ военныхъ предпріятій; а болѣе всего изъ необузданныхъ и пагубныхъ стрѣleckихъ возмущеній, отъ неимѣнія порядочной расправы и расположенія происшедшихъ. Въ таковыхъ обстоятельствахъ кто могъ помыслить, чтобы двенадцати лѣтъ Острокъ, сплученный отъ правленія государства, и только подъ премудрымъ покровительствомъ чадолубивыя Своея Родительницы отъ злобы защищаемый, между непрестанными спраками, между копьями, между мечами на Его родивенниковъ и доброжелателей и на Него самого обнаженными, началъ учреждать новое регулярное войско, котораго могущество въ скоромъ послѣ времени почувствовали непріатели, почувствовали и воспрепечали; и которому нынѣ вся вселенная по справедливости удивляется? Кто могъ помыслить, что бы отъ дѣтской, какъ казалось: игры шоль важное, шоль великое могло возрасти дѣло? Иные видя нѣсколько молодыхъ людей со младымъ Государемъ обращающихъ разнымъ образомъ легкое оружіе разсуждали, что сіе одна Ему шоль была забава, и по шому сіи новонабранные люди Потѣшными

ными назывались. Нѣкоторые имѣя большую прозорливость, и примѣшивъ на юношескомъ лицѣ цвѣтущую геройскую бодрость, изъ очей сіяющее остроуміе, и въ движеніяхъ сановитую поворошливость, размышляли, коль храбраго Героя, коль Великаго Монарха могла ужѣ тогда ожидать Россія! Но набрать многіе и великіе полки, пѣхотинше и конные, удовольствоваться всѣхъ одеждою, жалованьемъ, оружіемъ и прочимъ военнымъ снарядамъ, обучить новому артикулу, завести по правиламъ артиллерію полевую и осадную, къ чему не малое знаніе Геометріи, Механики и Химіи требуется, и паче всего имѣть во всемъ искусныхъ начальниковъ; казалось по справедливости невозможное дѣло: ибо во всѣхъ сихъ потребностяхъ знатной неѣдоспашокъ и лишеніе Государевой власти отняли послѣднюю къ тому надежду и малѣйшую вѣроятность. Однако что по томъ послѣдовало? Паче общезароднаго чаянія, противу невѣроятія оставившихъ надежду, и выше преципашельныхъ происковъ и язвительнаго роптанія самой зависши, загремѣли внезапно новыя полки Петровы, и въ вѣрныхъ Россіянахъ радостную надежду, въ противныхъ страхахъ, въ обоихъ удивленіе возбудили. Невозможное учинилось возможно чрезвычайнымъ раченіемъ, а паче всего неслыханнымъ примѣромъ. Взирая нѣкогда Сенашъ Римскій на Траяна Кесаря, стоящаго предъ Консуломъ, для принятія отъ него Консульскаго достоинства, возгласилъ *Тѣмб ты болѣе, тѣмб ты величественнѣе!* Какія восклицанія, какіе плески ПЕТРУ Великому бышь долженствовали, для Его бесприкладнаго снисхожденія? Видѣли, видѣли ошцы

опцы' наши вѣнчаннаго своего Государя не въ числѣ кан-
дидатовъ Римскаго Консульства, но межъ рядовыми сол-
датами; не власи надъ Римомъ пребывающаго, но под-
данныхъ своихъ мановенія наблюдающаго. О вы мѣста
прекрасны мѣста благополучны, которыя столь чуднымъ
зрѣнiемъ насладились! О какъ вы удивлялись друже-
ственному непріятельству полковъ единого Государя,
начальствующаго и подчиненнаго, повелѣвающаго и по-
винующагося! О какъ вы удивлялись осадѣ, защищенію
и взятію домашнихъ новыхъ крѣпостей, не для настоя-
щаго корысти, но ради будущаго славы; не для усмиренія
сопротивныхъ, но ради ободренія единоплеменныхъ учи-
ненному! Мы нынѣ озираясь на оныя минувшія лѣта,
представляемъ, коль великою любовію, коль горячею
ревностію къ Государю воспалялось начинающееся войско,
видя Его въ своемъ сообществѣ, за однѣмъ столомъ,
тую же пріемлющаго пищу; видя лице Его пылью и
пѣшомъ покрытое, видя, что опъ нихъ ни чѣмъ не
разнишя, кромѣ того, что въ обученіи и въ трудахъ
всѣхъ прилѣжнѣе, всѣхъ превосходнѣе. Таковымъ чрезвы-
чайнымъ примѣромъ премудрый Государь, исходя по-
чинамъ съ подданными, доказалъ, что Монархи ни чѣмъ
такъ величества, славы и высоты своего достоинства
прирастишь не могутъ, какъ подобнымъ сему снисхо-
жденіемъ. Таковымъ поощреніемъ укрѣпилось Россійское
воинство, и въ двадцатилѣтнюю войну съ короною Швед-
скою, и по томъ въ другіе походы, наполнило громомъ
оружія, и побѣдоносными звуками концы вселенныя. Прав-
да, что первое подѣ Нарвою сраженіе было неудач-
ливо

ливо; но противныхъ преимущество и Россійскаго воинства уступленіе къ ихъ прославленію и къ нашему униженію больше отъ зависти и гордости увеличены, нежели каковы были самою вещію. Ибо хотя Россійское войско было по большей части двукратное, противъ стараго и къ сраженіямъ пріобыкшаго; хотя несогласіе учинилось между нашими полководцами, и злохитрой переметчикъ открылъ непріятелю всѣ обстоятельство нашего стана; и хотя Карлъ второйнадесять скоропостижнымъ нашествіемъ не далъ времени Россіянамъ построиться; однако они и по отступленіи отняли у непріятеля смѣлость продолжать бой, и докончашъ побѣду; такъ что оставшаяся въ цѣлости Россійская Лейбгвардія и не мало прочаго войска за тѣмъ только напасть на непріятеля не отважились, что не имѣли главныхъ предводителей, которыхъ Онъ призвавъ для мирнаго договора, удержалъ, какъ своихъ плѣнниковъ. Того ради Гвардія и прочее войско съ оружіемъ, съ военною казною распусшивъ знамена, и ударивъ въ барабаны, въ Россію возвратились. Что сія неудача больше для показанныхъ несчастливыхъ обстоятельствъ, нежели для неискusstва войскъ Россійскихъ приключилась, и что Пепрово новое войско уже въ младенчествѣ своемъ могло побѣждать привыкшіе полки противныхъ, доказали въ слѣдующее лѣто, и по томъ многія одержанныя надъ ними преславныя побѣды.

Я къ вамъ обращаю мое слово, нынѣ мирные сосѣди; когда вы сіи похвалы военныхъ дѣлъ нашего Героя, когда вы превозносимыя мною побѣды Россійскаго воинства
надъ

наль вами услышите; не въ поношеніе, но больше въ честь вашу припишите. Ибо стояшь долгое время противъ сильнаго Россійскаго народа, стояшь противъ ПЕТРА Великаго, противъ Мужа, посланнаго отъ Бога на удивленіе вселенныя, и на конецъ быть отъ Него побѣжденнымъ, есть славнѣе, нежели побѣдить слабые полки подъ худымъ предводительствомъ. Почитайте по справедливости истинною своею славою храбрость Героя вашего Карла; и по согласію всего свѣта утверждайте, что едва бы кто возмогъ устоять предъ лицомъ его гнѣва; когда бы чудною Божескою судьбою не былъ въ отечествѣ нашемъ противъ Его воздвигнутъ ПЕТРЪ Великій. Его храброе и введеннымъ регулярствомъ устроенные полки, вослѣдовавшими въ скоромъ времени побѣдами, доказали, коль торяча ихъ ревность, каково въ военномъ дѣлѣ искусство, пріобрѣтенное отъ премудраго наставленія и примѣра. Оставляя многочисленныя побѣды, которыя Россійское воинство сраженіями числится пріобыкло; не упоминая великаго множества взятыхъ городовъ и твердыхъ крѣпостей, имѣемъ довольно свидѣтельство въ двухъ главныхъ побѣдахъ, подъ Лѣснымъ и подъ Полтавою. Гдѣ болѣе удивилъ Господь Свою на насъ милость? Гдѣ явственнѣе открылось, коль сильныя имѣло успѣхи въ заведеніи новаго войска благословенное начинаніе и ревностное раченіе Петрово? Что сего чуднѣе, что невѣроятнѣе могло вослѣдовать? Войско къ регулярству давно пріобыкшее изъ областей непріятельскихъ, дерзостію къ бою приведенное, подъ предводительствомъ славныхъ начальниковъ въ воин-

скомъ упражненіи все время положившихъ; войско всякими снарядами преизобильно снабденное, уклоняется отъ сраженія съ новыми Россійскими полками, числомъ много меньшими. Но онѣ не дая сопротивнымъ отдохновенія, быстрымъ печеніемъ постигли, сразились, побѣдили; и главной ихъ предводитель съ малыми остатками едва плѣненія избылъ; чтобы принести своему Государю плачевныя вѣсти. Которыми хотя онѣ сильно возмущился; однако мужественнымъ и спремительнымъ духомъ бодрствуя, еще поощрялся противъ Россіи; еще не могъ увѣриться, чтобы малолѣтное войско ПЕТРОВО могло устоять противъ его возмужавшей силы, наступающей подъ его самого предводительствомъ; и надѣясь на дерзостныя обнадеживанія безсовѣстнаго Россіи измѣнника, не усомнѣлся вступить въ украинскіе предѣлы нашего отечества. Обращалъ высокомерными размышленіями Россію, и весь Сѣверъ чаялъ уже быть подъ ногою своею. Но Богъ въ награжденіе трудовъ неусыпныхъ воздалъ ПЕТРУ совершенную побѣдою надъ симъ презрителемъ Его раченій; которой противу своего чаянія, не токмо очевиднымъ былъ свидѣтелемъ невѣроятныхъ Героя нашего въ военномъ дѣлѣ успѣховъ; но и бѣгствомъ своимъ не могъ избѣгнуть мечшающейся въ мысляхъ стройной храбрости Россійской.

Толь знашными побѣдами прославивъ съ Собою Великій Монархъ во всемъ свѣтѣ Свое воинство, наконецъ доказалъ, что Онѣ сіе больше для нашей безопасности учредишь старался! Ибо не токмо узаконилъ, чтобы
оное

оное никогда не распускать, ниже во время безмятежнаго мира, какъ то при бывшихъ прежде Государяхъ, не рѣдко къ не малому упадку могущества и славы опечесства, происходило; но и содержащъ всегда въ исправной готовности. О истинное Опеческое попеченіе! Многокрапно напоминалъ Онъ своимъ ближнимъ вѣрнымъ подданнымъ, иногда со слезами прося и цѣлуя, чтобы толь великимъ трудомъ и съ толь чуднымъ успѣхомъ предпріятное обновленіе Россіи, а паче военное искусство, не было послѣ Него въ нерадѣніи оставлено. И въ самое то всерадостное время, когда благословилъ Богъ Россію славнымъ и полезнымъ миромъ со Шведскою короною, когда усердныя поздравленія и должные ему титулы *Императора, Великаго, Отца Отечества*, приносились, не преминулъ подтвердить публично Правительствующему Сенату, что надѣясь на миръ, не надобно ослабѣвать въ военномъ дѣлѣ. Не симъ ли назнаменовалъ ясно, что Ему сіи высокіе титулы не были пріятны, безъ наблюденія и содержанія впредь завсегда регулярнаго войска?

Обозрѣвъ скорымъ окомъ на сухомъ пути силы Петровы, въ младенчествѣ возмужавшія, и обученіе свое съ побѣдами соединившія, прострѣмъ чрезъ воды взоръ нашъ, слушатели; посмотримъ тамъ дѣла Господни, и чудеса его въ глубинѣ, ПЕТРОМЪ показанныя, и свѣтъ удивившія.

Пространная Россійская держава на подобіе цѣлаго свѣта едва не отовсюду великими морями окружается, и оныя себѣ въ предѣлы поспавляетъ. На всѣхъ видимъ

распущенные Россійскіе флаги. Тамъ великихъ рѣкъ устья и новыя пристани едва вмѣщаютъ судовъ множество; индѣ стонуть волны подъ тягостью Россійскаго флота, и въ глубокой пучинѣ огнедышущіе звуки раздаются. Тамъ позлащенные и на подобіе весны процвѣтающіе корабли въ тихой поверхности водъ изображаясь, красотою свою усугубляютъ; индѣ достигнувъ спокойнаго пристанища плаваешь, удаленныхъ странъ избытки выгружаешь, къ удовольствію нашему. Тамъ новыя Колумбы къ невѣдомымъ берегамъ поспѣшаютъ, для приращенія могущества и славы Россійской; индѣ другой Тифисъ между оражающимися горами плыть дерзаетъ; со снѣгомъ, со льдомъ, съ вѣчными льдами борется, и хочетъ соединить востокъ съ западомъ. Откуда, толикая слава и сила Россійскихъ флотовъ, по столь многимъ морямъ, въ краткое время распространилась? откуда матеріи? откуда искусство? откуда машины и орудія нужныя въ столь трудномъ и многообразномъ дѣлѣ? Не древніе ли исполины, вырывая изъ густыхъ лѣсовъ и горы превысокихъ великіе дубы, по берегамъ повергли къ спросенію? Не Амфіоны ли сладкимъ лирнымъ играніемъ подвинули разнообразныя части къ сложенію чудныхъ крѣпостей, летящихъ чрезъ волны? Таковымъ бы истинно вымысламъ чудная поспѣшность Петрова въ сооруженіи флота приписалась, если бы такое невѣроятное; и выше силъ человеческихъ бытъ являющееся дѣло, въ оплавленной древности приключилось и не было бы въ твердой памяти у многихъ очевидныхъ свидѣтелей, и въ письменныхъ безъ всякаго изысканія достовѣрныхъ извѣстій.

Въ.

Въ сихъ мы съ удивленіемъ читаемъ, отъ оныхъ не безъ сердечнаго движенія въ дружелюбныхъ разговорахъ слышимъ, что не лъзя опредѣлишь, сухопутное ли, или морское войско учреждая, больше труда положилъ ПЕТРЪ Великій. Однако о томъ нѣтъ сомнѣнія, что въ обоихъ былъ не ушомимъ, въ обоихъ превосходень. Ибо какъ для знанія всего, что ни случается въ сраженіяхъ на сухомъ пуши, не токмо прошолъ всѣ чины, но и всѣ мастерства и работы испыталъ собственнымъ искусствомъ: дабы ни надъ кѣмъ не просмотрѣть упущенія должности, и ни отъ кого излишества свѣше силъ не потребовашъ; подобнымъ образомъ и во флотѣ, не учинивъ опыта, ничего не оставилъ, въ чемъ бы только Его проницательныя мысли, или трудолюбивыя руки могли упраздниться. Съ того самаго времени, когда онаго, вещію малаго ботика, но дѣйствіемъ и славою великаго, изобрѣшеніе побудило неусыпный духъ Петровъ къ полезному раченію основать флотъ, и на морской глубинѣ показатъ Россійское могущество, устремилъ и распростеръ великаго разума Своего силы во всѣ важнаго оего предпріятія части. Которыя разсматривая, увѣрился, что въ столь трудномъ дѣлѣ успѣховъ имѣть не возможно; ежели онъ самъ довольнаго въ немъ знанія не получитъ. Но гдѣ оное постигнуть? Что Великій Государь предпріемлеть? Чудилось прежде безчисленное народа множество, стекшееся видѣть восхищающее позорище на поляхъ Московскихъ, когда нашъ Герой, едва выспувивъ изъ лѣтъ младенческихъ, въ присутствіи всего Царскаго дома, при знашнихъ чинахъ Россійскаго го-
сударя

государства, и при знашномъ собраніи дворянства, те радующихся, по поврежденія здравію Его боящихся, шрудился, размѣривая регулярную крѣпость, какъ масперъ; копая рвы, и взвозя землю на раскаты, какъ рядовой солдашъ; всѣмъ повелѣвая, какъ Государь; всѣмъ дая примѣръ, какъ премудрый Учитель и Просвѣтитель. Но вѣдшее возбудилъ удивленіе, вѣдшее показалъ позорище предъ очами всего свѣта, когда сначала на малыхъ водахъ Московскихъ, по томъ на большой ширинѣ озеръ Ростовскаго и Кубинскаго, наконецъ въ пространствѣ Бѣлаго моря, увѣрять о несказанной пользѣ мореплаванія, ошлучился на время изъ своего государства, и сокрывъ Величество Своея Особы между простыми работниками въ чужой землѣ корабельному дѣлу обучаться не погнушался. Удивлялись сперва чудному дѣлу прилучившіеся съ нимъ купно въ обученіи, какъ Россіянинъ шоль скоро не шокмо простой плотнической работѣ научился, не шокмо ни единой части къ спроектию и сооруженію кораблей нужной не оставилъ, кошорой бы Своими руками не умѣлъ здѣлать; но и въ морской архитектурѣ шоликое пріобрѣлъ искусство, что Голландія не могла уже удовольствоваться Его глубокаго пониманія. По томъ шоль великое удивленіе во всѣхъ возбудилось, когда увѣдали, что не простой шоль былъ Россіянинъ; но Самъ шоль великаго государства Обладатель къ шягостнымъ шрудамъ простеръ рожденныя и помазанныя для ношенія скипетра и державы руки. Но шолько ли было, что для одного любопытства, или по крайней мѣрѣ для указанія и повелительства въ Голландіи и въ Британіи до-
сшигъ

сстигъ совершенной теоріи, и практики къ сооруженію флота и въ мореплавательной наукѣ? Вездѣ Великій Государь не токмо повелѣніемъ и награжденіемъ, но и собственнымъ примѣромъ побуждалъ къ трудамъ подданныхъ! Я вами свидѣтельствуюсь великія Россійскія рѣки, я къ вамъ обращаюсь щасливые береги, посвященные Пепровыми снопами и попомъ Его орошенные. Коль часто раздавались на васъ быстрые и ревностные клики, когда тяжкіе къ составленію корабля пріуготованные члены не рѣдко тихо отъ работающихъ движимые, наложеніемъ рукъ Его къ скорому теченію устремлялись, и оживленное примѣромъ Его множество съ невѣроятною поспѣшностію совершали великія громады! Коль чуднымъ, и ревностному сердцу чувствительнымъ зрѣніемъ наслаждались спешіеся народы, когда оныя великія зданія къ сошествію на воду приближались! Когда неусыпный ихъ Основатель и Строитель многократно по наверху оныхъ, по подъ ними обращаясь, по кругомъ обходя, примѣчалъ твердость каждой чашпи, силу машинъ, всѣхъ предосторожностей точность, и усмотренные недостатки исправлялъ повелѣніемъ, ободреніемъ, догадкою и неутомимыхъ рукъ Своихъ поспѣшнымъ искусствомъ. Симвъ неусыпнымъ раченіемъ, симъ непобѣдимымъ въ трудѣ постоянствомъ, баснословная древнихъ поспѣшность, не вымыслами, но правдою, во дни Пепровы показалась!

Коль радостны были великому Государю поликіе въ морскомъ дѣлѣ успѣхи, къ несказанной пользѣ и славѣ
госу-

государства, явленіемъ Его произведенные, легко изъ этого усмотрѣть можно, что не токмо воздаяніемъ удовольствовавалъ спотрудившихся съ Собою; но и безчувственному дереву показалъ преславной знакъ благодарности. Покрываются Невскія струи судами и флагами; не вмѣщаютъ берега великаго множества спекшихся зрителей; колеблется воздухъ и стонетъ отъ народного восклицанія, отъ шума весель, отъ трубныхъ гласовъ, отъ звука огнедышащихъ машинъ. Какое щастіе, какую радость намъ небо посылаетъ? Кому на сръженіе Монархъ нашъ съ таковымъ великолѣпіемъ выходитъ? Вещному божику! но въ новомъ и сильномъ первенствующему флотѣ. Представивъ сего величество, красоту, могущество и славныя дѣйствія; и купно оного малость и худость, видимъ, что сего никому въ свѣтѣ произвести не было возможно, кромѣ исполинской смѣлости въ предпріятіи, и неустомимой въ совершеніи бодрости Петровой.

Превосходенъ на земли, несравненъ на водахъ силою и славою военною былъ Великій нашъ Защитникъ!

Отъ краткаго сего и часть нѣкоторую трудовъ Его содержащаго исчисленія, уже чувствую упомненіе, Слушатели; но великое и пространное похвалъ Его вижу поле предъ собою! И такъ дабы къ совершенію печенія слова моего силы и опредѣленнаго времени доспало, употреблю возможную поспѣшность.

Къ основанію и произведенію въ дѣйство столь великой морской и сухопутной силы, свѣрхъ сего къ строенію

строенію новыхъ городовъ, крѣностей, пристаней, къ сообщенію рѣкъ великими каналами, къ укрѣпленію пограничныхъ линей валами, къ долговременной войнѣ, къ столь частнымъ и дальнымъ походамъ, къ строенію публичныхъ и приватныхъ зданій новою архитектурою, къ сысканію искусныхъ людей и всѣхъ другихъ способовъ для распространенія наукъ и художествъ, на содержаніе новыхъ чиновъ придворныхъ и штабскихъ, колы великая казна требовалась, всякому ясно представить можно, и разсудить, что къ тому не могли достать доходы Петровыхъ Предковъ. Того ради премудрый Государь крайнее приложилъ стараніе, какъ бы внутренніе и внѣшніе государственные сборы умножить безъ народнаго раззоренія. И по врожденному Своему просвѣщенію усмотрѣлъ, что не токмо казнѣ великая прибыль воспослѣдуетъ; но и общее подданныхъ спокойство и безопасность единымъ учрежденіе утвердился. Ибо когда еще не было число всего Россійскаго народа, и cadaго челоуѣка жилище извѣстно, своевольство не пресѣчено, каждому, куда хочеть, преселиться и странствовать по своему произволенію не запрещалось; наполнены были улицы безстыдною и шатающеюся нищею; дороги и великія рѣки не рѣдко запирались злодѣйствомъ воровъ и цѣлыми полками душегубныхъ разбойниковъ, отъ которыхъ не токмо села, но и города разорялись. Превратилъ, премудрый Герой вредъ въ пользу, лѣность въ прилѣжаніе, раззорителей въ защитниковъ; когда исчислилъ подданныхъ множество утвердилъ cadaго на своемъ жилищѣ, наложилъ легкую, но извѣстную подать;

Часть II.

32

чрезъ

чрезъ что умножилось, и учинилось извѣстное количество казенныхъ внутреннихъ доходовъ, и число людей въ наборахъ; умножилось прилѣжаніе и строгое военное ученіе. Многихъ, которые бы въ прежнихъ обстоятельствахъ оспались вредными грабителями, принудилъ горючими быть къ смерти за отечество.

Сколько другія къ сему служащія премудрыя учрежденія спомоществовали, о томъ умолчаю: упомяну о приращеніи внѣшнихъ доходовъ. Всевышняго промыслъ споспѣшествовалъ добрымъ намѣреніямъ и раченіямъ Петровымъ: отворилъ рукою Его новыя пріиспани на Варажскомъ морѣ при городахъ храбростію Его покоренныхъ и собственнымъ трудомъ воздвигнутыхъ. Соккуплены великія рѣки для удобнѣйшаго проходу Россійскаго купечества, сочинены пошлинные уставы, утверждены купеческіе договоры съ разными народами. И такъ приращая внутри и внѣ довольство, сколько спомоществовало, явствуетъ изъ самаго начала сихъ учреждений. Ибо продолжая двадцать лѣтъ трудную войну Россія, отъ долговъ была свободна.

Чтожь? ужъ ли всѣ великія дѣла Петровы изображены слабымъ моимъ начертаніемъ? О коль много еще размысленію, голосу и языку моему шруда осмается! Я вамъ, Слушатели, я вашему знанію препоручаю, коль много требовало неусыпности основаніе и установленіе правосудія, учрежденіе Правительствующаго Сенага, Святейшаго Синода, государственныхъ коллегій, канцелярій и другихъ мѣстъ присудетвенныхъ съ узаконеніями, регламен-

гламенѣми, уставами; расположеніе чиновъ, заведеніе виѣшнихъ признаковъ, для оказанія заслугъ и милости; на конецъ полишѣка, посольства и союзы съ чужими державами. Вы все сіе сами въ просвѣщенныхъ ПЕТРОМЪ-умахъ вашихъ представте. Мнѣ только остается предложить едино крашкое всего изображеніе. Когда бы прежде начала Пепровыхъ предпріятій приключилось кому оплутѣться изъ Россійскаго отечества въ отдаленныя земли, гдѣ бы Его имя не затремѣло; буде такая земля есть на свѣстѣ; по томъ бы возвращаясь въ Россію, увидѣлъ новыя въ людяхъ знанія и искусства, новое платье и обходительства, новую архитектуру съ домашними украшеніями, новое строеніе крѣпостей, новой флотъ и войско; всѣхъ сихъ не шокмо иной образъ, но и шеченіе рѣкъ и морскихъ предѣловъ усмотрѣлъ перемѣну: чѣмъ тогда помыслилъ? Не могъ бы разсудить иначе, какъ, что онъ былъ въ странствованіи многіе вѣки; либо все то учинено въ шоль крашкое время общими силами человѣческаго рода; или творческою Всевышняго рукою; или на конецъ все мечтается ему въ сонномъ при-видѣніи.

Изъ сего моего почти шѣнь едину Пепровыхъ славныхъ дѣлъ показующаго слова, видѣть можно, коль они велики! Но что сказать о страшныхъ и опасныхъ препятствіяхъ бывшихъ на пути исполнскаго Его шеченія? Больше похвалу Его возвысили! Подвержено шакowymъ перемѣнамъ состояніе человѣческое, что изъ благополучныхъ прошивныхъ, изъ прошивныхъ благополучныя слѣдствія раждаются. Что приращенію нашего благополучія могло быть

сего противнѣ, когда Россію обновляющему ПЕТРУ и купно отечеству извнѣ нападенія, извнутри огорченія, ошовсюду опасности грозили, и пагубныя слѣдства пріу-гошворялись? Война дѣла домашнѣя, домашнѣя дѣла войну онягощали, кошорая еще прежде начала своего начала бытъ вредительна. Подвигнулся великій Государь изъ отечества съ великимъ посольствомъ видѣвъ Европейскія государства, познавъ ихъ преимущества: дабы возвращаясь, употребить ихъ въ пользу Своихъ подданныхъ. Только лишь прешель владѣнія Своего предѣлы, вездѣ ощутилъ великія и тайно поставленныя препоны. Однако оныхъ, какъ по всему свѣту извѣщенныхъ, нынѣ не упоминаю. Мнѣ кажется, и бездушныя вещи чувствовали опасность приближающуюся къ Россійской надеждѣ. Чувствовали струи Двинскія, и будущему своему Повелителю, между густымъ льдомъ, къ спасенію отъ устроенныхъ коварствъ, спезю открыли, и преодолѣныя Имъ опасности Балтійскимъ берегамъ, разливаясь, возвѣсшили. Избывъ отъ опасности, поспѣшаль въ радостномъ пуши Своемъ, довольствуя очи и сердце и обогащая разумъ. Но ахъ! Неволєю пресѣкаешь Свое преславное теченіе. Какую имѣлъ самъ съ собою распрю! Съ одной стороны влечешь любопытство и знаніе отечеству нужное: съ другой стороны само бѣдствующее отечество, кошорое къ Нему, къ единому своему упованію, простерши руки восклицало: Возвратися, поспѣшно возвратися: меня терзають внутри измѣнники! Ты странствуешь для моего блаженства: со благодареніемъ признаваю: но прежде укроти свирѣпыхъ: Ты растался

со

со Своимъ домомъ, со Своими кровными, для приращенія моей славы; съ усердїемъ почитаю; но успокой опасное неспроеніе: оставилъ данный Тебѣ отъ Бога вѣнецъ и скипетръ, и проснымъ видомъ скрываешь лучи Своего Величества для моего просвѣщенія: съ радостною надеждою того желаю; но отврати мрачную грозу неспокойства съ домашняго горизонта. Такими движеніями сердца проникаясь, возвратился для утолненія страшныя бури! Таковыя противности воспящали Герою нашему въ славныхъ подвигахъ! Коль многими отъсюду окруженъ былъ непріятелями! Извнѣ воевала Швеція, Польша, Крымъ, Персія, многіе восточные народы, Оттоманская Порта; извнузрь спрѣльцы, раскольники, козаки, разбойники. Въ домѣ отъ самыхъ ближнихъ, отъ своей крови злодѣйства, ненависть, предательства на дражайшую жизнь Его пріуготовлялись. Что все подробно описать трудно и слушать не безболѣзненно! Къ радости въ радостное время обратимся. Помогъ Всевышній ПЕТРУ преодолѣть всѣ тяжкія препятствія, и Россію возвысить. Споспѣшествовалъ Его благочестію, премудрости, великодушію, мужеству, правдѣ, снисходительству, трудолюбію. Усердіе и вѣра къ Богу во всѣхъ Его предпріятіяхъ извѣстна; первое Его веселіе былъ домъ Господень; не слушатель токмо предстоялъ божественной службѣ, но самъ чиновначальникъ. Умножилъ вниманіе и благоговѣніе предстоящихъ Своимъ Монаршескимъ гласомъ; и внѣ государственнаго мѣста съ просными пѣвцами на ряду стоялъ передъ Богомъ. Много имѣемъ примѣровъ Его благочестія; но одинъ нынѣ довлѣетъ. Выѣжая въ срѣшеніе

шѣлу

шѣлу святаго и храбраго Князя Александра, благоговѣннѣя исполненнымъ дѣйствіемъ подвигнулъ весь градъ, подвигнулъ спруй Невскія. Чудное видѣніе! Гребущъ Кавалеры, самъ Монархъ на кормѣ управляешь, и къ простыхъ людей шрудѣ предъ всѣмъ народомъ помазанныя руки простираешь, вѣры ради Ею укрѣпляясь, избылъ многократнаго стремленія кровожаждущихъ измѣнниковъ. Осѣнилъ Господь надъ главою Его силою свыше въ день Полтавскія брани, и не допустилъ къ Ней прикоснуться смертоносному металлу! Разсыпалъ передъ Ними, какъ нѣкогда Ерихонскую Нарвскую стѣну, не во время ударовъ изъ огнедышущихъ махинъ, но во время божественной службы.

Освященнаго и огражденнаго благочестіемъ одарилъ Богъ несравненно премудростію. Какая важность въ разсужденіяхъ; непришворная въ словахъ краткость, въ изображеніяхъ точность, въ произношеніи сановитость, жадность къ познанію, прилѣжное вниманіе благоразумныхъ и полезныхъ разговоровъ; въ очахъ и на всемъ лицѣ разума постоянство. Черезъ сѣи Петровы дарованія приняла новой видъ Россія, основаны науки и художества, учреждены посольства и союзы, отвращены хищные умыслы нѣкоторыхъ державъ противъ нашего Отечества, и Государямъ, иному сохранено королевство и самодержавство, иному возвращена опнытая непріятельми корона. Изъ всего предреченнаго довольно явствующей, свыше вліянной Ему премудрости, споспѣшествовало Его Геройское мужество: оною удивилъ вселенную,

симъ

симъ устрашилъ противныхъ. Въ самомъ Своемъ нѣжномъ младенчествѣ, показалъ при военныхъ обученіяхъ безспрашіе. Когда всѣ смотрѣли новаго дѣла, мешанія бомбъ на означенное мѣсто, весьма опасались поврежденія; молодой Государь въ близости смотрѣвъ всѣми силами порывался, и слезами Своея Родительницы, прошеніемъ Братнимъ и знаемыхъ персонъ моленіемъ едва былъ одѣржанъ. Спранствуя въ чужихъ государствахъ для ученія, коль многія презиралъ опасности, для обновленія Россіи. Плаваніе по непостоянной морской пучинѣ служило Ему вмѣсто увеселенія. Коль много красть морскія волны возвышая гордые верьхи свои непревратной смѣлости были свидѣтели, быстро пекущимъ флосомъ разсѣкаемы, въ корабли ударяли, и съ яримъ пламенемъ и ревущимъ по воздуху мешалдомъ въ едину опасность совокуплялись, Его не устрашили! Кто безъ ужаса представитъ можеть лежащаго по полямъ Полтавскимъ въ устроенномъ къ бою Своемъ войскѣ ПЕТРА, между градомъ пуль непріятельскихъ, около главы Его шумящихъ, возвышающаго сквозь звуки гласъ Свой, и полкъ къ смѣлому сраженію ободряющаго. И пы знойная Персія ни быспрыми рѣками, ни топучими болошами, ни стремнинами горъ превысокихъ, ни ядовитыми источниками, ни раскаленными песками, ни внезапными набѣгами непостоянныхъ народовъ не могла препятить нашесвѣю нашего Героя, не могла удержатъ торжественнаго вѣзда въ наполненные пошаснымъ оружіемъ и лукавствомъ горды.

Больше

Больше примѣровъ о Геройскомъ Его духѣ, для краткости не предлагаю, Слушатели: не упоминаю многихъ сраженій и побѣдъ въ Его присутствіе и Его предводительствомъ бывшихъ: но представляю Его великодушіе великимъ Героямъ сродное, которое украшаетъ побѣды, и больше движетъ сердца человѣческія, нежели храбрые поступки. Въ побѣдахъ имѣешь участіе храбрость воиновъ; вспоможеніе союзниковъ; мѣста и времени удобность, и больше всего присвоетъ себѣ счастье, какъ бы нѣкоторое собственное свое достояніе. Великодушію побѣдителю все принадлежить единому. Славнѣйшую получаетъ побѣду, кто себя побѣждаетъ. Не имѣютъ въ ней ни войны, ни союзники, ни время, ни мѣсто, ни само господствующее дѣлами человѣческими счастье ни малѣйшаго жребія. Правда, побѣдителямъ разумъ удивляется; но великодушныхъ любитъ сердце наше. Таковъ былъ Великій нашъ Защитникъ. Отлагалъ гнѣвъ Свой купно со оружіемъ, и не шокмо изъ непріятелей никто живоша лишень не былъ, какъ только прошивъ Его ополченный; но и безприкладная честь имъ показана. Скажите Шведскіе военачальники, подъ Полтавою плененные, что вы тогда помышляли, когда ожидая связанія препоясаны были поднятыми противъ насъ мечами своими; ожидая посаженія въ темницы, посажены были за столомъ Побѣдительскимъ; ожидая посмѣянія, поздравлены были вашими учителями? Коль великодушнаго Побѣдителя вы имѣли!

Великодушію сродно и часто сопряженно есть правосудіе. Первое званіе поставленныхъ отъ Бога на земли обла-

обладателей есть управляти мѣръ въ преподобіи и правдѣ; награждать заслуги, наказывать преступленія. Хотя военныя дѣла и великія другія упражненія, а особливо прекращеніе вѣку много препятствовали Великому Государю установитъ во всемъ непремѣнныя и ясныя законы; однако сколько на то трудовъ Его положено, несомнѣнно удостовѣряють многіе указы, уставы и регламенты, которыхъ составленіе многочисленныя дни отдохновенія, многочисленныя ночи сна Его лишили. Докончатъ и привести къ совершенству судилъ Богъ подобной таковому Родителю Дщери, въ безмятежное и благословенное Ея владѣніе.

Но хотя ясными и порядочными законами не утверждено было до совершенства; однако въ сердцѣ Его написано было правосудіе. Хотя не все въ книгахъ содержалось, но дѣломъ совершалось. При всемъ томъ милость на судѣ хвалилась въ самыхъ тѣхъ случаяхъ, когда многимъ Его дѣламъ препятствующія злодѣянія къ строгости принуждали. Изъ многихъ примѣровъ одинъ докажетъ. Простивъ многихъ знапныхъ особъ за тяжкія преступленія, объявилъ Свою сердечную радость пріятіемъ ихъ къ столу Своему и пущечною пальбою. Не ошягощаетъ Его казнь стрѣлцкая. Представилъ себѣ, и помыслилъ, что Ему ревность къ правдѣ, что сожалѣніе о подданныхъ, что Своя опасность въ сердцѣ говорила. Пролила неповинная кровь по домамъ и по улицамъ Московскимъ, плачущъ вдовы, рыдають сироты, воющъ насилуемныя жены и дѣвицы, сродники мои въ домѣ моемъ предъ очами моими живота лишились, и

Часть II.

33

острое

острое оружіе было къ сердцу моему приспавлено. Я Богомъ сохраненъ, сносилъ, уклонялся, я внѣ града странствовала. Нынѣ полезное мое путешесвіе пресѣкли, вооружаясь явно противъ отечества. За все сіе ежели не опмщу, и конечной пагубы не пресѣку казню; ужѣ вижу напередъ площади наполнены шруповъ, расхищаемые дома разрушаемы храмы, Москву со всѣхъ сторонъ объемлему пламенемъ, и любезное отечество повержено въ дыму и въ пепелѣ. Всѣ сіи пагубы, слезы, кровь на мнѣ Богъ взыщеть. Такого конечнаго правосудія наблюденіе принудило Его къ строгости.

Ни чѣмъ не могу я больше доказать Его милостиваго и кроткаго сердца, какъ безприкладнымъ снисхожденіемъ къ Его подданнымъ. Превосходенъ дѣловыми, возвышенъ величествомъ, возвеличенъ преславными дѣлами; но все сіе больше безприкладнымъ снисхожденіемъ умножилъ, украсилъ. Часо межъ подданными своими просто обращался, не имѣя великаго и Монаршескаго присущаго показующаго великолѣпія и раболѣпства. Часо дѣщему свободно было просто встрѣтиться, слѣдовать, идти вмѣстѣ, зачать рѣчь, кому попребужся. Многихъ прежде Государей раби на плечахъ, на головахъ своихъ носили: Его снисхожденіе превознесло выше самихъ Государей. Во время самаго веселія и отдохновенія предлагались дѣла важныя; важность не умаляла веселія, и простота не унижала важности. Какъ ожидалъ, принималъ и встрѣчалъ своихъ вѣрныхъ! Какое увеселеніе за сшоломъ Его было! Спрашиваешь, слушаешь, ошвѣчаешь, разсуждаешь какъ съ друзьями; и
сколько

сколько время стола малымъ числомъ пищи сокращалось, столько продолжалось снисходительными разговорами. Межь полъ многими государственнымъ попеченіями жилъ какъ пріятелями въ прохлажденіи. Въ колъ малыя хижины художниковъ вибщаль Свое Величество; и самыхъ низкихъ, но искусныхъ и вѣрныхъ рабовъ ободрялъ Своимъ посѣщеніемъ! Колю часто съ ними упражнялся въ художествахъ и въ трудахъ разныхъ! Ибо онъ привлекалъ къ тому больше примѣромъ, нежели принуждалъ силою. И ежели что тогда казалось принужденіемъ, нынѣ явилось благодѣяніемъ. За ошдохновеніе почиталъ Себѣ трудовъ Своихъ перемѣну. Не токмо день или утро, но и солнце на восходѣ освѣщало его на многихъ мѣстахъ за разными трудами. Государственныя правительствующія и судебныя мѣста, имъ учрежденныя, въ Его присудствіи дѣла вершили. Различныя художества не токмо Его Присмотромъ, но и рукъ Его вспоможеніемъ къ приращенію поспѣшали; публичныя строенія, корабли, пристани, крѣпости всегда видѣли, и имѣли Его въ основаніи показателя, въ трудѣ ободрителя, въ совершеніи награждителя. Чужъ Его путешествія, или лучше быстропарящія летанія? Едва услышало гласъ повелѣнія Его Бѣлое, уже чувствуетъ Балшійское море; едва путь Его скрылся на водахъ Азовскихъ, уже шумятъ уступающія ему Каспійскія волны. И вы великія рѣки, Южная Двина и полночная, Днѣпръ, Донъ, Волга, Бугъ, Висла, Одра, Алба, Дунай, Сяквана, Тамиза, Рень, и прочія скажите, сколь много кратъ вы удостоились изображать видъ Великаго ПЕТРА въ струяхъ вашихъ? Скажите! я не могу исчи-

слишь! Мы нынѣ только съ радостнымъ удивленіемъ смотримъ, по какимъ путямъ Онъ шествовалъ, подъ которымъ древомъ имѣлъ ошдохновеніе, изъ котораго источникъ уполялъ жажду, гдѣ съ проспыми людьми какъ простой работникъ трудился, гдѣ писалъ законы, гдѣ начерталъ корабли, пріиспани, крѣпости, и гдѣ между шѣмъ какъ пріятель обращался съ подданными Своими. Какъ небесныя свѣтила теченіемъ, какъ море приливомъ и опливомъ; такъ Онъ попеченіемъ и трудами для насъ былъ въ непрестанномъ движеніи.

Я въ полѣ межъ огнемъ; я въ судныхъ засѣданіяхъ межъ трудными разсужденіями; я въ разныхъ художествахъ между многоразличными махинами; я при строеніи городовъ, пристаней, каналовъ, между безчисленнымъ народа множествомъ; я межъ спенаніемъ валовъ Бѣлаго, Чернаго, Балшійскаго, Каспійскаго моря и самаго Океана духомъ обращаюсь; вездѣ ПЕТРА Великаго вижу, въ пошѣ, въ пыли, въ дыму, въ пламени; и не могу самъ себя увѣрить, что одинъ вездѣ ПЕТРЪ, но многіе; и не крашкая жизнь, но лѣтъ тысяча. Съ кѣмъ сравню Великаго Государя! Я вижу въ древности и въ новыхъ временахъ обладашелей великими названныхъ. И правда предъ другими велики; однако предъ ПЕТРОМЪ малы. Иной завоевалъ многія государства; но свое отечество безъ призрѣнія оставилъ. Иной побѣдилъ непріятеля, уже великимъ именованнаго; но съ обѣихъ сторонъ пролилъ кровь своихъ гражданъ, ради одного своего честолюбія, и вмѣсто шріумфа слышалъ плачь и рыданіе своего отечества.

Иной

Иной многими добродѣтелями украшенъ; но вмѣсто чинобъ воздвигнуть, не могъ удержатъ тяжести падающаго государства. Иной былъ на земли воинъ; однако боялся моря. Иной на морѣ господствовалъ; но къ земли пристать спрашивался. Иной любилъ науки; но боялся обнаженной шпаги. Иной ни желѣза, ни воды, ни огня не боялся; однако человѣческаго достоинства и наслѣдства не имѣлъ Разума. Другихъ не употребляю примѣровъ, кромѣ Рима. Но и шотъ недостапоченъ. Чпо въ двѣсти пятьдесять лѣтъ отъ первой Пунической войны до Августа Непоты, Сципіоны, Маркеллы, Регулы, Метеллы, Катоны, Суллы произвели: то ПЕТРЪ здѣлалъ въ крашкое время своея жизни. Комуъ я Героя нашего уподоблю? Часто размышлялъ я; каковъ Тотъ, которой всесильнѣе маиовѣиѣмъ управляетъ небо, земаю и море; дхнешъ духъ Его, и пошекутъ воды; прикоснешся горамъ и воздымятся. Но мыслямъ человѣческимъ предѣлъ предписанъ! Божества постигнуть не могутъ! Обыкновенно представляють Его въ человѣческомъ видѣ. И такъ ежели челоуѣка Богу подобнаго, по нашему понятію, найти надобно; кромѣ ПЕТРА Великаго не обрѣшаю.

За великія къ отечеству заслуги, названъ Онъ Отцемъ Отечества. Однако малъ ему пишуль. Скажите, какъ Его назовемъ за то, что Онъ родилъ Дщерь всемилостивѣйшую Государыню нашу, Которая на Отеческой престолю мужествомъ вступила, гордыхъ враговъ побѣдила, Европу усмирила, благодѣянїями Своихъ подданныхъ снабдила?

Услыши

Услыши насъ Боже, награди Господи! За великіе труды Петровы, за попеченіе Екатеринино, за слезы, за воздыханіе, которыя двѣ Сестры, двѣ Дщери Петовы, разлучаясь проливали, за несравненные всѣхъ къ Россіи благодѣанія, награди долгоденствіемъ и Потомствомъ.

А ты великая душа, сіяющая въ вѣчности и Героевъ блистаніемъ помрачающая, красуйся: Дщерь твоя царствуетъ; Внуку Наслѣдникъ; Правнуку по желанію нашему родился; мы Тобою возвышены, укрѣплены, просвѣщены, украшены: Ею избавлены, ободрены, защищены, обогащены, прославлены. Прими въ знакъ благодарности недостойное сіе приношеніе. Твои заслуги больше, нежели всѣ силы наши!

Конецъ второй части.

СОДЕР-

СОДЕРЖАНІЕ

в второй части.

	страницъ
<i>ПЕТРЪ Великій, Геронтеская поема</i> - - -	9
<i>Трагедія Тамира и Селимъ</i> - - -	53
<i>Трагедія Демофонтъ</i> - - -	123
<i>Письмо о пользѣ стекла</i> - - -	188
<i>Слово похвальное Государынѣ ЕЛИСАВЕТѢ ПЕТРОВ-</i> <i>НѢ</i> - - - - -	203
<i>Слово похвальное Государю ПЕТРУ Великому</i> -	228

